

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
АРТЕМ ДРАБКИН
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

1941–1945

Подлинная история великих войн

Алексей Исаев

**История Великой Отечественной
войны 1941-1945 гг. в одном томе**

«Яуза»

2018

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Исаев А. В.

История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в одном томе
/ А. В. Исаев — «Яуза», 2018 — (Подлинная история великих
войн)

ISBN 978-5-04-093289-4

ВПЕРВЫЕ ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ВОИНЫ В ОДНОМ ТОМЕ! Великая Отечественная до сих пор остается во многом «Неизвестной войной». Несмотря на большое количество книг об отдельных сражениях, самую кровопролитную войну в истории человечества не осмыслить фрагментарно — лишь охватив единым взглядом. Эта книга ведущих военных историков впервые предоставляет такую возможность. Это не просто летопись боевых действий, начиная с 22 июня 1941 года и заканчивая победным маем 45-го и капитуляцией Японии, а грандиозная панорама, позволяющая разглядеть Великую Отечественную войну целиком, объемно, не только в мельчайших деталях, но и во всем ее подлинном трагизме и величии. Все события 1941-1945 годов описаны авторами на современном научном уровне, с опорой на рассекреченные архивные документы и широкий спектр иностранных источников. Перед читателем предстают история операций, роль в них людей и техники, максимально очищенные от политической пропаганды.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-04-093289-4

© Исаев А. В., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

ВРЕМЯ ТИТАНОВ	7
НА ПУТИ К ВОЙНЕ	12
Пакт Молотова – Риббентропа	13
Начало Второй мировой войны	22
Бои на Халхин-Голе	24
Советско-финская война 1939–1940 гг	27
Реформирование и перевооружение Красной армии	29
План «Барбаросса»	33
«Но разведка доложила точно!»	38
Последний мирный месяц	39
21 июня 1941 г	41
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ	44
Действия немецких диверсантов	45
Начало вторжения	47
Силы сторон	50
Первые танковые бои	52
Брестская крепость	54
«Нам объявили, что началась война...»	56
ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ	60
Сдача Гродно	61
Танковые бои	62
Потеря Минска	65
Прорыв частей Западного фронта из окружения	68
Итоги Приграничного сражения	70
ПЕРВОЕ ВОЕННОЕ ЛЕТО	71
Сражение за Могилев	72
Стабилизация линии фронта под Смоленском	74
Действия высшего руководства СССР	75
Мобилизация	76
Суд над руководителями Западного фронта	77
Обстановка на фронтах	78
Сражение за Смоленск	79
ОБОРОНА КИЕВА	82
Бои на линии Сталина	83
Бои на ближних подступах к Киеву	86
Киевский «котел»	88
Сражение за Днепропетровск	93
Военные преступления немецких войск в Киеве	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Артем Драбкин
История Великой Отечественной
войны 1941–1945 гг. в одном томе

© Исаев А.В., 2018

© Драбкин А.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Якорь», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ВРЕМЯ ТИТАНОВ

В российской истории Великая Отечественная война 1941–1945 гг. навсегда останется временем титанов. Те люди, что отстаивали свободу и независимость нашей Родины, были титанами, пусть даже они не осознавали себя таковыми. Большое, как известно, видится на расстоянии, и сейчас, спустя семь десятилетий, мы можем по достоинству оценить подвиг своих отцов, дедов и прадедов. Тем не менее нам трудно представить реалии столкновения миллионов армий индустриальной эпохи, когда развитие военных технологий достигло невиданных ранее высот, а их применение на поле боя – колоссальных масштабов. В начале XXI столетия, несмотря на продолжающийся прогресс в разработке средств разрушения, вооруженные конфликты, к счастью, носят ограниченный характер. Бойцы и командиры Красной армии, напротив, жили в условиях постоянной смертельной опасности, когда гибель боевых товарищей превращалась в обыденность. Никто не мог считать себя в абсолютной безопасности – ни генерал, ни рядовой, поскольку смерть могла подстергать везде и в любую минуту.

Устрашающие удары с воздуха даже по тыловым железнодорожным станциям, прилетающие, казалось, из ниоткуда тяжелые артиллерийские снаряды, неожиданные взрывы установленных противником мин и «сюрпризов». Снайперы, ставшие «притчей во языцех» современных локальных войн, в боях Великой Отечественной были лишь одним из многих факторов, и далеко не самым значимым. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки, терялась в ряду опасностей, где-то далеко за 100-килограммовыми снарядами тяжелых мортир и 500-килограммовыми авиабомбами. В гигантских сражениях на окружение мог попасть в «котел» и сгинуть бесследно и старый вояка с передовой, и штабист, и интендант, и военный строитель.

Великая Отечественная война продолжалась три года, десять месяцев, шестнадцать дней, двадцать часов и одну минуту. Или, по-другому, 46,5 месяца; 202,42 недели; 1418 дней; 34 032 часа; 2 041 920 минут. Однако на фронте состояние постоянной смертельной опасности продолжалось, казалось, бесконечно, поскольку война с германским вермахтом – сильнейшей армией мира – не была одномоментным, краткосрочным усилием воли, на которое способен практически каждый человек, а требовала длительной мобилизации всех физических и психологических сил на грани и за гранью возможного. Битва с немецкой военной машиной вновь и вновь заставляла преодолевать нечеловеческую усталость во имя новых боев, штурмов, рытья окопов и изматывающих пеших маршей. Подавляющее большинство солдат Великой Отечественной – это не танкисты и летчики, а пехотинцы, и гибли они гораздо чаще, чем представители других родов войск.

Многодневные марши становились неотъемлемой частью жизни бойцов. Иногда по грунтовым дорогам и бездорожью им приходилось проходить до шестидесяти-семидесяти километров в день. При этом кроме оружия пехотинцы должны были нести на себе шинель в скатке, вещмешок, противогаз, каску, саперную лопатку, полевую сумку и три-четыре подсумка с патронами. Несмотря на страшную усталость, даже в краткие периоды затишья между боями времени на сон у красноармейцев почти не оставалось – к рассвету нужно было успеть отрыть окопы, чтобы укрыться от града раскаленных осколков и свинцового ливня пулеметных трасс.

Именно рядовые бойцы и младшие командиры Красной армии вынесли на своих плечах основную груз войны с гитлеровской Германией, разгромили казавшийся непобедимым вермахт и взяли штурмом немецкую столицу. Однако нельзя сказать, что титанам Нового времени повезло с описанием их подвигов. Как удачно заметил еще в 1920-х гг. советский историк М. Н. Покровский: *«История – это политика, опрокинутая в прошлое»*. В СССР Великая Отечественная война стала частью государственной идеологии, что неизбежно привело к определенной «лубочности» в ее описании. Уже 17 июля 1941 г., менее чем через месяц после немецкого вторжения, Генеральный штаб направил в действующую армию группы офицеров с

целью изучения опыта первых отгремевших боев с вермахтом. Очень быстро написание истории войны разделилось на два направления. С одной стороны, успехи советского оружия на фронте становились средством пропаганды, вселявшим уверенность в Победу. С другой – критический анализ прошедших боевых действий позволял в дальнейшем не повторять допущенных ранее ошибок, искать новые приемы и методы борьбы с врагом. Исходя из своих задач, первая категория литературы оказалась известна всем – брошюры с пропагандистской версией событий должны были быть доступны каждому гражданину Советского Союза. Вторая категория, напротив, оставалась доступной лишь узкому кругу военных профессионалов и публиковалась под грифом секретности.

В послевоенные годы помимо пропагандистских целей на облик широкодоступных работ, посвященных событиям 1941–1945 гг., большое влияние стали оказывать «полководческие» амбиции тех ее участников, кто в тот период занимал высокий пост в советской партийно-государственной иерархии. В угоду властям предрежащим историки искусственно возвеличивали или же, наоборот, виртуозно затеняли те или иные события, что, естественно, не лучшим образом сказывалось на достоверности и объективности публикуемых книг и статей. К примеру, далеко не самый удачный эпизод Великой Отечественной – танковый контрудар под Прохоровкой – превратился в переломный момент Курской битвы, поскольку советский лидер Н. С. Хрущев был членом Военного совета фронта на этом направлении, а значение одной из безусловно героических и заслуживающих внимания, но все же вполне рядовых страниц войны – обороны Малой Земли под Новороссийском – было чересчур преувеличено, потому что армейским политработником, в воинском звании полковника, там воевал будущий генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. По этому поводу в народе родились даже грустные анекдоты, в которых один ветеран войны говорил другому: *«Пока я защищал Малую Землю, ты отсиживался в Сталинграде»* или: *«Что такое Великая Отечественная война? – Локальный эпизод сражения на Малой Земле»*. В брежневскую эпоху, когда министром обороны СССР стал маршал А. А. Гречко, страна также довольно много узнала о Битве за Кавказ. В 1942–1943 гг. новый глава военного ведомства командовал армиями, которые сражались под Туапсе и Краснодаром. В итоге шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945», вышедшая в период пребывания у власти Хрущева, и двенадцатитомная «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.», увидевшая свет при его преемнике Брежневе, получились крайне идеологизированными, «лакированными» и неполными работами.

В советской исторической литературе умолчания и пропуски присутствовали в освещении всех периодов Великой Отечественной войны, различались, пожалуй, только причины появления этих «белых пятен». Так, период поражений 1941–1942 гг. был описан лучше, чем вторая половина войны, из-за большего общественного интереса к нему. Если, рассказывая о периоде поражений, советские историки стремились «спрятать» некоторые из них, то при освещении победных для Красной армии 1944–1945 гг. предметом умолчания становились упущенные возможности и локальные успехи противника. Начисто из официальной летописи военных лет была вырвана одна из самых напряженных и кровопролитных страниц – многомесячное позиционное сражение за Ржев с основными силами немецкой группы армий «Центр» в 1942–1943 гг. Поэтому строчки знаменитого стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» после прочтения оставляли странное чувство. С одной стороны, Ржев интуитивно воспринимался как фронтовой город, но с другой – у подавляющего большинства советских граждан отсутствовали сведения о сколько-нибудь заметных боевых действиях, связанных с ним. На долгие годы скрыв Ржевскую битву от посторонних глаз, советские историки допустили непростительную ошибку как по отношению к людям, которые в ней участвовали, так и в отношении истории войны в целом.

Объективность, по крайней мере на уровне исторических знаний советского времени, сохраняли лишь недоступные для широкого круга читателей исследования и сборники документов, закрытые грифами «Секретно» и «ДСП» – «Для служебного пользования». Например, изданный в конце 1950-х гг. четырехтомник «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», богатый статистическими материалами и неліцеприятными оценками тех или иных решений командиров и командующих. Книги, подобные «Операциям...», были ориентированы на преподавателей и слушателей военных академий – будущих полководцев, которым требовалась максимально достоверная история побед и поражений Красной армии. Они во многом опережали свое время и по стилистике близки к современным историческим исследованиям. Обычно закрытые работы не были перегружены «руководящей и направляющей ролью партии» и вполне достоверно описывали развитие событий в сражениях. Однако преимущественно учебные функции существенно снижали ценность этих книг как исторических работ. В первую очередь это касается практически полного забвения темы понесенных советскими войсками потерь. Между тем потери являются важнейшим критерием оценки интенсивности боевых действий, подготовки войск и правильности принятых командованием решений.

Другим серьезным минусом «грифованных» исторических работ является описание действий вермахта, поскольку, как правило, оно основывалось исключительно на данных советской разведки, с неизбежными в боевой обстановке пропусками и промахами. Кроме того, до сих пор одной из проблем изучения начального периода войны остается плохая сохранность документов Красной армии. О реальных подвигах наших пехотинцев, артиллеристов и танкистов зачастую приходится узнавать из немецких «кригстагебухов» (журналов боевых действий) и «гешихтов» (историй соединений). Однако в советское время обмену информацией на международном уровне между бывшими противниками препятствовала «холодная война» между Советским Союзом и западным миром. При этом на Западе по каждой немецкой дивизии вышла книга с описанием ее боевого пути, зачастую написанная на основе архивных материалов. Западная историческая литература в СССР и советские закрытые работы за рубежом использовались специалистами по военной истории, но в крайне ограниченных объемах.

Закрытые грифами секретности военно-исторические исследования о Великой Отечественной были жизненно необходимой подпиткой для открытой, пусть и ориентированной на пропаганду, литературы. К тому же эти книги писали те, кто не понаслышке знал о войне: встретивший 22 июня 1941 г. под Брестом бывший начальник штаба 4-й армии Западного фронта генерал-полковник Л. М. Сандалов, бывший начальник штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор М. Д. Грецов и другие опытные штабисты Красной армии. Тем не менее закрытость секретных и ДСПшных работ сыграла с ними и их авторами злую шутку, поскольку лишала общественного внимания и контроля. Это привело к тому, что в «эпоху застоя» ведение закрытых исследований по истории войны оказалось практически свернуто. Так, издание «Сборников боевых документов Великой Отечественной войны» было приостановлено на томе, рассказывающем о событиях октября 1941 г. на Брянском фронте. В условиях закрытости архивов продолжение публикации этих сборников могло бы дать серьезный импульс научным исследованиям.

После распада Советского Союза наряду с кассовыми фантастическими боевиками и дамскими романами отечественные читатели познакомились с еще одним популярным на западном книжном рынке жанром – разоблачением исторических «мифов». Под удар попали как прославленные военачальники, начиная с Маршала Победы Георгия Жукова, так и «народные герои» Александр Матросов и 3-ья Космодемьянская. Однако наиболее ярким представителем этого направления стал «Ледокол» и другие книги, написанные под псевдонимом Виктор Суворов сбежавшим в Великобританию в разгар холодной войны советским военным разведчиком В. Б. Резуном. Их основная идея заключается в том, что катастрофа 22 июня

1941 г. произошла из-за того, что Сталин планировал захват европейских государств с целью установления в них коммунистического режима и Гитлер всего лишь на две-три недели упрел агрессию Красной армии. После информационного вакуума советских лет и намеренного замалчивания трагедии первого периода войны теории подобные изложенным на страницах книг Суворова пустили глубокие корни в сознании читающей публики. Хотя на самом деле произведения бывшего разведчика и его последователей, сделавших себе имя на книгах со скандальными названиями и не менее скандальным содержанием, не что иное, как занимательные и талантливо выполненные мистификации. Все до единого «доказательства», на которые ссылаются авторы этих «исследований», при ближайшем рассмотрении похожи на карточные домики, рассыпающиеся от легкого прикосновения ветра.

Если в СССР существовали препятствия для работы с основными архивными документами по истории Великой Отечественной, хранящимися в Центральном архиве Министерства обороны в подмосковном Подольске, то сегодня, когда они практически устранены, движение исторической науки вперед становится все заметнее. Появился целый ряд книг о Курской битве, в которых детально описываются боевые действия одного из ключевых сражений Второй мировой войны, настоящая история которого до сих пор известна немногим. В нашей стране и даже на Западе о боях на Курском выступе судят обычно по мемуарам советских военачальников, «приглаженным» в соответствии с официальной версией. Однако ранее засекреченные документы, ставшие доступными для исследователей в последние годы, проливают свет на истинную картину героических и страшных боев жаркого лета 1943 г. Вязьма, Сталинград, Харьков, Севастополь, Керчь, Битва за Германию и взятие Берлина – все больше крупных сражений получили достойное современного уровня исторического знания освещение. Несколько лет назад в сети Интернет Министерством обороны были размещены электронные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа», содержащие информацию о советских воинах, погибших, умерших и пропавших без вести в годы войны, а также информацию о наградах участников боевых действий.

Вместе с тем реальные события времени титанов во многом продолжают оставаться «Неизвестной войной», в описании которой правда густо переплетена с вымыслом, а настоящие подвиги – с пропагандистскими выдумками. Регулярно история войны искажается в кино – и телефильмах, в том числе снятых на государственные средства и демонстрируемых в «прайм-тайм» по государственному телевидению, вроде эпических картин Никиты Михалкова «Предстояние» и «Цитадель», скандального фильма «Сволочи» и популярного у зрителей сериала «Штрафбат». В подобных лентах Красная армия представляется в виде стада слабоумных солдат, уничтожаемого заградотрядами, звероподобными особистами и генералами. Свои на экране оказываются страшнее чужих – немцев. Если предположить, что у советских военачальников не было никакой моральной ответственности за доверенные им жизни, беречь людей имело смысл, исходя хотя бы из чисто практических соображений. Если дивизия, армия, фронт понесут большие потери сегодня, то с кем воевать завтра, освобождать новые города, получать ордена и расти по карьерной лестнице? Не делают погоды на общем фоне унылых и бессмысленных картин современного отечественного кинематографа о войне даже такие несомненные творческие удачи, как «Звезда», «В августе 44-го...» и «Брестская крепость».

Тягостное впечатление производят также поощряемые на правительственном уровне манипуляции с историческими фактами и использование наработок гитлеровской пропаганды в странах Европы и некоторых бывших советских республиках, ставших независимыми государствами. В 2009 г. парламентская ассамблея ОБСЕ – Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе – приняла специальную резолюцию, в которой Третий рейх и Советский Союз в равной степени обвинялись в развязывании Второй мировой войны. Однако не СССР бомбил Великобританию, Францию, Бельгию, Норвегию, Голландию, Польшу, Югославию, Грецию и другие государства, захватив пол-Европы, построил в покоренных странах концен-

традиционные лагеря, где, по новейшим подсчетам, погибло около 7,5 миллиона человек. Показательными выглядят печально знаменитая кампания по демонтажу памятника Воину-освободителю в Таллине, шествия ветеранов латвийских формирований войск СС, установка в Латвии и Эстонии монументов эсэсовским карателям. Очевидно, что это прямой путь не к ревизии обстоятельств вхождения Прибалтики в состав Советского Союза в 1940 г., а к ревизии победы над Гитлером в 1945-м.

Книга, которую вы держите в руках, – это не просто летопись сражений, решавших судьбу Великой Отечественной войны, а первая на сегодняшний день попытка написать деидеологизированную, объективную и честную историю военных лет, по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события и представить всю грандиозную панораму 1941–1945 гг. во всем ее подлинном трагизме и величии. Благодаря приказу министра обороны Российской Федерации № 181 от 8 мая 2007 г. о рассекречивании документов Красной армии и Военно-морского флота периода войны авторы получили возможность ознакомиться с целым рядом ценнейших архивных материалов, ранее не доступных для историков. Сопоставление советских данных с боевой документацией вермахта, хранящейся в немецких и американских архивах, позволило создать целостную картину беспримерного в человеческой истории военного противостояния, унесшего десятки миллионов жизней и надолго определившего судьбы мира, в котором наша Родина смогла выстоять и одержать Великую Победу.

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

Необходимость и истинные цели соглашения, заключенного между Советским Союзом и Германией накануне Второй мировой войны, являются одними из самых обсуждаемых вопросов отечественной истории. Пакт Молотова – Риббентропа, как и Мюнхенский сговор, – предмет массовых спекуляций, к которому прибегают противники в любых дискуссиях. Чем был этот договор? Стал ли он способом оттянуть войну или был поводом для агрессии, своего рода спусковым крючком Второй мировой войны?

Пакт Молотова – Риббентропа

История договора между Советским Союзом и Третьим рейхом, известного под названием пакт Молотова – Риббентропа, началась за несколько лет до даты его подписания – 23 августа 1939 г.

16 марта 1935 г., спустя два года после прихода к власти Гитлера, в Германии был принят «Закон о создании вооруженных сил» – «Gesetz über den Aufbau der Wehrmacht». Исторически словом «вермахт» (*wehr* – «оружие, оборона, сопротивление» и *macht* – «сила, мощь; власть, влияние», «войско») в немецкоязычных государствах обозначались вооруженные силы любой страны. Вермахт Третьего рейха состоял из сухопутных войск (***Heer***), военно-морского флота (***Kriegsmarine***) и военно-воздушных сил (***Luftwaffe***), во главе которых стояли соответствующие органы управления – Верховные командования.

В сентябре того же, 35-го, в районе Киева свои масштабные маневры проводила Рабоче-крестьянская Красная армия. На учениях советских войск присутствовали британская, французская и чехословацкая делегации. Несмотря на целый ряд скептических отзывов иностранцев (особенно о тактике красноармейцев), в целом РККА произвела на них благоприятное впечатление. Советский Союз демонстрировал своим новым союзникам ценность своей армии в качестве силы для поддержания стабильности на европейском континенте. Появилась возможность на фоне усиления Германии создать коалицию противостоящих ей государств, испугать повторением сценария Первой мировой войны, когда она была вынуждена вести войну на два фронта. Поэтому взгляд французских и чехословацких руководителей обратился в сторону Советского Союза, в результате чего был заключен договор о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией.

Политическая обстановка в Европе начала накаляться весной 1938 г. В ночь на 12 марта на территорию Австрии были введены немецкие войска, но объединение – аншлюс двух государств – прошло без эксцессов. Австриец Йозеф Виммер вспоминал: *«Ввод немецких войск прошел спокойно. Тогда в стране была колоссальная безработица, и с приходом немцев мы надеялись получить работу»*. Вторая по величине немецкоговорящая страна и «малая родина» Гитлера фактически стала одной из земель Германии и, что самое главное, источником солдат и офицеров для германских вооруженных сил. Так, 45-я пехотная дивизия вермахта (***45. Infanterie-Division***), первой вошедшая в Варшаву в сентябре 1939 г. и в Париж в июне 40-го, а через год штурмовавшая советскую Брестскую крепость, была переформирована из 4-й венской дивизии австрийской армии.

Британцы всерьез опасались Большой войны. Первые бомбы с немецких дирижаблей упали на Лондон еще в разгар Первой мировой в 1916 г. За двадцать лет техника воздушных ударов шагнула далеко вперед, и все это время в Великобритании нагнеталась истерия относительно их эффективности. Действительно, ужасными возможными бомбардировками делало химическое оружие. В 1934 г. Уинстон Черчилль оценивал потери от первых десяти дней бомбардировок Лондона и окрестностей в 30–40 тысяч человек. Будущего британского премьер-министра и министра обороны уж точно трудно назвать трусом и паникером. Подсчеты 1936 г. показывали, что за те же десять дней погибнут 150 тысяч лондонцев. В этой ситуации готовность противовоздушной обороны туманного Альбиона приобретала важнейшее значение. Однако истребительная авиация Королевских ВВС пока еще была далека от идеала как количественно, так и качественно. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен все это знал и считал силовое решение возникшего в сентябре 1938 г. Чехословацкого кризиса далеко не лучшим вариантом. Как сильный и энергичный политик, он также фактически подмял под себя французского премьера Эдуарда Даладье. Политика Франции следовала в кильватере политики Великобритании. Французское общество, как и британское, находилось под

влиянием тяжелых потерь в Первой мировой войне и без энтузиазма относилось к перспективе нового вооруженного противостояния в Европе.

Формальным поводом для конфликта Германии с Чехословакией послужили столкновения между так называемыми судетскими немцами и чехословацкими властями. Однако «воссоединение германской нации» было лишь лежащей на поверхности причиной интереса Гитлера к Судетам. Независимое и сильное в экономическом и военном отношениях чехословацкое государство серьезно беспокоило немецких стратегов, поскольку могло стать удобным плацдармом для бомбардировок южной части Германии. Подписанный в 1935 г. договор между Францией, Чехословакией и СССР делал эту угрозу вполне реальной. Также Гитлера интересовал развитой военно-промышленный комплекс соседа. Поэтому на ниве политической немцы всячески раздували судетский вопрос, а на ниве военной готовили план вторжения в Чехословакию, который получил кодовое наименование «Грюн» («*Grün*»). Идея этой операции была проста: максимальная концентрация германских вооруженных сил против Чехословакии и молниеносный разгром ее армии.

Стремление сохранить мир любой ценой привело британского и французского премьеров Чемберлена и Даладье к шагам навстречу Гитлеру. В сентябре 1938 г. они вместо союзнической поддержки в ультимативной форме убеждали правительство Эдварда Бенеша передать Судетскую область Германии. Однако страхи одних и планы других до поры до времени были скрыты от посторонних глаз. Впоследствии это привело к рождению теорий о «направлении агрессии на Восток» и многих других. Так или иначе, в публичной политике действовали заключенные ранее договоры. Обострение обстановки вокруг Чехословакии вызвало соответствующую реакцию. В Советском Союзе были отмобилизованы 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий. В боевую готовность была приведена авиация. Руководство СССР считало необходимым безукоризненно выполнять взятые на себя военные обязательства. Так, в 1914 г. мобилизация Русской Императорской армии стала одним из знаковых событий, предшествовавших началу Первой мировой войны. Естественно, Сталин не знал, с каким багажом 28 сентября 1938 г. в Мюнхен вылетел самолет с Чемберленом на борту. Багаж из страха бомбардировок и собственного тщеславия британского премьера представлял собой гремучую смесь. К тому же скоро ему предстояло идти на выборы. Государственный деятель, не добившийся разрешения кризисной ситуации, в мгновение ока мог стать «политическим трупом». Чемберлену было 68 лет, и второй шанс совершить что-то великое в международных делах ему вряд ли мог представиться.

В столице Баварии Гитлер с ходу заявил о необходимости немедленного разрешения возникшего кризиса. В противном случае немецкий лидер угрожал применить силу уже 1 октября. Чемберлена и его французского коллегу Даладье фюрер элементарно переиграл. Ни советская, ни чехословацкая делегации на встрече не присутствовали. Фактически Чехословакия была отдана за обещание Гитлера остановить на воссоединении с судетскими немцами экспансию Германии. При этом был создан опасный прецедент – свои претензии на этнически неоднородные чехословацкие территории последовательно предъявили Польша и Венгрия. Оказавшись в международной изоляции, чехи были вынуждены уступить. Также объявила о своей независимости Словакия. Однако хуже всего было то, что в результате Мюнхенского соглашения чешская армия потеряла свои пограничные укрепления. Без них соотношение сил войск Чехии и Германии не давало никакого шанса на удержание своей территории. Финалом стало поглощение Третьим рейхом оставшегося от Чехословакии «огрызка» в марте 1939 г.

Сейчас Мюнхенское соглашение на Западе достаточно объективно оценивается как провал дипломатии и политики Великобритании и Франции, лишь в некоторой степени оправдываемый соображениями военного свойства. Более того, в западном политическом лексиконе слово «Мюнхен» стало именем нарицательным, синонимом капитуляции и провала. Уже в ходе Второй мировой войны выяснилось, что возможности немецких вооруженных сил были сильно

переоценены. Люфтваффе в сентябре 1938 г. не обладали той мощью, которую гитлеровским ВВС приписывали в Лондоне. Цифра потерь в 160 тысяч человек погибших в результате бомбардировок не была превышена даже за пять лет войны Великобритании с Третьим рейхом. С другой стороны, Мюнхенский сговор дал британцам лишний год на подготовку к войне. Благодаря этому к лету 1940 г., когда началась легендарная Битва за Британию, противовоздушная оборона туманного Альбиона стала для немецких летчиков «крепким орешком».

Однако помимо преимущества с оттягиванием войны и образовавшейся в связи с этим паузой на перевооружение Мюнхен принес политические и военные убытки. Во-первых, военный и экономический потенциал Чехословакии фактически был подарен Гитлеру. Во-вторых, фюрер укрепился в своем мнении о политиках демократических стран как «червяках». В-третьих, следствием мартовских событий 1939 г. стал вопрос о «косвенной агрессии», ставший одним из камней преткновения на будущих переговорах с Москвой. Наконец, последнее и самое главное с точки зрения истории пакта Молотова – Риббентропа – в глазах советского руководства доверие к Великобритании и Франции как к потенциальным союзникам СССР оказалось серьезно подорвано.

События марта 1938 г., знаменовавшие собой провал политики Чемберлена в Мюнхене, заставили принять срочные меры. 31 марта свои односторонние гарантии Польше дала Великобритания, несколько позже к ним присоединилась Франция. 13 и 14 апреля такие же односторонние гарантии были даны Турции, Греции и Румынии. Формулировка была такого вида: *«Французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему (правительству страны. – Прим. авт.) всю помощь, которая в его силах»*. Уже 14 апреля советскому полномочному представителю в Лондоне И. В. Майскому британским министром иностранных дел Галифаксом было прямо сказано: «Не считало ли бы советское правительство возможным дать, как это сделали Англия и Франция в отношении Греции и Румынии, одновременную гарантию Польше и Румынии». Почти идентичное предложение в Париже получил полпред Я. З. Суриц. Формулировка, правда, была немного иная. Французы предлагали договориться о том, что «в случае, если бы Франция оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую она предоставила бы Польше или Румынии, СССР оказал бы ей немедленную помощь и поддержку».

Помимо обращения к советским полпредам на следующий день, 15 апреля, последовал демарш посла Великобритании в Москве. Посол Сидс встретился с Литвиновым и прямо задал вопрос: «Согласно ли советское правительство сделать публичное заявление?» Так СССР недвусмысленно предложили присоединиться к гарантиям на случай агрессии Третьего рейха. В ответ 17 апреля было сформулировано советское предложение о заключении договора. Подписание многосторонних политических, а тем более военных союзов было на тот момент практически исключено. Поэтому наиболее реалистичным вариантом было соглашение между ведущими европейскими державами с предоставлением гарантий осколкам рухнувших империй и другим государствам. Союзников устраивали декларации, а Советский Союз хотел формального договора. Более того, Сталин в первую очередь был заинтересован в гарантиях в Прибалтике. В Латвии, Литве и Эстонии проживало немало этнических немцев, и советское руководство не исключало развития событий по чехословацкой модели марта 1939 г. – капитуляции государства под угрозой применения военной силы. Такой сценарий получил наименование «косвенной агрессии». Ввод немецких войск в прибалтийские страны привел бы к образованию опасного для Советского Союза плацдарма в двух шагах от Ленинграда, создавая угрозу не просто «колыбели революции», а важному центру военной промышленности и возможности захвата морских «ворот» СССР. В отличие от прямого военного вторжения подобная «косвенная агрессия» требовала выверенных и точных формулировок договора о взаимопомощи.

Усложнялась ситуация также взаимным недоверием сторон. У СССР перед глазами был Мюнхенский сговор. Союзники же слишком хорошо помнили звучавшие еще не так давно из уст советских лидеров слова о мировой революции и не исключали, что сам Сталин может стать инициатором «косвенной агрессии». У России имелся отрицательный опыт 1915 г., когда страна попала под главный удар немецких войск, потеряла большую территорию, но крупного наступления на Западном фронте, несмотря на заранее достигнутые договоренности об использовании войск, так и не дождалась. Летом 1939 г. СССР предлагалось ввязываться в войну, не имея вообще никаких твердых обязательств со стороны союзников. В 1942 г., во время визита британского премьер-министра Уинстона Черчилля в Москву, Сталин сказал ему: *«Английское и французское правительства и не думали воевать в случае нападения на Польшу, а больше надеялись на то, что дипломатическое единство Англии, Франции и России отпугнет Гитлера. Мы были уверены, что оно его не пугает»*. Другими словами, советское руководство в 1939 г. было уверено, что нужно будет воевать. Естественно, публично признавать за собой прагматичную и со всех сторон обоснованную «позицию войны» было не слишком удобно. Как бы то ни было, война приносит народу жертвы и страдания. Даже если она сравнительно короткая и победоносная. Поэтому говорить на всю страну «мы хотели для вас скорой войны» было бы неразумно. Все это породило замысловатую легенду о вселенском заговоре изоляции Советского Союза, которая предлагалась в качестве официальной советской позиции в послевоенные годы. Она была удобна в период «холодной войны»: тогдашние противники СССР дополнительно демонизировались.

Еще одним фактором были события на Дальнем Востоке. Британцы и французы не хотели и слышать о них. Советский Союз, соответственно, не настаивал. Для того чтобы понять, какого масштаба была эта уступка, достаточно сказать, что в июле 1939 г. уже гремели бои на Баин-Цагане, на реке Халхин-Гол. Более того, советский разведчик Рихард Зорге докладывал из Токио: «Переговоры между Германией, Италией и Японией о военном пакте продолжаются. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии». В этой связи нельзя сказать, что советское руководство проявляло твердолобость и заняло на переговорах негибкую позицию. Выдвигались достаточно реалистичные требования. Решение проблем СССР на Дальнем Востоке союзникам не навязывалось, хотя, вступая в европейскую войну, Советский Союз в тот момент автоматически получал второй фронт с Японией.

Таковы были стартовые позиции сторон, когда начался обратный отсчет дней и недель до заключения пакта Молотова – Риббентропа. Нельзя сказать, что в тот момент его заключение было предопределено. На какое-то время Советский Союз занял одно из центральных мест в европейской политике. Сталин постарался к этому подготовиться соответствующим образом. 1 мая 1939 г. наркома иностранных дел Литвинова можно было видеть во время парада на Красной площади на трибуне Мавзолея недалеко от Сталина. Утром 3 мая он принял британского посла Уильяма Сидса. Даже самый проницательный советолог и кремленолог вряд ли бы заподозрил что-то неладное. Но вечером того же дня Президиум Верховного Совета СССР издал указ о назначении В. М. Молотова на пост народного комиссара иностранных дел с сохранением за ним поста председателя Совнаркома. Часто отставку еврея по национальности Литвинова и назначение вместо него русского Молотова расценивают как шаг в сторону Германии. Однако назначение Молотова имело более широкий смысл, поскольку символизировало готовность советского руководства начинать переговоры «с чистого листа». За Литвиновым были взяты ранее на себя обязательства, у Молотова такого дипломатического груза не было.

В мае 1939 г. у СССР и Третьего рейха не было никакого желания идти на какие-либо переговоры друг с другом. Германский посол в Москве граф Вернер фон дер Шуленбург уже 20

мая получил резкую отповедь от только что назначенного наркомом иностранных дел Молотова: *«У нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; для такой игры следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР»*. Интерес двух держав к сближению и заключению политических соглашений на тот момент был нулевой. Более того, 28 июня Гитлер даже дал фон дер Шуленбургу указание сообщить советской стороне о том, что «мы не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». Какие-то реверансы в сторону СССР в этот период являлись исключительно собственной инициативой посла. Фон дер Шуленбург был представителем старой школы немецкой дипломатии, стоявшей за мирное сосуществование с Советским Союзом, несмотря на все идеологические противоречия между национал-социалистами и коммунистами.

Инициатива начала переговоров между СССР и Германией была за немецкой стороной. Иногда в качестве приглашения Гитлера к диалогу считают речь Сталина на XVIII съезде ВКП (б), произнесенную им 10 марта 1939 г., в которой довольно резко оценивалась политика Великобритании и Франции. Однако это вовсе не означало, что советским лидером была проявлена благосклонность к Германии. Наоборот, Третий рейх, Япония и Италия в сталинском докладе прямо назывались «блоком агрессивных государств». Впоследствии чиновник немецкого Министерства иностранных дел доктор Юлиус Шнурре уверенно заявлял, что в конце июля 39-го Гитлер решил «проявить инициативу в отношении Советского Союза». Ему вторит советник германского посольства Густав Хильгер, утверждая, что тогда же фюрер захотел «взять на себя инициативу в налаживании взаимопонимания с русскими». 26 июля Шнурре по поручению своего шефа Иоахима фон Риббентропа пригласил временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова и заместителя советского торгового представителя Е. И. Бабарина на дружеский ужин в берлинский ресторан «Эвест», где впервые заговорил о возможности заключения договора между двумя государствами. Позиция советского руководства была однозначной – никаких шагов навстречу немцам. В телеграмме, отправленной Астахову 28 июля, Молотов был краток: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно».

Каковы же были побудительные мотивы немцев? 30 июля 1939 г. статс-секретарь германского Министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцзеккер записал в своем дневнике: *«Этим летом решение о войне и мире хотят у нас поставить в зависимость от того, приведут ли неоконченные переговоры в Москве к вступлению России в коалицию западных держав. Если этого не случится, то депрессия у них будет настолько большой, что мы сможем позволить себе в отношении Польши все, что угодно»*. Таким образом, немцы также рассчитывали на психологический эффект, а не на наличие или отсутствие военной силы СССР на весах войны и мира как таковой. Однако на тот момент ответом Астахова и Молотова было гробовое молчание. Сам Вайцзеккер тогда оценивал перспективы демарша немецкой дипломатии как весьма туманные. От Советского Союза немцам требовалось простое бездействие. Причем в качестве «бонуса» они могли договориться об урегулировании отношений с Японией через связанную с ней «антикоминтерновский пакт» Германию.

Так или иначе, пока еще формальные шаги навстречу военному соглашению СССР и западных союзников были сделаны. Британская и французская военные миссии довольно долго «укладывали чемоданы». Только 5 августа они, наконец, отправились в Советский Союз на старом товаро-пассажирском пароходе «Сити оф Экзетер» (*«City of Exeter»*). Путешествие до Ленинграда заняло почти неделю. Переговоры в Москве явно рассматривались союзниками как вспомогательная мера, ради которой жалко было рисковать даже одним крейсером. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война стоила Королевскому флоту многих потопленных крейсеров всех типов. Впрочем, отнюдь не долгое ожидание стало причиной неудачи англо-франко-советских переговоров. Хотя именно 11 августа, в день приезда британцев и францу-

зов в Москву, полпреду Астахову в Берлине было дано указание ответить согласием на ведение с немцами пока еще экономических переговоров. Самым большим разочарованием стали сами переговоры. Дело было даже не в полномочиях и не в составе делегаций. Руководитель британской военной миссии адмирал Реджинальд Дракс прямо сказал уже в первый день переговоров 12 августа: *«У нас, конечно, имеется план, но разработанный в общих чертах; так как выезд миссии был поспешный, точно выработанного плана не имеется»*. Советская сторона подготовила развернутый военный план действий уже 4 августа.

На следующий день, 13 августа, прозвучало еще более убийственное признание. Глава французской военной миссии генерал Жозеф Думенк ответил на вопрос о военных планах в отношении Польши: *«Лично мне не известны точные цифры войск, какие должна выставить Польша. Все, что я знаю, это то, что главнокомандующий польской армии обязан оказать нам помощь всеми имеющимися у него силами»*. Далее Думенк закрыл эту тему и перешел к следующему вопросу. Так советская военная миссия получила признание союзников о том, что и в случае Польши четких планов взаимодействия нет. При этом соглашение британцев и французов с поляками существовало уже достаточно давно. Как должны были быть сформулированы военные соглашения, советскому руководству объяснять было не надо. Примеры достались еще от Российской империи. Так, в протоколе совещания начальников штабов России и Франции, генералов Я. Г. Жилинского и Огюста Дюбайля, в августе 1911 г. говорилось: *«Оба начальника Генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно»*. Они, наоборот, утверждают, что для русских и французских армий является безусловной необходимостью предпринять энергичное наступление и насколько возможно одновременное». Более того, вполне определенно указывались сроки перехода в наступление: *«Французская армия на 12-й день мобилизации уже будет готова предпринять наступление против Германии с помощью английской армии на их левом крыле»*. Ничего подобного на переговорах в Москве ни Драксом, ни Думенком предложено не было.

Следует сказать несколько слов о «войне на два фронта», которая якобы сама по себе, без дополнительных условий, обеспечивала поражение Третьего рейха. При этом забывается, что два фронта разделены пространственно и переброски войск между ними практически исключены. В то же время воюющая на два фронта, а следовательно, занимающая центральное положение держава может перебрасывать свои войска по внутренним линиям. Все это делает результат абстрактной войны на два фронта отнюдь не очевидным. К примеру, по крайней мере в двух войнах – 1967 и 1973 гг. – противники Израиля обеспечили ему два фронта, что не мешало израильтянам последовательно громить своих врагов, умело маневрируя между Синаем и Голанскими высотами. Более того, коалиционная стратегия арабских армий вынуждала их наступать даже в невыгодных условиях.

Глава советской военной миссии народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов, а тем более начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников прекрасно понимали, что с таким состоянием дел в области военного планирования, какое в ходе переговоров обнаружилось у союзников, война на два фронта вовсе не гарантирует успеха коалиции. На этом этапе переговоры можно было бы и заканчивать. Но советская сторона предприняла попытку добиться соглашения о коридорах через Польшу для пропуска войск, поскольку границы между Германией и СССР в тот момент не существовало. Коридоры запрашивались далеко на периферии Польши – так называемый «Виленский коридор» на северо-востоке и коридор через Галицию на юго-востоке. «Виленский коридор» проходил даже не по исконным польским землям, поскольку Вильно (до 1919 г. и после 1939-го – Вильнюс) – столица Литвы. Эта бывшая территория Российской империи была захвачена Польшей в «смутное время» Гражданской войны. Однако даже предложение советской стороны пройти по «Виленскому коридору» и ударить по известной своими сильными укреплениями Восточной Пруссии не вызвало понимания у запад-

ных союзников. Хотя предложение советской стороны было достаточно весомым и серьезным. В 1914 г. в борьбе за Восточную Пруссию погибла восьмидесятитысячная армия генерала А. В. Самсонова. Тем самым СССР фактически обещал заплатить за общее дело разгрома Германии немалую цену кровью.

Инициатива последнего даже не шага, а прыжка к пакту Молотова – Риббентропа принадлежала немцам. Резкий толчок развитию событий дала адресованная лично Сталину телеграмма Гитлера, переданная 21 августа. Фюрер прямо заявил, что «является целесообразным не терять времени. Поэтому я предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Он имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия». Ответ из Москвы последовал по дипломатическим меркам молниеносно – через два часа. Сталин ответил: *«Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву господина Риббентропа 23 августа»*. Прибытие в Москву немецкой делегации советское руководство попробовало использовать в последней попытке реанимировать переговоры с западными военными миссиями. Видимо, еще теплилась надежда на то, что план действий у союзников есть, но его скрывают от советской стороны. Однако эти надежды быстро развеялись как дым. Наркому обороны К. Е. Ворошилову лишь осталось выразить сожаление о неудаче переговоров. При этом условия приема военных миссий и германской делегации существенно различались. Почти полсотни человек свиты министра иностранных дел Третьего рейха с трудом разместились в бывшем посольстве Австрии, доставшемся немецким дипломатам «по наследству», после аншлюса 1938 г. Напротив, англо-французскую делегацию поселили в одной из лучших московских гостиниц.

Еще одной черточкой, характеризующей отношение Сталина к договору с Германией, стала процедура его подписания. Договор подписали в том же кабинете, в котором шли переговоры. Никакой пышной церемонии не было. Следует сказать, что текст договора о ненападении в целом соответствовал предложенному советской стороной варианту. Секретный дополнительный протокол был предложен немецкой стороной. Вообще говоря, в первый раз слова о дополнительном протоколе появились в ходе немецкого зондажа еще в июле 1939 г. Тогда он предлагался как дополнение к экономическому соглашению. В секретном дополнительном протоколе в сферу интересов Советского Союза относились прибалтийские государства и Бессарабия, по поводу которой было сказано: *«С советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях»*. В соответствии с этими договоренностями летом 1940 г. последовал захват Красной армией Бессарабии. Немцы лишь просили в случае вооруженного столкновения не бомбить румынские нефтепромыслы. Однако до этого дело не дошло, поскольку правительство Румынии согласилось на требования СССР, и с 28 июня по 3 июля советские войска заняли Бессарабию и Буковину. Еще менее шумно прошел ввод войск в Прибалтику, где часть латышских, литовских и эстонских дивизий даже стали соединениями Красной армии.

Гитлер рассчитывал, что сообщение о подписании пакта в Москве заставит западные державы отступить. На следующий день после триумфального возвращения фон Риббентропа в Берлин фюрер отдал приказ на наступление на Польшу. Пушки новой войны должны были загреть утром следующего дня, 26 августа. Колесики немецкой военной машины завертелись в нарастающем темпе. Абверкоманда доктора Херцнера получила задание заранее захватить Яблунковский перевал и не допустить взрыва тоннеля на дороге в Краков. Немецкие диверсанты просочились в горы сразу после получения в штабах приказа о наступлении. Однако, вопреки ожиданиям германской верхушки, позиция Великобритании и Франции осталась неизменной. Более того, в тот же час, когда Гитлер привел в движение свои войска, Галифаксом и польским послом Рачиньским в Лондоне было подписано соглашение о военной взаимопомощи. Первым отступил Муссолини. Получив известия из Лондона, дуче официально объявил о своем отказе участвовать в войне. Обескураженный фюрер отменил приказ о напа-

дении на Польшу уже в 20 часов 30 минут того же дня. Однако злосчастная абверкоманда в горах «стоп-приказа» уже не получила. Рано утром 26 августа диверсионный отряд выполнил задание – захватил перевал, охрана тоннеля была заперта в железнодорожном пакгаузе. К вечеру, не дождавшись прибытия частей вермахта, Херцнер и его люди были вынуждены уйти в горы. Если бы эта вылазка немецких диверсантов стала широко известной, то Вторая мировая война могла начаться совсем по-другому.

Собственно, утверждения о том, что пакт Молотова – Риббентропа стал спусковым крючком Второй мировой, должны были начинаться на этом эпизоде и на нем же заканчиваться, поскольку никакого изменения позиций главных действующих лиц не произошло. Из Лондона Берлину четко указывалось, что платой за вторжение в Польшу будет война с Великобританией и Францией. Гитлер услышал это предупреждение, отменив свой приказ. Вновь начался замысловатый дипломатический танец с обменом меморандумами, нотами, заявлениями и дипломатическими встречами. Однако решение фюрером было уже принято. В ходе обсуждения плана войны с Польшей в Оберзальцберге еще 22 августа он говорил: *«Англия и Франция примут контрмеры, и это следует выдержать. Развертывание войск на Западе начинается»*. К войне на два фронта Гитлер был готов. Ситуация вернулась на исходные позиции апреля 1939 г., когда германским Генеральным штабом были подготовлены документы по плану «Вайс» (*«Weiß»*) – вторжению в Польшу. Потерпела крах как попытка Германии шокировать союзников пактом с СССР, так и попытка британцев и французов напугать Гитлера декларативным союзническим соглашением со Сталиным без обязательств. Трудно сказать, готовы ли были союзники к полноценному военному союзу с Советским Союзом. Ответ, пожалуй, будет отрицательным. Главную роль здесь играла их недооценка военного потенциала СССР. Заключение пакта не было вынужденной мерой и с советской стороны, поскольку непосредственная военная угроза со стороны Третьего рейха в августе – сентябре 1939 г. еще отсутствовала.

Соглашение с Советским Союзом как Германией, так и Великобританией и Францией расценивалось как вспомогательное средство в проводимой ими политике. «Разменная карта», может быть, слишком сильное выражение, но реальное положение дел недалеко отстояло от этой хлесткой фразы. Считалось, что сам факт достижения самых общих договоренностей со Сталиным произведет нужное впечатление и воздействие на другую сторону. В одном случае это было соглашение о невмешательстве (пакт Молотова – Риббентропа), в другом – союзнический договор или хотя бы односторонние гарантии. Практическое воплощение в жизнь военного соглашения с СССР с целью обуздания агрессора всерьез не рассматривалось. Одной группе противоборствующих государств (Италии и Германии) военный союз со Сталиным был просто не нужен, вторая (Великобритания и Франция) не была заинтересована в строго оговоренных обязательствах на военном поприще. Баланс сил в Европе пакт Молотова – Риббентропа не изменил. Военные реалии были таковы, что разгром Польши Третьим рейхом был предопределен. Если бы у союзников был четкий и реалистичный план действий на случай войны, а не только замысловатая система запугивания противника, то польское государство могло сохраниться. Впрочем, если бы детализированный план войны все же присутствовал, то и соглашение с СССР так или иначе состоялось бы.

Ошибкой Великобритании и Франции было нежелание рассматривать ситуацию «от войны». Именно это предопределило развитие событий как за столом переговоров в августе, так и на поле боя в сентябре 1939 г. Советский Союз, напротив, с самого начала отстаивал позицию «от войны», но не был услышан. В итоге Сталин оказался перед выбором условий вступления в мировую войну. Для Москвы пакт Молотова – Риббентропа в военном отношении стал тем же, чем для Лондона был Мюнхенский договор – минимум годичной паузой на подготовку страны к войне. В любом случае рассматривать этот документ как поворотный пункт европейской политики накануне Второй мировой нельзя, поскольку он определял лишь

условия и сроки вступления в войну самого СССР. Все прочие события развивались именно так, как их определяли правительства остальных ведущих европейских держав.

Заклячая договор с Гитлером, Сталин никак не мог предвидеть, что будущая Большая война пойдет по совсем иному сценарию, чем он предполагал. Советский лидер, например, совсем не ожидал, что в мае 1940 г. случится катастрофа Дюнкерка и Франция, которая в Первую мировую почти четыре года успешно держала Западный фронт, капитулирует перед Гитлером всего через полтора месяца после начала активной фазы боевых действий. Конечно, пакт Молотова – Риббентропа был циничной сделкой с дьяволом ради интересов нашей страны. Однако дальнейший ход событий показал, что эта сделка для нас все-таки была оправданной.

Начало Второй мировой войны

В разгоревшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войне очень быстро вскрылись те пробелы в планировании, которые обнаружились еще на переговорах в Москве. Осмысленной коалиционной стратегии, четкого плана действий у западных союзников и Польши просто не существовало. Более того, было потрачено время на совершенно бесполезный ультиматум Гитлеру. Война Германии была объявлена Великобританией и Францией только 3 сентября. Импровизированное наступление французской армии в Сааре уже ни на что повлиять не могло. Даже применение авиации было ограниченным. Страх бомбардировок, оказавший негативное влияние на решения Чемберлена в 1938 г., еще присутствовал, поэтому британцы не спешили бросать в бой свои Королевские ВВС – они могли пригодиться им самим для защиты метрополии. Все это сделало коллапс Польши столь стремительным, что Польская кампания вермахта получила впоследствии название «рождение блицкрига». Рецепт успеха был достаточно прост: против Польши были сосредоточены превосходящие силы немецких войск, а на Западном фронте оставлен лишь относительно слабый заслон.

Ни пакт Молотова – Риббентропа, ни даже секретный дополнительный протокол к нему не накладывали на Советский Союз никаких обязательств, касающихся вторжения в Польшу с целью помощи немецким войскам. Сроки вступления войск в районы к востоку от советско-германской демаркационной линии также никак не оговаривались. Секретный дополнительный протокол вообще не содержал никаких уточнений относительно необходимости использовать вооруженные силы. Когда 8 сентября последовало сообщение о выходе танков вермахта к Варшаве, на следующий день командованием Красной армии были подготовлены приказы войскам Белорусского и Киевского военных округов «к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника». Однако сообщение о захвате польской столицы оказалось преждевременным. В этих условиях ввод войск в «сферу влияния» СССР был отложен.

Советское руководство терпеливо ждало финала драмы. 6 сентября правительство Польши перебралось из Варшавы в Люблин, оттуда 9 сентября оно выехало в Кременец, а 13 сентября – в Залещики, город у границы с Румынией. В ночь на 18 сентября польское правительство покинуло пределы своей страны. Впрочем, с точки зрения принятия советской стороной решения о вводе войск конкретная дата перехода польским правительством границы с Румынией значения не имеет. Части Красной армии получили приказ о наступлении еще 14 сентября. Однако немцы уже продвинулись далеко на восток, вышли к Бресту и Львову. В 4 часа 20 минут утра 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось, что *«белорусский, украинский и польский народы истекают кровью <...> Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей – содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта – уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно – Кобрин»*.

17 сентября Красная армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Ни о каком ударе в спину уже не было речи. Польская армия была разгромлена, и даже без советского вторжения она в лучшем случае продержалась бы неделю. Сопротивления продвигающимся на запад советским танковым бригадам и стрелковым дивизиям практически не оказывалось. После нескольких дней маршей и вялых стычек с деморализованными частями Войска польского Красная армия вошла в соприкосновение с дивизиями вермахта. В Бресте состоялся даже торжественный вывод немецких войск и передача города советским

войскам, в котором участвовали подразделения 29-й танковой бригады комбрига С. М. Кривошеина. Под контроль СССР перешла территория площадью 196 тысяч квадратных километров (50,4 % территории Польши) с населением около 13 миллионов человек, практически полностью находящаяся в границах так называемой линии Керзона, рекомендованной Антантой в качестве восточной границы Польши в 1918 г. Территория Виленского края вместе с Вильно была передана Литве согласно «Договору о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой», подписанному 10 октября 1939 г. В ноябре 39-го территории Западной Украины и Западной Белоруссии, после организованного при участии советской стороны «народного волеизъявления», были «воссоединены» с Украинской и Белорусской Советскими Социалистическими Республиками.

Реакция Запада на вступление Красной армии в Польшу была достаточно осторожной. Когда польский посол Рачинский обратился к Галифаксу с вопросом, почему Великобритания не объявит войну Советскому Союзу в соответствии с польско-английским договором, тот ответил: *«Что касается советской агрессии, мы свободны в принятии нашего собственного решения и решить, объявить ли войну СССР или нет»*. В меморандуме для военного кабинета, подготовленном Уинстоном Черчиллем 25 сентября, указывалось: *«Хотя русские повинны в грубейшем вероломстве во время недавних переговоров, однако требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием. Его отвергла Польша, доводы которой, несмотря на всю их естественность, нельзя считать удовлетворительными в свете настоящих событий. В результате Россия заняла, как враг Польши, те же самые позиции, какие она могла бы занять как весьма сомнительный и подозреваемый друг. Разница фактически не так велика, как могло показаться. Русские мобилизовали очень большие силы и показали, что они в состоянии быстро и далеко продвигаться от своих довоенных позиций. Сейчас они граничат с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт. Для наблюдения за ним придется оставить крупную германскую армию. Насколько мне известно, генерал Гамелен определяет ее численность по меньшей мере в 20 дивизий, но их вполне может быть 25, и даже больше. Поэтому Восточный фронт потенциально существует»*.

Бои на Халхин-Голе

В конце июля – начале августа 1939 г. разгорелся пограничный конфликт между Советским Союзом и Японией в районе озера Хасан в Приморском крае. Основной причиной конфликта была неопределенность линии границы в практически безориентирной пустынно-степной местности на востоке Монголии между Монгольской Народной Республикой и марионеточным государством Маньчжоу-Го, образованном японской военной администрацией на оккупированной территории Маньчжурии. Командование японской Квантунской армии и правительство Маньчжоу-Го считали, что линия границы проходит по реке Халхин-Гол. В свою очередь, монгольское руководство исходило из начертания границы восточнее реки, к востоку от небольшой деревни Номонган. Разночтения приводили к пограничным стычкам, которые начались задолго до 39-го года. Ни та, ни другая сторона не была настроена решить проблему границы дипломатическим путем.

Две захваченные японцами высоты были отбиты войсками Дальневосточного фронта под командованием В. К. Блюхера. Однако по мнению штаба японской армии Советский Союз не сумел показать на Хасане ни тактических новинок, ни искусства в развертывании войск, что подтверждало мнение разведки Квантунской армии о том, что чистки очень неблагоприятно сказались на боеспособности Красной армии. Как следствие, в начале 1939 г. штаб Квантунской армии принял более агрессивные правила применения вооруженной силы, направленные на сокрушение любых попыток СССР проникнуть на маньчжурскую территорию. В итоге в мае 1939-го цепочка пограничных инцидентов переросла в боевые действия с участием частей регулярной армии сторон и советских войск (у Монголии с 1936 г. был договор с СССР о взаимопомощи).

С середины мая на Халхин-Голе развернулись бои с использованием бронетехники, артиллерии и авиации. Правда, численность вовлеченных в боевые действия войск на тот момент не превышала нескольких тысяч человек. Решительного результата ни одной из сторон добиться не удалось, однако японская авиация быстро и уверенно завоевала господство в воздухе. Японские пилоты-истребители обладали опытом в воздушных боях в Китае, и советские летчики в Монголии не могли им противостоять на равных.

Неоднозначные результаты первых боев заставили советское руководство принимать срочные меры. Уже 29 мая из Москвы самолетами в район конфликта отправились лучшие авиаспециалисты и опытные летчики (в том числе 11 Героев Советского Союза) во главе с начальником ВВС Красной армии комкором Я. В. Смушкевичем. Также на Халхин-Гол был направлен Г. К. Жуков. Первоначально он направлялся в качестве наблюдателя, но уже в начале июня занял место командира 57-го особого корпуса. Вскоре корпус был переименован в 1-ю армейскую группу.

В середине июня 1939 г. японское командование спланировало наступательную операцию с целью разгрома советских и монгольских войск. План предусматривал переправу через реку и выход по западному берегу в тыл монголо-советской группировке на восточном берегу Халхин-Гола. Предполагалось, что для реализации этого плана достаточно будет одной усиленной танками и артиллерией дивизии. Общее руководство операцией поручалось генералу Комацубаре.

В течение июня стороны накапливали силы и вели воздушную войну. К началу июля советские ВВС завоевали качественное и количественное превосходство в воздухе, доведя свою авиационную группировку до 280 самолетов, в основном новых типов. Японские ВВС на Халхин-Голе к началу боев насчитывали около 100–110 машин.

Японское наступление началось 1 июля 1939 г. с захвата господствующих высот примерно в 20 километрах к северу от занимаемого советскими и монгольскими войсками плац-

дарма. 2 июля были захвачены переправа через реку Халхин-Гол и высоты Баин-Цаган на ее западном берегу. Однако переправочные средства японцев не позволили им переправить танки, и последние участвовали только в сковывающих атаках на советско-монгольский плацдарм. Тем не менее наступление в тыл главным силам 57-го корпуса могло привести к самой настоящей катастрофе. Реакция Г. К. Жукова была незамедлительной – высоты Баин-Цаган были атакованы танками. Контрудар готовился в большой спешке, танки и броневые автомобили вступали в бой с ходу, без предварительной подготовки и поддержки пехоты. Однако обстановка требовала нанести удар по японцам как можно скорее. В итоге из 133 танков и 59 бронемашин, задействованных в контрударе, было потеряно 77 танков и 37 бронемашин. Несмотря на потери, наступление противника застопорилось: японская пехота не успела выйти в тыл советским войскам на восточном берегу Халхин-Гола. Вскоре японцы были вынуждены эвакуировать свой плацдарм под ударами танков и артиллерии.

Потерпев неудачу в обходном маневре, японское командование предприняло несколько попыток выбить советско-монгольские войска с восточного берега Халхин-Гола лобовыми ударами. Теперь ставка была сделана на артиллерию. Также в этот период усилились японские ВВС в районе конфликта, их численность возросла до 150 машин. Особенно сильными были атаки 23–25 июля, когда по советским позициям было выпущено 25 тысяч снарядов. Однако ответный огонь советской артиллерии был даже более интенсивным, и все атаки японской пехоты успеха не имели. Потеряв в боях с конца мая по 25 июля свыше 5 тысяч человек убитыми и ранеными, японские войска перешли к обороне. В свою очередь, советское наступление, предпринятое в начале августа, также успеха не имело. В последующие дни обе стороны накапливали силы и готовились к новым наступательным действиям.

К 20 августа 1939 г. войска 1-й армейской группы насчитывали около 50 тысяч человек, 530 самолетов, 438 танков и 385 броневых автомобилей. Японские войска на Халхин-Голе на тот момент насчитывали около 30 тысяч человек, объединенных управлением 6-й армии. Поддержку с воздуха им обеспечивало около 200 самолетов. Японское наступление было назначено на 24 августа. На этот раз предполагалось обойти и смять правый фланг советско-монгольских войск и прижать их к болотистой реке Хайластын-Гол, притоку Халхин-Гола.

Однако этим планам не суждено было реализоваться. В 6 часов 15 минут утра 20 августа 1939 г. по позициям японцев был нанесен мощный удар советской артиллерии и авиации, а в 9 часов началась атака пехоты по всему фронту. Замысел советского наступления представлял собой «классические канны» – так в военной науке называют операцию на окружение со сковыванием противника в центре и ударами на флангах по сходящимся направлениям. С этой целью основная масса танков и бронемашин была сосредоточена на флангах, в северной и южной группировках советских войск.

«Изюминкой» подготовленной Жуковым операции была быстрота сосредоточения ударных группировок. И северная, и южная ударные группировки переправились на западный берег Халхин-Гола только в ночь на 19 августа. Тем самым была обеспечена внезапность удара утром 20 августа. До 19 августа на восточном берегу реки находились только хорошо знакомые японцам по июльским боям стрелковые части и монгольская конница.

Советское наступление действительно оказалось абсолютно неожиданным для японцев. Их разведка полагала, что атаками в начале августа наступления советской стороны ограничатся. Японские аналитики также отказывались верить в возможность снабжения крупной группировки войск в столь удаленном районе. Однако командованию 1-й армейской группы удалось решить все проблемы снабжения войск для крупной наступательной операции. Наступление танков и пехоты развивалось стремительно. Уже к вечеру 23 августа окружение японской группировки было завершено. Бои с окруженными японскими частями продолжались до конца августа 1939 г., а к 31 августа их сопротивление было окончательно сломлено.

Перемирие было объявлено 16 сентября 1939 г. Считается, что память о поражении на Халхин-Голе стала одним из факторов, помешавших Японии вступить в войну с Советским Союзом на стороне Третьего рейха в 1941 г. Для СССР этот конфликт был войной ограниченных масштабов, для победы в которой большая страна задействовала немалые ресурсы. На Халхин-Гол направили лучших летчиков, самолеты, большое количество боеприпасов всех типов. Все это позволило добиться впечатляющего успеха. Однако в грядущей Великой Отечественной войне ни одна советская армия на фронте не могла рассчитывать на такое внимание, какое было уделено 1-й армейской группе на Халхин-Голе.

Советско-финская война 1939–1940 гг

В конце 1939 г. начался вооруженный конфликт между Советским Союзом и Финляндией, известный также как «зимняя война». Конфликт возник после провала переговоров об изменении границы двух государств, начатых еще в 1938-м. Москва предлагала Хельсинки обмен территорий на Карельском перешейке на подступах к Ленинграду на обширные пространства Карелии и возмещение стоимости оставляемой финскими гражданами собственности. Финляндию этот территориальный обмен не устраивал, в том числе из-за потери строившихся в 1920–1930 гг. на Карельском перешейке между Финским заливом и Ладожским озером укреплений так называемой линии Маннергейма, предназначенной для сдерживания возможного вторжения со стороны советского соседа. При этом сам фельдмаршал Карл Густав Эмиль Маннергейм отзывался о ней в весьма сдержанных тонах: *«Ее образовывали только редкие долговременные пулеметные гнезда да два десятка выстроенных по моему предложению новых дотов, между которыми были проложены траншеи. Эту позицию народ и назвал линией Маннергейма. Ее прочность явилась результатом стойкости и мужества наших солдат, а никак не результатом крепости сооружений»*.

Переговоры зашли в тупик, и 30 ноября 1939 г. Красная армия вступила на территорию Финляндии. В свою очередь, финские вооруженные силы уже успели отмобилизоваться и были почти полностью готовы к отражению агрессии. Советские войска вели наступление на нескольких направлениях: на Карельском перешейке, в пространстве между Ладожским и Онежским озерами, в Карелии и на Севере. По всему фронту 425 тысячам бойцов Красной армии противостояло 265 тысяч финских военнослужащих. Несмотря на массированное использование бронетехники, штурм линии Маннергейма в декабре потерпел неудачу. Причиной этого стали плохое взаимодействие родов войск Красной армии и неподготовленность бойцов к штурмовым действиям в атаках финских ДОТов – долговременных огневых точек. Многочисленные советские легкие танки с тонкой броней несли большие потери от огня противотанковой артиллерии противника. Вместе с тем танковые атаки финнов и их попытка контр-наступления провалились.

Если на Карельском перешейке Красная армия потерпела неудачу, то в пространстве между Ладожским и Онежским озерами и в Карелии наступление обернулось рядом катастроф. Пользуясь пассивностью командиров частей и недостаточным вниманием к защите тыловых коммуникаций, финны с помощью лыжных отрядов перехватили линии снабжения нескольких советских дивизий и фактически окружили их. Наступившие в январе 1940 г. жестокие морозы усугубили трагедию окруженных и привели к большим потерям. Лейтенант М. И. Лукинов вспоминал: *«Мы стали подходить непосредственно к фронту. Первое, что нас поразило, – это неубранные замерзшие трупы наших солдат и офицеров, уже запорошенные снегом. Они лежали там, где их застала смерть, в самых разных позах»*. Фотографии многочисленных трофеев, доставшихся финским войскам, обошли страницы мировой прессы и нанесли большой урон репутации Красной армии. Впоследствии негативный опыт войны с Финляндией заставил советское военное руководство обратить более серьезное внимание на вопросы боевой подготовки войск и ведения боевых действий в зимних условиях.

Оперативная пауза в период сильных морозов в январе 1940-го была использована советским командованием для накопления сил, разведки укреплений линии Маннергейма и разрушения ее укреплений огнем артиллерии большой мощности. Приведение к молчанию большинства ДОТов, преграждавших дороги в глубь Карельского перешейка, позволило Красной армии 11 февраля начать новое наступление, которое завершилось прорывом линии Маннергейма на Выборгском и Кексгольмском направлениях. Потеря линии укреплений и истощение резервов заставило правительство Финляндии пойти на переговоры с руководством Совет-

ского Союза. 12 марта в Москве был подписан мирный договор, согласно которому боевые действия на советско-финском фронте прекращались на следующий день в ровно в полдень по московскому времени. Доброволец Г. В. Прусаков вспоминал: *«По подразделениям, по цепочкам, по личному составу была команда – в 12 часов 13 марта должен быть прекращен огонь. И утром такая канонада была – как с нашей, так и с финской стороны! Лупили как могли. В 12 часов – муха пролети, слышно было бы. Ни одного выстрела. Мертвая тишина. Даже не верится, что так могло быть».*

По мирному договору Советскому Союзу отходили территории на Карельском перешейке со вторым по величине городом Финляндии – Выборгом – и ряд островов в Финском заливе. Также СССР получал в аренду на тридцать лет военно-морскую базу в Ханко. 430 тысяч финнов были вынуждены оставить свои дома и переселиться в глубь страны. Когда накануне подписания договора глава финской делегации Юхо Кусти Паасикиви завел речь о компенсации за передаваемую территорию, Молотов, вспомнив, что по Ништадтскому миру 1721 г. Россия заплатила Швеции два миллиона серебряных талеров, ответил: «Пишите письмо Петру Великому. Если он прикажет, то мы заплатим компенсацию».

Безвозвратные потери Красной армии в Советско-финской войне составили почти 127 тысяч человек. Финны потеряли убитыми и пропавшими без вести в пять с половиной раз меньше – около 23 тысяч солдат. Не менее сильным был и удар по престижу Советского Союза на международной арене. Как отмечал известный немецкий военный историк, бывший генерал вермахта Курт фон Типпельскирх, *«во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительное влияние на решение Гитлера (напасть на Советский Союз. – Прим. авт.)».*

Реформирование и перевооружение Красной армии

Первым шагом руководства Советского Союза сразу по окончании войны с Финляндией стало реформирование структуры Красной армии. Размер советских вооруженных сил вырос с полутора миллионов человек в августе 1939 г. до 5 миллионов к июню 41-го. Приграничные дивизии содержались в штате, составлявшем примерно 70 % от численности военного времени, а дивизии в глубине страны – около 30 % от штата военного времени. В танковых войсках от бригад 1930-х гг. перешли к более сбалансированным соединениям – дивизиям, объединявшим в единое целое танки, моторизованную пехоту и артиллерию. Правда, в этом процессе не обошлось без перегибов: весной 41-го из стрелковых дивизий и корпусов изъяли легкие танки поддержки пехоты, тем самым оставив их без штатных танковых частей и породив массу формально механизированных, но неспособных к самостоятельным действиям соединений. 5 мая на выступлении перед выпускниками военных училищ Сталин с гордостью говорил: *«Раньше существовало 120 дивизий в Красной армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий. Из общего числа дивизий третья часть – механизированные дивизии».*

Другим важным шагом советского правительства в рамках реформирования армии была модернизация военной промышленности. В 1930-е гг. СССР строил свою оборонную промышленность практически с нуля и крайне нуждался в новых станках, материалах и технологиях. Однако из-за войны с Финляндией Страна Советов оказалась в международной изоляции, и только торгово-экономическое сотрудничество с Германией позволило приобрести крайне необходимые материалы, оборудование и технологии, недоступные в то время на других рынках, в обмен на поставки некоторых видов сырья. Закупленные у немцев оборудование и новейшие образцы вооружения способствовали интенсивному развитию советской военной промышленности. К примеру, самая массовая противотанковая пушка Красной армии, знаменитая «сорокапятка», была усовершенствованным отечественными конструкторами оружием фирмы «Рейнметалл-Борзиг» (*«Rheinmetall-Borsig» AG*). Авиационный двигатель М-17 являлся не чем иным, как лицензионным авиадвигателем BMW VI, 203-миллиметровые снаряды на головы солдат рвущейся к Ленинграду немецкой группы армий «Север» обрушивал тяжелый крейсер («карманный линкор») «Петропавловск» – бывший «Лютцов» (*«Lützow»*), заложенный в 1937 г. на верфи в Бремене и в феврале 1940-го купленный у Третьего рейха. Немецкие станки использовались при производстве новейших советских средних танков Т-34—76.

Приоритетной областью расхода советских бюджетных средств стала авиапромышленность. В 1940 г. ассигнования на ее развитие составили 40 % от всего военного бюджета СССР. Уже к осени советские авиазаводы, перейдя на режим работы военного времени, перескочили «немецкий рубеж» – 25 самолетов в день – и выпускали до 70—100 самолетов в сутки. Аналогичные процессы шли и в других отраслях. 1940 г. стал знаковым в перевооружении танковых войск, вместо танков с противопульной броней и батальонными (серии БТ, Т-26) или полковыми (Т-28) пушками в производство пошли танки с противоснарядным бронированием и пушками дивизионного класса (средний Т-34—76 и тяжелые КВ-1 и КВ-2). Зима 1941-го стала финалом в выпуске артиллерийских систем, доставшихся Советскому Союзу в наследство от Российской империи, – 122- и 152-миллиметровых гаубиц, созданных еще до Первой мировой войны и модернизированных в начале 30-х гг. Их место на конвейерах заняли орудия образца 1938 г. Опыт «зимней войны» с Финляндией заставил советское военное руководство пересмотреть свои взгляды на пистолеты-пулеметы как дорогое оружие сомнительной эффективности. Было восстановлено свернутое в 1939 г. производство 7,62-миллиметровых пистолетов-пулеметов конструкции В. А. Дегтярева, и к июню 1941-го в дивизиях приграничных армий их количество исчислялось уже сотнями штук, тем самым вплотную приближаясь к

штату дивизий вермахта – один пистолет-пулемет на вооружении командира отделения пехотинцев. Также на вооружении советских войск состояла самозарядная винтовка СВТ – оружие, не имевшее аналогов в немецкой армии. В то же время в перевооружении Красной армии были и слабые места. К примеру, производство технологически сложных зенитных автоматических пушек калибра 37 миллиметров, являвшихся незаменимым средством борьбы с авиацией противника, промышленность СССР освоила только в 1939–1940 гг.

Напротив, немцы смогли полностью модернизировать артиллерию своей армии в 1920–1930 гг. Формальные ограничения, наложенные Версальским договором, обходились ими весьма бесхитростным образом – орудия присваивался индекс, говорящий о том, что оно разработано в 1918 г. Иногда это приводит к ошибочным утверждениям, что вермахт вооружался орудиями эпохи Первой мировой войны. В действительности основа дивизионной артиллерии немцев – 10,5-сантиметровая легкая полевая гаубица leFH 18 – была разработана на «Рейнметалле» в 1929–1930 гг. и начала службу в 1935 г. Полковое орудие 7,5-сантиметровое leichtes InfanterieGeschütz 18, или, сокращенно, 7,5-см leIG 18, было разработано сразу после войны и пошло в серию в 1927 г. 10-сантиметровая Kanone 18 была разработана в 1926–1930 гг. и поступила в войска в 1933–1934 гг.

Сравнивая возможности техники противоборствующих сторон, всегда нужно помнить, что в 1941 г. Советский Союз вступил в схватку с промышленно развитой европейской державой, обладавшей, ко всему прочему, опытом войны с такими же промышленно развитыми государствами Европы в ходе Первой мировой. В Германии в 1940 г. было 125 тысяч металлорежущих станков, а в СССР – только 58 тысяч, более чем вдвое меньше. Это, безусловно, оказывало влияние на количество выпускаемых на советских заводах артиллерийских орудий.

Выпускавшиеся новые танки Т-34 и КВ имели серьезные механические и конструктивные проблемы. По результатам испытаний «тридцатьчетверки» осенью 1940 г. были сделаны следующие неутешительные выводы: «В представленном на испытания виде танк Т-34 не удовлетворяет современным требованиям к данному классу танков по следующим причинам: а) огневая мощь танка не может быть использована полностью вследствие непригодности приборов наблюдения, дефектов вооружения и оптики, тесноты боевого отделения и неудобства пользования боеукладкой; б) при достаточном запасе мощности двигателя и максимальной скорости динамическая характеристика танка подобрана неудачно, что снижает скоростные показатели и проходимость танка; в) тактическое использование танка в отрыве от ремонтных баз невозможно вследствие ненадежности основных узлов – главного фрикциона и ходовой части».

Проблемами с качеством изготовления смотровых приборов и главным фрикционом недостатки Т-34—76 отнюдь не исчерпывались. Также серьезным недостатком новейших советских танков, как среднего Т-34—76, так и тяжелого КВ, был недостаточный ресурс установленного на них дизельного двигателя В-2. Гарантийный срок в 100 часов для маневренных сражений грядущей Большой войны был явно недостаточен.

Схожие проблемы были и с самолетным парком. Например, в докладной записке начальника 3-го отдела Западного особого военного округа П. Г. Бегмы первому секретарю Центрального комитета Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко за пять дней до начала Великой Отечественной войны, 17 июня 1941 г., указывалось: *«Истребительные авиационные полки 9-й смешанной авиационной дивизии – 41, 124, 126 и 129-й – для перевооружения получили 240 самолетов Ми Г-1 и Ми Г-3. В процессе освоения летно-техническим составом самолета Ми Г-1, Ми Г-3 по состоянию на 12.6.41 г. произошло 53 летных происшествия. В результате этих происшествий полностью разбиты и ремонту не подлежат 10 самолетов, 5 требуют заводского ремонта и 38 самолетов требуют крупного ремонта в авиационных мастерских. Итого выведено из строя 53 самолета. По различным заводским дефектам самолета и мотора временно непригодно к эксплуатации свыше 100 самолетов. Таким образом, в насто-*

ящее время на все полки 9-й смешанной авиадивизии имеется исправных 85–90 самолетов на 206 летчиков, вылетевших на самолетах Ми Г-1 и Ми Г-3».

Неважные пилотажные качества новых истребителей усугублялись недостатками вооружения. В том же докладе отмечалось: *«При пристрелке пулеметов БС в апреле – мае месяцах с. г. большинство пулеметов по различным заводским дефектам совершенно не стреляли»*. У «мига» оставались еще 7,62-миллиметровые пулеметы ШКАС, но и с ними не все было в порядке. Так, в докладе о состоянии 9-й смешанной авиадивизии в качестве серьезного недостатка новой матчасти отмечалось: *«Установки пулеметов ШКАС заводом № 1 не отлажены, в результате пулеметы не стреляют или дают сплошные задержки»*.

Предвоенные оценки были вскоре подтверждены в воздушных боях с самолетами Люфтваффе. В отчете штаба ВВС Западного фронта за 1941 г. прямо указывалось, что стрелковое вооружение новых истребителей давало большое количество отказов. В отношении истребителей конструкции Микояна отмечалось: *«На самолетах Ми Г-3 на первых сериях были плохо подогнаны головки питания к пулеметам ШКАС, рукава питания к головкам и не отработана синхронная передача»*. Вкупе с проблемами с 12,7-миллиметровым пулеметом БС неотработанная подача на 7,62-миллиметровых ШКАС делала «миг» «голубем мира». Читая сухие формулировки «свершенно не стреляли», «дают сплошные задержки» или «трудно и не без риска для жизни», остается только позавидовать мужеству летчиков, воевавших на этой технике.

Одним из масштабных мероприятий военного строительства в СССР в 1941 г. стали бетонные взлетно-посадочные полосы. В докладе наркома обороны С. К. Тимошенко в СНК Союза СССР, ЦК ВКП (б) и Комитет обороны при СНК Союза СССР было сказано следующее: *«На Западе в период весенней и осенней распутицы можно производить полеты не более чем на 61 аэродроме; в Киевском и Западном особых военных округах – только на 16 аэродромах, что совершенно недостаточно»*. Действительно, советские ВВС активно развивались, и им нужно было время на боевую учебу. Раскисание аэродромов в распутицу было серьезным сдерживающим фактором. Соответственно, в докладе Тимошенко предлагалось: *«Чтобы обеспечить круглогодичную работу авиации, хотя бы из расчета одного полка на авиадивизию, требуется построить на 70 аэродромах бетонные и грунто-асфальтовые взлетно-посадочные полосы»*. После некоторого обсуждения количество аэродромов, подлежащих оборудованию бетонными взлетно-посадочными полосами (ВПП), было существенно расширено. В итоге к июню 1941 г. работы велись: в Приб ОВО – на 23 аэродромах; в Зап ОВО – на 62 аэродромах; в КОВО – на 63 аэродромах. К сожалению, это оказалось благое намерение, которым была вымощена дорога в ад. К началу войны ВПП построить не успели, а аэродромы оказались перекопаны и загромождены строительной техникой. Фактически строительство бетонных ВПП, развернутое весной 1941 г., к 22 июня было в самом разгаре и существенно сузило аэродромный маневр авиасоединений приграничных округов.

Однако самым амбициозным предвоенным проектом стали не бетонные ВПП на аэродромах и даже не перевооружение армии на новейшие танки Т-34 и КВ. Им стало строительство укреплений на новой границе, получивших неофициальное наименование – линия Молотова. Укрепленные районы, УРы, на новой границе начали строиться в 1940 г. Рекогносцировка границы на предмет строительства УРов началась под руководством лучших советских инженеров-фортификаторов, в том числе легендарного генерала Д. М. Карбышева, уже осенью 1939 г.

На линии Молотова укрепрайоны по фронту достигали 100–120 километров и состояли из трех-восьми узлов обороны. Каждый узел обороны состоял из трех-пяти опорных пунктов. Узел обороны укрепрайона удерживал отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Линия Молотова должна была стать созданной по последнему слову тогдашней фортификационной техники системой линии обороны, надежной опорой приграничных войск Красной армии. ДОТы на линии Молотова были защищены стенами толщиной 1,5–1,8 метра, а тол-

щина перекрытий – до 2,5 метра. Если лишь небольшая часть сооружений линии Сталина на старой границе были артиллерийскими, то на линии Молотова орудиями калибра 45 и 76,2 миллиметра предполагалось оснастить почти половину сооружений. Артиллерийское вооружение имелось не только в большем количестве, но и в лучшем качестве. Высокую оценку немцев впоследствии получили шаровые установки 76,2-миллиметровых капонирных орудий Л-17, эффективно защищавшие гарнизоны артиллерийских ДОТов от огнеметов. Кроме того, УРы линии Молотова помимо 45- и 76,2-миллиметровых орудий, установленных в ДОТах, имели и собственные артиллерийские части с гаубичной артиллерией. Хотя по плану Брестский УР не должен был быть самым сильным, фактически в июне 1941 г. он был лидером по числу построенных сооружений. Однако не все построенные ДОТы были обсыпаны и замаскированы. Отсутствие земляной обсыпки не только маскировало бетонные коробки, но и закрывало трубы подходивших к ним кабелей. Впоследствии трубы коммуникаций стали ахиллесовой пятой многих ДОТов, позволявших немцам подрывать их или вводить внутрь сооружений огнеметы.

Укрепленные районы на новой границе могли сыграть важную роль в начальный период войны при выполнении двух условий: во-первых, они должны были быть достроены, а во-вторых, УРы должны были быть заняты войсками, а не только гарнизонами сооружений. Однако хотя УРы ЗапОВО были в достаточно высокой степени готовности, число построенных и боеготовых сооружений было невелико. Также не все из построенных ДОС успели вооружить. В сравнении с другими участками линии Молотова УРы на территории КОВО были в наибольшей готовности как по числу боеспособных сооружений, так и по общему проценту готовности. Большинство УРов КОВО оказалось в полосе немецкого наступления и оказало определенное влияние на развитие событий в первые дни Великой Отечественной войны.

План «Барбаросса»

После подписания пакта Молотова – Риббентропа в обеих странах произошли значительные изменения в области пропаганды. В СССР яростная антифашистская риторика сменилась на общую антибуржуазную. Хотя отношение к Гитлеру простых людей не стало лучше, вместе с тем договор многими советскими гражданами был воспринят как гарантия неприкосновенности советских границ. В ходу были такие фразы: «Войны не может быть, ведь с немцами же заключили договор о ненападении!»; «Мы же торгуем с Германией и доставляем ей хлеб, нефть, уголь. Какая может быть война?»; «Молотов недаром ездил к Гитлеру. Они договорились о мире!» Немцы так же стали рассматривать СССР как ключевого партнера. Вольфганг Морелль вспоминал: «Россия была для нас закрытой страной. Я слушал немецкий голос из Москвы по радио, но это было не интересно – сплошная пропаганда. В 1939 г., когда был заключен договор, произошел поворот в отношениях наших стран. Мы видели советские войска, солдат, офицеров, танки, и это было очень интересно. Некоторые мои товарищи по школе начали учить русский язык. Они говорили, что в будущем между нашими странами будут тесные экономические отношения и надо уметь говорить по-русски».

Разумеется, обыватели не имели информации ни о масштабных реформах в армии СССР, ни о начавшейся в Генеральном штабе вермахта разработке планов операции против СССР. Термин «блицкриг» (молниеносная война), как правило, ассоциируется с лязгом гусениц танков, воем пикирующих бомбардировщиков Junkers Ju 87 «Stuka» и несущимися по пыльным дорогам мотоциклистами. Однако это были лишь новейшие инструменты для решения вечной задачи скорейшего завершения военных действий. Немцы не имели возможности вести длительную войну на истощение и потому постоянно искали возможность быстрого сокрушения своих противников. В Третьем рейхе эта идея выкристаллизовалась в концепцию уничтожения армии противника быстрее, чем жертва агрессии сможет поставить под ружье всех, кто способен держать в руках оружие. В сентябре 1939 г. Польское государство перестало существовать, несмотря на то что в нем оставалось еще более миллиона человек призывного возраста. В 1940 г. во Франции также не были исчерпаны людские резервы к моменту подписания перемирия. Однако вся Французская кампания вермахта заняла всего 44 дня (с 10 мая по 22 июня), а Польская – лишь 36 суток (с 1 сентября по 5 октября, когда прекратили сопротивление последние регулярные части польской армии). Обе страны не смогли создать новых дивизий взамен разгромленных у границ. Те, кто мог бы сражаться в их составе, позднее стали бойцами французского Сопротивления (*Resistance*) и гибли под гусеницами немецких танков в огне Варшавского восстания 1944 г.

Основной проблемой планирования была абсолютно непригодная для ведения боевых действий область Припятских болот в центре советско-германской границы. Эта область разделяла немецкие группировки севернее и южнее болот, лишая их возможности взаимодействия между собой. Поэтому предполагалось севернее Припятских болот осуществить окружение группировки Красной армии 3-й танковой группой Германа Гота, наступавшей из Сувалкского выступа на границе между Белоруссией и Прибалтикой и 2-й танковой группой Гейнца Гудериана из района Бреста. Южнее Припятских болот «клещи» состояли из танковых соединений 1-й танковой группы Эвальда фон Клейста и пехотных дивизий 11-й армии Ойгена Шоберта. В Прибалтике самостоятельную задачу получала 4-я танковая группа Эриха Гепнера. Конечной целью операции «Барбаросса» было создание заградительного барьера по общей линии Архангельск – Астрахань.

Серьезно затрудняло планирование операции против Советского Союза отсутствие разведывательных данных. Как отмечал известный немецкий военный историк, бывший генерал Люфтваффе Вальтер Швабедиссен, «возможность сбора информации в России сильно ограни-

чивалась тем, что страна полностью отгородилась от остального мира. Ситуация осложнялась еще и беспомощностью немецкой разведки, до 1935 г. находившейся в стадии становления и до 1938 г. не предпринимавшей особых шагов против России. После заключения советско-германского договора о дружбе 1939 г. по указанию Гитлера Верховное командование Вооруженных сил Германии издало декрет, категорически запрещающий сбор разведданных о Советском Союзе <...> Деятельность разведки возобновилась только в середине 1940 г., когда уже было потеряно много драгоценного времени».

Для сбора информации немцам пришлось положиться на «Команду Ровеля» (*«Kommando Rowehl»*) – секретное подразделение Люфтваффе, вооруженное дальними разведчиками Ю-86. Свое название оно получило по имени своего командира, полковника Теодора Ровеля, и с января 1941 г. занималось фотографированием территории Советского Союза. При отсутствии у СССР сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах свыше 10 тысяч метров были относительно безопасными. Однако далеко не все из них проходили гладко. Так, 15 апреля Ю-86 Р, вылетевший для фотографирования в район Житомира, из-за неисправности двигателя был вынужден снизиться и тем самым раскрыть себя. В районе Ровно его сбил советский истребитель. На допросах пилоты совершившего вынужденную посадку «Юнкерса» упорно твердили, что заблудились во время тренировочного полета вокруг Кракова и потеряли ориентировку. От летчиков, сбитых в паре сотен километров от границы, это звучало не очень убедительно. К тому же в обломках их самолета нашли карту приграничных областей Советского Союза.

С середины апреля до середины июня 1941 г. полеты «Команды Ровеля» осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной задачей самолетов-разведчиков было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 г. В июне 41-го «Юнкерсы», «Хейнкели» и «Дорнье» каждый день фотографировали районы расположения войск Красной армии. Если в течение мая и первых десяти дней июня был зафиксирован 91 пролет самолетов-нарушителей, то с 10 по 19 июня их было уже 86. И это при том, что фиксировались далеко не все пролеты и помимо высотных самолетов-разведчиков советско-германская граница постоянно нарушалась обычными самолетами-разведчиками, которые занимались фотосъемкой пограничных укреплений.

За несколько дней до немецкого вторжения над полуостровом Рыбачий зенитным огнем был поражен двухмоторный «Юнкерс» Ju 88, погиб его бортинженер унтер-офицер Йозеф Хаузенблас. Вероятно, это была первая потеря летного состава Люфтваффе в еще не начавшейся войне с Советским Союзом. 19 июня старший лейтенант В. Воловиков из 72-го сводного авиаполка авиации Северного флота на своем истребителе-биплане И-153 «Чайка» попытался атаковать неопознанные «двухмоторные самолеты». В ответ его атаковали четыре истребителя «Мессершмитт» Bf.109 из группы прикрытия, после чего советский летчик предпочел скрыться от преследования в облаках.

Результаты кропотливой работы «Команды Ровеля» позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Советский Союз отнюдь не считался сильным противником в тот момент, когда Гитлер принял решение о походе на Восток. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 г. упоенный успехом Гитлер сказал начальнику штаба Верховного командования Вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим». После краха Франции летом 1940 г. Гитлер оценил силу, способную, по его мнению, уничтожить Россию – от 80 до 100 германских дивизий: «Это будет детская работа по сравнению с победой над Францией». Тогда перспектива ведения войны сразу на два фронта не беспокоила Гитлера: «Славяне в любом случае недочеловеки, не способные оказать сопротивление высшей расе. Большевизм сделал их лишь

слабее». 5 декабря 1940 г. фюрер сказал Браухичу и Гальдеру: *«Их армия не имеет вождей. Германским вооруженным силам потребуется не более четырех-пяти месяцев, чтобы сокрушить Советский Союз».*

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы фюрером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: *«Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции <...> Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии».* Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на Британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Великобритании на победу над Германией даже в отдаленной перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на европейском континенте позволяло немцам перевести военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Примерно в том же духе 2 февраля 1941 г. Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» Федором фон Боком. В своем дневнике генерал-фельдмаршал записал слова фюрера следующим образом: *«Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена».* Таким образом, перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, регулярно звучавшая на совещаниях руководства Третьего рейха.

После принятия летом 1940 г. политического решения о нападении на Советский Союз военное руководство немецких вооруженных сил начало вести разработку военных планов разгрома советских вооруженных сил. Наконец, 21 декабря 1940 г. окончательный вариант плана, вошедший в историю как Директива № 21, был утвержден фюрером. Гитлер дал ей название «Барбаросса» (*Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa*) – в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Гогенштауфена (1122–1190), прозванного Барбароссой из-за своей рыжеватой бороды. Этот германский правитель был одним из вождей Третьего крестового похода в Святую землю, во время которого в полном боевом снаряжении упал с коня в реку и захлебнулся. Выбирая имя столь «невезучего» исторического персонажа в качестве названия плана агрессии против СССР, фюрер уверял своих генералов: «Когда «Барбаросса» начнется, мир в безмолвии затаит дыхание!»

Последним, кто работал над планом «Восточного похода», был заместитель начальника немецкого Генерального штаба генерал-лейтенант Фридрих Паулюс – будущий командующий погибшей под Сталинградом 6-й полевой армии. Ключевой задачей вермахта по плану «Барбаросса» стало уничтожение Красной армии: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». Направлением главного удара было выбрано московское. В Директиве № 21 было сказано: «Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии». Завершалась Директива № 21 словами Гитлера: «Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях». То есть командующим группами армий сформулировали их задачи в

общем виде и предлагали им разработать свои детализированные предложения по ведению операций.

В течение января 1941 г. немецкими стратегами был проведен ряд штабных игр на картах и сформулированы идеи, на которых должны были базироваться действия вермахта на каждом из операционных направлений. Итог всей этой работе был подведен на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января. На этом совещании генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич сообщил командующим группами армий, что план операции «Барбаросса» базируется на предположении, что Красная армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра. Относительно этого замечания Федор фон Бок скептически записал в своем дневнике: *«Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть». По итогам совещания на свет появился документ, озаглавленный «Директива по стратегическому сосредоточению и разворачиванию войск (операция «Барбаросса»)».*

Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они были вершиной развития организации танковых войск не только в Германии, но и во всем мире. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с периодом Первой мировой существенно изменился. Характерные для 1916–1918 гг. атаки танков совместно с пехотой остались в тактическом арсенале, но были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы.

Для достижения целей «Барбароссы» были созданы четыре танковые группы, которые возглавили генерал-полковники Эвальд фон Клейст, Гейнц Гудериан, Герман Гот и Эрих Гепнер. Выделенные для нападения на Советский Союз войска были разделены на три группы армий: «Север» (*Heeresgruppe Nord*), «Центр» (*Heeresgruppe Mitte*) и «Юг» (*Heeresgruppe Süd*). Группа армий «Север» во главе с генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Риттером фон Леебом должна была наступать на Ленинград, «Центр» во главе с генерал-фельдмаршалом Федором фон Бок – на Москву и «Юг» во главе с генерал-фельдмаршалом Гердом фон Рундштедтом – на Киев и Донбасс. В составе групп армий «Юг» и «Север» было по одной танковой группе, в группе армий «Центр» на ключевом, московском, направлении – две (Гудериана и Гота).

Зимой 1940/41 г. штаб танковой группы Германа Гота вместе с другими штабами танковых групп прибыл на Восток. Это была лишь группа офицеров со средствами связи. Штаб занялся разведкой и планированием предстоящей агрессии. Наиболее настораживающие разведку противника инструменты современной войны – танки – должны были прибыть непосредственно перед наступлением. В целях маскировки предназначенные для участия в «Барбароссе» войска вермахта были разбиты на шесть эшелонов. В первых четырех к советско-германской границе перебрасывались только пехотные дивизии. Крупные массы пехоты без бронетехники выглядели как заслон на Востоке для прикрытия готовящегося вторжения на Британские острова. Командир взвода 2-го пехотного полка 11-й пехотной дивизии Готфрид Эверт вспоминал: «Ходили тысячи слухов. По одной из версий, Советский Союз должен нам был дать проход через Кавказ в Персию и оттуда в Африку. То, что мы нападём на Россию, никому и в голову не приходило».

Помимо танковых групп важнейшим инструментом решения поставленных в «Барбароссе» задач должна была стать авиация. Люфтваффе были одним из главных инструментов германского «блицкрига». Хотя изначально ВВС Третьего рейха не нацеливались на плотное

взаимодействие с сухопутными войсками, к 1941 г. именно это стало их коньком. Опыт гражданской войны в Испании показал действенность воздушной поддержки атак на земле. Для эффективной реализации этой стратегии требовалось расчистить небо на направлениях главных ударов. Одним из методов борьбы с авиацией противника было ее уничтожение на аэродромах. Испания в этом отношении дала немцам бесценный опыт и стала своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. К примеру, в 1936–1937 гг. на Северном фронте, где активно действовал немецкий «Легион Кондор» (*Legion Condor*), из 62 потерянных республиканцами истребителей И-15 и И-16 около трети было уничтожено на аэродромах бомбардировкой противника.

«Но разведка доложила точно!»

В апреле 1941 г. эшелоны с солдатами вермахта уже непрерывно шли на Восток. Гитлер спешил с началом войны против Советского Союза и в близком кругу прямо говорил: *«Русские вооруженные силы – это глиняный колосс без головы <...> Россию в любом случае необходимо разгромить, и лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена»*. Интересно, что этот тезис лидера Третьего рейха был почти дословно повторен в записке военного атташе СССР в Германии генерал-майора В. И. Тупикова: *«Немцы, несомненно, в курсе слабых сторон подготовленности Красной армии <...> и какими темпами идет перестройка в армии <...> А эти данные весьма весомые для выбора сроков ведения с нами войны»*. Это пространное аналитическое донесение, важность которого мы можем оценить только сегодня, было отправлено Тупиковым в Москву 25 апреля 1941 г. В заключение своего сообщения он делал следующие выводы: *«1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник; 2. Сроки начала столкновения – возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»*. Однако точной даты начала немецкой агрессии Тупиков назвать не смог и содержание его докладной не было должным образом оценено советским руководством.

До недавнего времени было широко распространено заблуждение о том, что немецкие планы попадали на стол Сталина едва ли не сразу после их подписания. В действительности же ни о каких добытых разведкой немецких планах речи не было. Это относится как к плану операции «Барбаросса», так и к немецким планам 1942–1943 гг. Хотя с осени 1940 г. разведывательные отделы приграничных округов регулярно сообщали о сосредоточении войск вермахта на советско-германской границе. Однако даты нападения на СССР разведчиками назывались самые разные. Сначала войну с Гитлером они «обещали» в марте – апреле 1941 г., затем – летом того же года, но лишь после того, как капитулирует Лондон. Легендарный советский разведчик Рихард Зорге 28 декабря 1940 г., когда план «Барбаросса» был уже подписан фюрером, сообщал в Центр о том, что 80 немецких дивизий находятся в Польше «с целью воздействия на политику СССР». 19 мая 1941 г. Зорге сообщал о возможном начале войны «в конце мая», 1 июня срок немецкого вторжения был «перенесен» им на 15 июня. Донесения разведки, которым Сталину оставалось только поверить, – это не более чем миф. Однозначные сведения о планах немцев у советского лидера, к сожалению, отсутствовали.

Главным недостатком в работе советской разведки накануне войны, причем как военной, осуществлявшейся Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии, так и разведки по линии государственной безопасности, была слабая аналитическая обработка поступавших от резидентур в Центр донесений. В результате действительно важные сообщения терялись в массе второстепенной информации. Записка генерал-майора Тупикова в этом отношении выбивалась из общей массы, поскольку содержала не просто хаотичный набор сведений, но и анализ ситуации. Если бы все поступавшие данные анализировались на подобном уровне, то немецкие планы советской разведкой, несомненно, были бы раскрыты раньше. Ситуация серьезно усложнялась еще и тем, что точную дату начала войны с Советским Союзом знал лишь один человек на планете – Адольф Гитлер. Более того, было не ясно, состоится ли вообще нападение Германии на СССР. Конечно, в своем бестселлере – программном произведении «Моя борьба» («*Mein Kampf*») – фюрер говорил о расширении жизненного пространства немецкого народа за счет территорий на Востоке. Однако все же это были долгосрочные планы, а в 1941 г. варианты действий Третьего рейха в первую очередь определяла текущая военно-политическая обстановка в мире.

Последний мирный месяц

В 1941 г. вермахт находился на пике своего могущества и уровня боевой подготовки, а его дивизии практически полностью укомплектованы по штатам военного времени. Летом 40-го года после разгрома Франции немецкая армия не была демобилизована. Почти год войска интенсивно тренировались и осмысливали опыт «блицкригов» – молниеносных войн – 1939–1940 гг. Напротив, Красная армия весной 1941-го была армией мирного времени. Это означало, что значительная часть войск оставалась во внутренних округах в глубине страны и содержалась в сокращенных штатах. На границе располагались только так называемые армии прикрытия, задача которых была ограниченной – «прикрыть от мобилизацию, сосредоточение и развертывание». Отразить удар главных сил врага они были не в состоянии. Фактически к немецкому вторжению реорганизация Красной армии была в самом разгаре: строились укрепленные районы и аэродромы, формировались новые авиаполки и механизированные корпуса. Руководство СССР полагало, что время до начала войны с Германией еще есть.

Для того чтобы создать группировку, способную наступать или хотя бы эффективно обороняться на границе, советским вооруженным силам нужно было две-три недели интенсивных перевозок войск. Ожидалось, что войне будет предшествовать период обострения на политическом фронте, выдвижение немцами каких-либо требований или ультиматумов. По крайней мере, именно так Гитлер ранее поступил с Чехословакией и Польшей. Политические демарши дали бы Советскому Союзу те самые недели на мобилизацию и переброску войск из глубины страны в военные округа на границе – Прибалтийский, Западный и Киевский. Без твердой уверенности в агрессивных намерениях немцев было опасно давать старт мобилизации и начинать перегруппировку крупных масс войск из глубины страны к границам. Гитлером это могло быть воспринято как угроза и вызвало бы ответные меры с постепенным сползанием ситуации к войне с Третьим рейхом. К сожалению, вплоть до середины июня противоречивые данные разведки не вселяли в советских руководителей твердой уверенности, достаточной для принятия решения о мобилизации, а Германия не предъявляла никаких ультиматумов или требований. С подачи рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса против Советского Союза была использована не знающая прецедентов в истории мировой дипломатии тактика – абсолютное молчание.

В первой половине июня ситуация становилась все более угрожающей – началось выдвижение пятого эшелона войск вермахта для участия в операции «Барбаросса», состоявшего из танковых и моторизованных дивизий. Развитая дорожная сеть Европы позволила немцам вначале сосредоточить группировку войск, объяснимую с точки зрения прикрытия с тыла высадки в Великобритании, а затем быстрыми темпами создать из нее ударные группировки сил вторжения. В свою очередь, советские разведчики продолжали называть разные сроки вторжения немцев на территорию СССР. В условиях этой неопределенности советское руководство пошло на отчаянный шаг. За восемь дней до начала войны – 13 июня 1941 г. – в газете «Известия» было опубликовано сообщение Телеграфного агентства Советского Союза, начинавшееся легендарной фразой: «ТАСС уполномочен заявить...» В нем были такие строки: *«В английской и вообще иностранной прессе стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». Выдвинув тезис, далее его опровергли: «По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы <...> слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными».* Жители Советского Союза терялись в догадках, что означает это странное сообщение, но предназначалось оно не для них. Таким способом, намеками и полунамеками, Сталин приглашал Гитлера сесть за стол переговоров. Однако ответом на сообщение ТАСС было прежнее гробовое молчание немцев по дипломатическим каналам.

Реакция Сталина последовала незамедлительно – войска внутренних округов с Северного Кавказа, Поволжья, Орловского военного округа, а также так называемые «глубинные» стрелковые корпуса особых (приграничных) округов, находившиеся в нескольких сотнях километров от государственной границы, получили приказы на выдвижение к западной границе. Ключевое решение руководством СССР было принято, а «красная кнопка» – нажата. Через три дня после сообщения ТАСС Рихард Зорге из Токио докладывал в Центр, что «война задерживается до конца июня». В Кремле появилась надежда, что войска успеют подойти к границе вовремя. Но было уже слишком поздно. На самом деле до немецкого вторжения оставалось меньше недели. Собрать группировку войск, способную достойно встретить противника, советское командование не успело. «Глубинные» корпуса находились на марше в 100–150 километрах от границы и не могли помочь своим товарищам, встретившим первый удар противника. К 22 июня Красная армия оказалась разорвана на три эшелона, разделенных сотнями километров, которые были разбросаны на пространстве от западной границы СССР до Западной Двины и Днепра. При этом в первом эшелоне находилось меньше половины войск, большая часть подразделений оставалась еще в глубине страны или двигалась к границе. Напротив, немецкая группировка собралась у советских границ плотной массой – около 80 % войск вермахта находилось в первом эшелоне сил вторжения.

21 июня 1941 г

21 июня 1941 г. в 16 часов 45 минут по берлинскому времени (в 17 часов 45 минут – по московскому) в радиоэфире над Южной Польшей прозвучала загадочная для непосвященных фраза – «Сказание о героях, Вотан, Неккер, 15». Однако в ней была зашифрована одна из самых страшных дат в истории России. Слова «Сказание о героях» обозначали ввод в действие плана нападения на Советский Союз, имя божества «Вотан» – дату, 22 июня, название реки «Неккер» – 3 часа утра, а минуты радисты вермахта передали открытым текстом.

Нажатие немецким руководством «красной кнопки» вызвало цепочку аналогичных сигналов в армиях и танковых группах. Повинуясь этому приказу, серые танки с крестами на бортах, тысячи автомашин и тягачей по пыльным дорогам направились на Восток. Через несколько часов им предстояло пересечь окутанную дымом пожаров границу СССР. Начался обратный отсчет времени до начала одной из самых страшных войн в мировой истории. Вечером, подсвечивая себе фонариками, командиры рот зачитали подчиненным обращение Гитлера, начинавшееся словами: *«Солдаты Восточного фронта!»* Фюрер сообщал своим солдатам, что *«судьба Европы, будущее германского рейха, само существование народа Германии находится теперь в ваших руках»*. Лидер Третьего рейха обвинил Советский Союз в подготовке агрессии, которую нужно упредить, и завершил свою речь словами: *«Я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!»*

После того как солдатам и офицерам вермахта зачитали обращение фюрера, начались напряженные часы ожидания. Командир взвода 11-й пехотной дивизии Готфрид Эверт вспоминал: *«Нам зачитали обращение Гитлера. Было сказано, что завтра в пять утра мы наступаем, и выданы боеприпасы. Ко мне подошел старый фельдфебель и как-то очень неуверенно и удивленно спросил: «Господин лейтенант, можете ли вы объяснить мне, почему мы нападаем на Россию?» Что я мог ему ответить?! Таков приказ!»* Тем не менее слова Гитлера упали на благодатную почву. Немецкие солдаты в своих действиях руководствовались простыми и ясными формулировками, такими, например, как приказ генерал-полковника Эриха Гепнера: *«Борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью <...> Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы»*. В ясности установок немцы, безусловно, превосходили бойцов и командиров Красной армии, у которых не было четко сформулированного образа врага. Виною тому во многом стал пакт Молотова – Риббентропа 1939 г. и попытки советской пропаганды представить немецкий народ как неоднородную социальную массу, где пролетариат восстанет, как только начнется война с СССР – первым в мире государством рабочих и крестьян.

Однако далеко не все немецкие солдаты жаждали принять участие в спасении германской цивилизации и культуры путем военного вторжения в Советский Союз. Среди сотен тысяч человек, составлявших армию вторжения, были люди самых разных убеждений. Были среди призванных в немецкую армию и те, кто в той или иной мере симпатизировал коммунистам. Один из них, выслушав своего командира роты лейтенанта Шульца, бросился к границе, переплыл Буг и сдался советским пограничникам. Запинаясь от волнения, сапер Альфред Лисков рассказал, что 22 июня на рассвете немецкие войска должны перейти границу. Не успел перебежчик обсохнуть после купания в пограничной реке, как произнесенные им слова дошли до самого Сталина. Маршал Г. К. Жуков впоследствии вспоминал: *«Вечером 21 июня мне позволил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик <...> утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркомку и Сталину то, что передал Пуркаев. – Приезжайте с наркомом минут через 45 в*

Кремль, – сказал Сталин <...> вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность».

Так, через немецкого ефрейтора советский лидер узнал общее содержание обращения Гитлера к своим солдатам. Немедленного решения на совещании в Кремле не последовало. Поначалу Сталиным были высказаны сомнения относительно достоверности сведений, сообщенных перебежчиком. Народный комиссар обороны С. К. Тимошенко высказал мнение, которое поддерживали все присутствующие люди в военной форме: перебежчик говорит правду. Еще утром 21 июня сходная информация поступила также от агента в немецком посольстве в Москве Герхарда Кегеля, который докладывал в Центр, что «война начнется в ближайшие 48 часов». Нарком предложил дать в особые округа директиву о приведении войск в боевую готовность. Однако этот вариант был сочтен Сталиным преждевременным. Надежда на мирное разрешение кризиса еще оставалась, и было решено ввести в распоряжение войскам уточнение относительно возможных провокаций противника. Таким образом, советским руководством не исключался вариант, когда немцы отдельными выпадами 22 июня могли вынудить командиров приграничных частей и соединений нанести авиаудары или же перейти границу. В этом случае был бы создан *casus belli* – повод для войны, оправдывающий вторжение в глазах мирового сообщества. Крупномасштабные боевые действия в этом случае начались бы не 22-го, а 25 или 26 июня, после обширной пропагандистской кампании в западной прессе, разоблачающей «красных варваров». Как мы знаем сегодня, немецкие стратеги не рассматривали такой вариант, но вечером 21 июня на совещании в Кремле это было совсем не очевидно.

Исходя из этих предположений директива была доработана. В итоге в войска был направлен документ, вошедший в историю как Директива № 1. В ней говорилось: *«Военным советам ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Копия: Народному комиссару Военно-морского флота. 1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий. 2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. 3. Приказываю: а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов; д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Тимошенко. Жуков. 21.6.41 г.»*. В этом документе еще содержались слова о возможных «провокациях» с немецкой стороны, но в целом Директива № 1 была достаточным основанием для приведения войск Красной армии в боевую готовность. С этой директивой Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в военные округа. Передача директивы в округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня.

В Минске командующий Западным особым военным округом генерал армии Д. Г. Павлов был вызван в штаб едва ли не из театральной ложи. Командующие армиями в этот поздний час также уже были на своих рабочих местах. Из Гродно Павлову командующий 3-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов докладывал: «Патроны розданы, занимаем укрепленные районы». Слова «возможно нападение» не удивили Кузнецова, поскольку он уже предчувствовал недоброе – по другую сторону границы в Сувалкском выступе многие часы гудели моторы механизированных колонн вермахта.

Руководство Киевского особого военного округа во главе с М. П. Кирпоносом не покидало командного пункта в Тарнополе с вечера 21 июня. В 0 часов 30 минут 22 июня Кирпонос сообщил еще об одном перебежчике, подтвердившем информацию о вторжении, что было немедленно доложено Сталину. Тем временем Директива № 1 уже расшифровывалась в штабах округов. Далее по цепочке пошло оповещение армий, корпусов, дивизий, полков. Боевая тревога была объявлена в промежутке от 3 до 7 часов утра, в зависимости от того, как быстро приказы проходили все звенья цепочки, расторопности и инициативности командиров. Многие, как, например, командующий 4-й армией А. А. Коробков, вводили в действие планы прикрытия советско-германской границы на свой страх и риск. За объявлением тревоги последовало построение в колонны и марш к позициям на границе, навстречу гулу артиллерийской канонады.

Когда боевые действия на земле еще не начались, самолеты Люфтваффе уже были в воздухе. Немцы понимали, что если бомбардировщики пересекут границу одновременно с началом операции наземных войск, то авиация Красной армии успеет прийти в боевую готовность. Машины с ломаными крестами на крыльях летели бомбить крупные советские города, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы, расположение которых стало известно благодаря разведчикам из секретной «Команды Ровеля». Немецкие самолеты шли на восток, навстречу поднимавшемуся солнцу. Наступало воскресенье. В советских школах накануне прошли выпускные вечера, отзвучали вальсы школьных оркестров, и вчерашние десятиклассники шли встречать рассвет. В то утро солнце взошло над Москвой в 3 часа 45 минут утра. К этому времени немецкие бомбардировщики уже выходили на боевой курс, чтобы через пятнадцать минут открыть бомболюки и сбросить свой смертоносный груз на города Советского Союза.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

22 июня 1941 г. – одна из самых важных и трагических дат не только в советской, но и во всей отечественной истории. Более того, по ряду показателей этот день является уникальным для мировой истории войн. В нем в удивительный клубок сплелись и переход от мирной жизни к войне, и применение высоких технологий того времени, и колоссальные масштабы происходивших событий. Первый день войны на советско-германском фронте ознаменовал собой новую эпоху в истории военного искусства. Если ранее государства постепенно втягивались в боевые действия, то 22 июня в бой сразу же вступили крупные массы войск. Такого не было ни в начале Первой мировой войны 1914–1918 гг., или, например, Русско-японской войны 1904–1905 гг., или Советско-финской войны 1939–1940 гг. Военный конфликт между Третьим рейхом и СССР не разгорался, а сразу вспыхнул ослепительным пламенем. На этот молниеносно охвативший границу пожар войны во многом похожи 1 сентября 1939 г. в Польше и начало арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг. Однако по своим масштабам эти конфликты, конечно же, существенно уступают войне Советского Союза с гитлеровской Германией.

Действия немецких диверсантов

Первыми тишину раннего утра 22 июня 1941 г. на советско-германской границе разорвали диверсионные группы из секретного спецподразделения вермахта – 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» (*Lehrregiment Brandenburg z. b. V. 800*), переодетые в форму бойцов и командиров Красной армии. Диверсанты, проникавшие на территорию СССР, оказались в числе тех немногих солдат вермахта, кто не слышал обращения Гитлера вечером 21 июня. Произошло это в районе Гродно, где еще ночью группа «Бранденбурга» под командованием лейтенанта Кригсхайма попыталась пересечь границу с целью предотвратить взрывы на мостах и дамбах вдоль дороги Липск – Даброво. Однако благодаря бдительности советских пограничников эта попытка обернулась полным провалом. Вспыхнула перестрелка, которую можно со всем основанием назвать первыми выстрелами Великой Отечественной войны; диверсанты вынуждены были отступить. В дальнейшем группа Кригсхайма все же проникла на советскую территорию, но успеха не добилась: она была рассеяна, понесла потери, ее командир был тяжело ранен.

Первой задачей немецких диверсантов были мосты, находящиеся в глубине советской территории, в нескольких километрах от границы. Для их захвата требовался транспорт, и ранним утром 22 июня группы «Бранденбурга» рыскали на пылающей границе в поисках советских автомашин разных типов.

Под Брестом задачей групп «Бранденбурга» (из 12-й роты) стали мосты через Мухавец, в нескольких километрах от границы. После захвата грузовиков и санитарной автомашины одна такая группа понеслась по дороге впереди наступающей немецкой пехоты. Группа была действительно переодета в советскую униформу и вооружена советским оружием. Более того, командир группы от руки написал приказ, который показал охране моста. Это позволило одной автомашине въехать на мост, после чего в ход пошли винтовки и пистолеты. Мост был захвачен. Однако перестрелка с охраной привела к большому расходу боеприпасов, и «бранденбуржцы» решили отойти от моста за подкреплением. Когда они вернулись, мост уже был сожжен.

В первые часы Восточного похода «бранденбуржцы» смогли захватить целый ряд важных переправ. Успешными оказались действия диверсионной группы из состава 12-й роты «Бранденбурга» под Брестом. На марше переодетых диверсантов окликнули советские танкисты, стоявшие на дороге с колонной танков. Ответив на русском языке, немцы продолжили свой путь. Именно на такие короткие контакты с противником – обмен несколькими фразами на русском без долгих диалогов – и были ориентированы действия «бранденбуржцев». Выйдя к назначенному мосту, диверсионная группа вступила в перестрелку с его охраной и смогла предотвратить взрыв переправы. Уже под утро захваченный мост едва не был потерян – на него на полной скорости влетел бензовоз с открытым краном, из которого хлестало горячее. Ураганным огнем не сразу пришедших в себя от неожиданности немецких диверсантов машина была остановлена. Скорее всего, этот бензовоз принадлежал 22-й танковой дивизии. Сейчас это тяжело себе даже представить: район Бреста, 6 часов утра 22 июня 1941 г., война гремит еще где-то на границе, но находится смельчак, который не растерялся и попытался уничтожить злосчастный мост.

О встрече с переодетыми немецкими диверсантами из полка «Бранденбург-800» сержант В. Ф. Осауленко, служивший в 18-м отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне 62-го Брестского укрепленного района, вспоминал следующим образом: *«Когда [днем 22 июня] шли через северный гарнизон, увидели группу – 7–8 солдат. Мы подошли к ребятам. Они рассказали, что их командир, младший лейтенант, ставил им боевую задачу. Подошел некий капитан и закричал: «Ты что говоришь, сволочь?!» – и выстрелил в этого парня из пистолета. Их,*

шпионов, диверсантов, была огромная масса. Надо было обратить внимание, что они были одеты в новую нашу форму. Это была в основном форма наших капитанов и майоров. У них был некоторый запас слов. Потом, они ездили и на мотоциклах, и на велосипедах. Единственное, что, сколько я их видел, три или четыре человека, они все были одеты с иголочки, чего у нас не было. Так что вот это их выдавало сразу».

Начало вторжения

Немецкие истребители и бомбардировщики шли на большой высоте над лесисто-болотистыми районами. Внизу, на земле, было тихо – артиллерийская подготовка должна была начинаться с минуты на минуту. Немцы считали, что если перелетать границу одновременно с началом операции наземными войсками, то у советских летчиков будет примерно 30–40 минут на приведение в боевую готовность. Опасения немецких авиаторов были не напрасными. Командир одного из истребительных полков капитан Ю. М. Беркаль, услышав артиллерийскую канонаду, тут же на свой страх и риск объявил боевую тревогу. С аэродрома Тарново поднялись истребители. Уже в 4 часа 5 минут утра три эскадрильи были в воздухе и заявили об уничтожении в завязавшихся схватках трех немецких самолетов. Всего за день ими было выполнено 74 вылета на прикрытие аэродрома. Советские летчики заявили об уничтожении 2 истребителей Ме-109. В воздушном бою был потерян один самолет, еще один не вернулся с боевого задания. На земле было потеряно 27 МиГ-3, 11 И-153. В соседнем 124-м истребительном авиаполку майора И. П. Полунина также вовремя объявили тревогу. В воздух поднялись заместитель командира полка капитан Н. А. Круглов и младший лейтенант Д. В. Кокорев. Последнему удалось перехватить и сбить таранным ударом двухмоторную двухкилевую машину, опознанную им как До-217. В действительности это был истребитель Ме-110, которому было суждено стать первым потерянным немцами самолетом на Восточном фронте.

Существует распространенное заблуждение о том, что советская авиация была разгромлена буквально в первые минуты Великой Отечественной войны. Однако секретом успеха Люфтваффе 22 июня был не первый удар по «спящему аэродрому», а конвейер следующих один за другим ударов, когда один аэродром за день подвергался нескольким ударам с воздуха, которые авиаполки приграничных военных округов уже не выдерживали. Авиатехники не успевали подготовить самолеты к вылетам, не хватало заправщиков, боеприпасов, автостартеров. К примеру, по аэродрому 124-го полка немецкими летчиками за день было выполнено около 70 вылетов, при этом чередовались атаки бомбардировщиков He-111 и истребителей Ме-110. Рано или поздно наступал момент, когда все самолеты оказывались прикованы к земле, заправляясь или перезаряжая оружие. В итоге немцам удалось подбить и уничтожить 30 советских самолетов. Многие авиаполки ВВС Красной армии были полностью уничтожены после четырех-пяти налетов немецкой авиации. Летчик базировавшегося на Украине 17-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза Ф. Ф. Архипенко вспоминал: *«Противодействовать ударам бомбардировщиков мы не могли: летный состав находился в Ковеле у своих близких»*. Пилоты полка на выходные обычно уезжали к семьям в Ковель. Суббота 21 июня 1941 г. не стала исключением. Последствия их отсутствия на базе были самыми печальными. Этот случай был не единственным. Экипажи 64-го штурмового авиаполка утром 22 июня прибыли на летное поле с опозданием, поскольку решили, что в выходной день объявлена обычная учебная тревога. Однако тревога оказалась боевой, и результаты несерьезного отношения к своим служебным обязанностям не заставили себя ждать – половина самолетов полка была сожжена или повреждена немецкой авиацией.

Упрощало уничтожение советских самолетов прямо на аэродромах базирования то, что крылатые машины не были рассредоточены, а стояли в линейку поэскадрильно для удобства их обслуживания. Гауптман Герхард Беккер вспоминал об одной из таких штурмовок утром 22 июня: *«Ночь была прозрачная. Нашей целью был аэродром, на котором базировалась истребительная часть, вооруженная И-16, как мы их называли, «Крыса». Они стояли в несколько плотных рядов, представляя для нас отличную цель»*.

Всего летчикам Люфтваффе в первый день войны на Восточном фронте удалось сбить около 400 самолетов ВВС Красной армии. Еще 800 было уничтожено на земле. Наихудшей

ситуация была на направлении главного удара немцев – в Белоруссии, где у них был собран мощный авиационный кулак. Вооруженная новейшими высотными истребителями МиГ-3 9-я смешанная авиадивизия Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Черных за 22 июня лишилась 347 самолетов из 409 имевшихся. Всего Белорусский особый военный округ потерял 738 крылатых машин, из них 528 самолетов было уничтожено немцами на земле. Командующий ВВС фронта генерал Копец застрелился, а командира 9-й смешанной авиадивизии генерал-майора С. А. Черных обвинили в преступном бездействии, арестовали и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли. Выдвинутые на высокие командные должности перед самой войной, пройдя за два-три года путь от лейтенантских кубарей до генеральских звезд, Копец, Черных и другие, безусловно, талантливые летчики оказались не готовы к управлению крупными авиационными соединениями.

Наименьшими потерями отделались советские ВВС на Юге – в Одесском особом военном округе. Там командующий ВВС округа генерал-лейтенант Ф. Г. Мичугин заблаговременно отдал приказ рассредоточить самолеты, как того требовал план проводимых в округе учений. Кроме того, интенсивность налетов на аэродромы ОдВО была гораздо ниже, чем на направлении главного удара. Поэтому потери авиации округа составили всего 6 самолетов.

В 3 часа 5 минут утра по берлинскому времени по всей границе между Советским Союзом и Германией загрохотала артиллерийская подготовка. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии появилась запись: *«Небо дрожит от разрывов. Под прикрытием массированного артиллерийского огня батальоны начинают атаку»*. В истории соединения этот момент описан следующим образом: *«Еще до того, как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к земле, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загремели связанные и сосредоточенные заряды. Предрассветные сумерки снова наполнились вспышками от палящего оружия всех калибров»*. Война Третьего рейха с Советским Союзом, которой будет суждено продлиться долгие четыре года, началась.

Нет ничего удивительного в том, что столь же ярким и запоминающимся первый день Великой Отечественной войны стал для бойцов и командиров Красной армии. Приближение Большой войны чувствовали, к ней готовились. Однако в ее первый день еще никто не знал, что впереди советские войска ждут тяжелые поражения, отступление до Москвы, Ленинграда и даже Волги. В журнале боевых действий 8-й армии начало боевых действий описано живо, даже поэтично: *«В 4.20 оперативный дежурный майор Андриященко вбежал в блиндаж оперативного отдела и взволнованным голосом объявил: «На всей границе немцы начали артиллерийскую подготовку»*. Одновременно с этим начальник штаба 8 армии генерал-майор Ларионов разговаривал по телефону с к-ром 11 ск (стрелкового корпуса. – Прим. авт.) генерал-майором Шумиловым; последний докладывал, что немцы усиленно обстреливают Тауроген, частям приказано выдвинуться в свои районы. Артподготовка началась ровно в 4.00». На самом деле немецкая артиллерия открыла огонь по территории СССР в 3 часа 5 минут утра по берлинскому времени, то есть в 4 часа 5 минут по московскому. Солдаты и офицеры вермахта поминутно смотрели на циферблаты своих часов и нетерпеливо ждали, когда стрелки покажут заветные пять минут четвертого. Командиры Красной армии, услышав грохот орудийной канонады и взглянув на часы, мысленно вычли несколько минут – первые залпы показались им вечностью.

В 4 часа 15 минут по московскому времени вперед двинулись немецкие сухопутные части. Танкист Оскар Мюнцель описал эти минуты следующим образом: *«Мощный артиллерийский огонь из тяжелых орудий разрывает клочья тумана. Тут и там за Бугом раздаются взрывы снарядов. В 03.15 пехота начинает наступление. Для врага оно оказалось полной неожиданностью, и он почти не оказывает сопротивления. Пехота поднимается на высокий*

восточный берег Буга и свободно овладевает еще не достроенными укрепленными позициями захваченного врасплох противника».

Первоочередной задачей вермахта в войне с Советским Союзом был захват пограничных мостов. Однако на случай их разрушения были подготовлены броды и предусмотрена постройка наплавных переправ. Захват переправ лишь экономил время. Типичным был захват моста под Сокалем на Украине. Забор из колючей проволоки на немецкой стороне был имитацией – опоры не были скреплены между собой. По сигналу к атаке стоявшие на мосту советские пограничники были застрелены. Быстро раздвинув проволочное ограждение, немецкие пехотинцы бегом бросились по стометровому мосту.

Для огромной группировки сил вторжения захваченных мостов было недостаточно, и поэтому под прикрытием огневого удара Буг в предрассветной мгле быстро пересекли лодки с пехотинцами, захватывавшими плацдармы на советской стороне. Севернее Бреста в реку тяжело оседали танки с крестами на бортах. Вскоре они скрывались под водой и выходили из нее уже на противоположный берег. Так роль бойцов специального назначения выполнили переоборудованные для передвижения по дну танки. Эти бронемашины проектировались для высадки на британском берегу, но получили неожиданное применение в войне с СССР. Плавающие «панцеры» украшала белая литера «G», обозначавшая их принадлежность к танковой группе Гейнца Гудериана. Сам Гудериан пересек Буг на штурмовой лодке вслед за своими подопечными в 6 часов 50 минут утра. Южнее Бреста задача была проще: глубина Буга составляла всего около одного метра, и немецкие танки переходили на восточный берег без особых затруднений. После захвата плацдармов в первые часы вторжения пограничные реки пересекли мосты на поплавах-понтонках, и на советскую сторону хлынули непрерывным потоком танки, автомашины, тягачи с тяжелыми орудиями, лошади пехотных дивизий.

Силы сторон

Кто же 22 июня 1941 г. встретил на границе немецкие танковые и пехотные соединения? Сравнивая силы сторон, военные историки обычно в одной колонке пишут число дивизий, танков, пушек, подчиненных Прибалтийскому, Западному и Киевскому особым военным округам, а в другой – немецким группам армий «Север», «Центр» и «Юг» соответственно. Соотношение цифр в колонках, казалось, совсем не предвещало катастрофу. Однако между силами вторжения вермахта и Красной армией была существенная разница. Немецкие дивизии были сконцентрированы плотной массой вдоль границы, а советские корпуса и дивизии были рассредоточены в глубину и большей частью находились в маршах на Запад. В военной науке такое положение называется незавершенным развертыванием. Точно таким же образом встретила вермахт 1 сентября 1939 г. польская армия. Для понимания механизма развития событий нужно подсчитывать только дивизии и корпуса, которые могут вступить в соприкосновение в конкретный день и даже час, в данном случае – советские соединения на расстоянии меньше дневного перехода от границы. Наличие в 100 километрах восточнее границы соединения на марше, подчиненного командованию одного из особых военных округов, никак не влияло на возможности ведения боя частями на границе. Критерию «дневного перехода» в трех особых округах отвечали 40 дивизий. Тому же критерию в трех группах армий вермахта отвечало уже более 100 дивизий. На направлениях главных ударов превосходство в силах немецких войск было подавляющим.

Основные силы дивизий приграничных армий находились в местах постоянной дислокации, некоторые артиллерийские полки дивизий – на полигонах. Всем им нужно было преодолеть несколько десятков километров до своих позиций на границе. Поэтому если основным видом действий подразделений вермахта ранним утром 22 июня было форсирование Буга или преодоление заграждений на советско-германской границе, то соединения Красной армии провели утро первого дня войны в маршах.

В маршевых колоннах встретили первое утро Великой Отечественной войны не только поднятые по тревоге дивизии, но и начавшие выдвигаться еще до 22 июня «глубинные» стрелковые корпуса. Сообщить их командирам об изменившейся обстановке было затруднительно. Вместе с тем воздействовать на них немцы могли только с воздуха. В случае с 48-й стрелковой дивизией в Прибалтике это оказалось фатальным: в первый же день войны соединение было рассеяно ударами Люфтваффе и потеряло до 70 % личного состава. Однако, как правило, эти войска подвергались лишь обстрелам с пролетающих немецких самолетов. Так же, без приключений, прошло выдвижение к границе частей на пассивных участках фронта, например 12-й армии в Карпатах. Ближе к середине днядвигающиеся к границе дивизии столкнулись с передовыми отрядами сил вторжения и постепенно втянулись во встречное сражение с немцами. Ни о каком занятии позиций на границе речи уже не было, поскольку они были захвачены наступающими танковыми группами вермахта. У такого вступления в бой были свои достоинства и недостатки. С одной стороны, соединения Красной армии вступали в бой плотной массой, а не растянутыми по фронту на 20–30 километров, но с другой – отсутствовал сплошной фронт. В последующие дни это создало предпосылки для окружений и прорывов.

Ранним утром 22 июня даже невыгодное соотношение 40 к 100 не было реализовано, поскольку на советско-германской границе находились только отдельные подразделения пограничных армий. Например, в Прибалтике на границе находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 5, 33, 90, 125, 188-й дивизий, то есть по трети россыпью от каждой. В Белостокском выступе от 86-й стрелковой дивизии 10-й армии на границе были те же три батальона. Эти батальоны вместе с пограничниками, несмотря на ожесточенное сопротивление, постепенно окружались и уничтожались наступающими немецкими частями.

Реальной силой для противодействия танковым группам была цепочка ДОТов линии Молотова, тем более что на их пути оказались наиболее боеготовые укрепленные районы. Каждый такой ДОТ стал маленькой бетонной крепостью. Пулеметно-артиллерийские батальоны Владимир-Волынского укрепленного района на сутки задержали 44-ю пехотную дивизию 1-й танковой группы вермахта. Бойцы ДОТа «Светлана» подбили на мосту через Буг севернее Бреста немецкий бронепоезд. Через укрепления Струмиловского укрепленного района 48-й корпус генерала Вернера Кемпфа был вынужден прокладывать себе путь «панцерами» 11-й танковой дивизии. Только через неделю после начала войны – 28 июня – замолчали пулеметы ДОТа «Орел» под командованием лейтенанта И. И. Федорова.

Первые танковые бои

Следом за пехотой 22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза ворвались танковые соединения противника. Первое сражение между советскими и немецкими танками состоялось в полосе танкового клина Панцерваффе, нацеленного на Минск. Передовой отряд 3-й танковой группы Германа Гота, не встретив серьезного сопротивления на границе, уже к полудню 22 июня подошел к переправе через Неман у города Алитус. Особенностью этой дивизии было ее оснащение танками чешского производства PzKpfw 38 (t), вооруженными 37-миллиметровым орудием. Мосты у Алитуса были подготовлены советскими войсками к взрыву, но в ночь на 22 июня охрана получила приказ из штаба округа снять заряды. Не исключено, что авторами этого «приказа» были переодетые красноармейцами немецкие диверсанты из спецподразделения «Бранденбург-800». Так или иначе, передовым частям вермахта удалось захватить оба моста неповрежденными. Впоследствии Гот вспоминал, что «для 3-й танковой группы явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными».

Однако на плацдарме у северного моста немецкие «панцеры» сразу же попали в засаду советской 5-й танковой дивизии. Главным козырем Красной армии в этом бою были полсотни новейших средних танков Т-34. Помимо этого, соединение насчитывало 30 трехбашенных средних танков Т-28 и 170 легких БТ-7. Броня «тридцатьчетверок» не пробивалась снарядами 37-миллиметровых танковых пушек, и вся тяжесть боя легла на артиллерию вермахта. Переправившиеся через южный мост немецкие танки оказались под ударом советской артиллерии. Наступление противника застопорилось. К вечеру на выручку немецким частям были выдвинуты свежие силы. Это позволило им укрепить северный плацдарм и развить с него наступление во фланг и тыл оборонявшимся частям 5-й танковой дивизии. Под угрозой окружения советские танкисты вынуждены были отойти.

В вечернем донесении немецкой 3-й танковой группы сражение под Алитусом было оценено как «крупнейшая танковая битва за период этой войны», в которой участвовала 7-я танковая дивизия. Имелась в виду, очевидно, не начавшаяся меньше суток назад война с Советским Союзом, а Вторая мировая война, разгоревшаяся 1 сентября 1939 г. Собственные безвозвратные потери оценивались в 11 танков, включая 4 «тяжелых» (по-видимому, речь шла о недавно принятых на вооружение средних PzKpfw IV). Соответственно, общие потери немцев должны были быть, по крайней мере, в два-три раза больше. Потери советской 5-й танковой дивизии в бою у Алитуса можно оценить как тяжелые. Из 45 участвовавших в бою легких танков БТ-7 было потеряно 30, из 24 средних Т-28 – 16, из 44 «тридцатьчетверок» – 27. Так, в первый же день войны состоялось знакомство немецких танкистов со средним танком Т-34—76, нарушившим их веру в превосходство германской техники над оружием «восточных варваров». Кроме того, сражение у Алитуса было первым столкновением немцев с механизированными корпсусами, располагавшимися в глубине построения войск Красной армии.

Другая важная переправа через Неман – мост в литовском городке Меркин – была захвачена даже не танками, а вырвавшимися вперед немецкими мотоциклистами. Генерал-полковник Герман Гот был воодушевлен таким началом кампании против Советского Союза: «Явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными». Впереди была, конечно, более заманчивая цель, о которой все догадывались. Позднее Гот признавался: «На самом деле <...> все стремились поскорее оказаться на пути к Москве». Пока же танковая группа Гота ударила на столицу советской Литвы – Вильнюс. Это привело к обходу и охвату через Прибалтику войск Западного фронта (до 21 июня 1941 г. – Западного особого военного округа), который был не в состоянии противодействовать угрозе в полосе соседнего фронта.

Если в Литве под Алитусом состоялось первое танковое сражение Великой Отечественной войны, то в Белоруссии под Гродно горький вкус встречи с танками Т-34 ощутила немецкая пехота. 29-я танковая дивизия полковника Н. П. Студнева до войны располагалась в районе Гродно и естественным образом оказалась на пути наступления 8-го армейского корпуса вермахта. К 22 июня 1941 г. она насчитывала всего 66 танков, в том числе два КВ и 26 Т-34. Остальной танковый парк составляли легкие танки Т-26 разных модификаций. Дивизия выводилась в район сосредоточения под ударами самолетов Люфтваффе, при первом же воздушном налете бомбардировке подвергся ее штаб. Исходные районы танкисты заняли к 8 часам утра, в сторону границы к Августовскому каналу, соединявшему Вислу и Неман, был выслан разведывательный батальон. После сосредоточения 29-й танковой дивизии в роще юго-западнее Гродно командир дивизии получил указание от генерала В. И. Кузнецова: *«Противник с целью спровоцировать конфликт и втянуть Советский Союз в войну перебросил на отдельных участках государственной границы крупные диверсионно-подрывные банды и подверг бомбардировке наши некоторые города. Приказываю: 29-й танковой дивизии во взаимодействии с 4-м стрелковым корпусом ударом в направлении Сопоткин – Калеты уничтожить противника; границу не переходить. Об исполнении донести»*. Характерна формулировка этого приказа – «с целью спровоцировать конфликт». Возможно, Кузнецов не хотел верить в то, что началась война. Силы, которыми противник пересек границу, были пока неизвестны, и советские командиры скоропалительно называли их «бандами», хотя на самом деле границу уже пересекли регулярные части немецкой армии.

Спустя некоторое время 29-я танковая дивизия получила уточненную задачу уже от командира 11-го мехкорпуса, в которой требовалось «уничтожить наступающего противника и выйти на фронт Сопоткин – Липск». Тогда же получил задачу и командир 33-й танковой дивизии полковник М. Ф. Панов: наступать в направлении Липск – Августов. Вводом в бой механизированного соединения советским войскам удалось приостановить наступление противника и даже отбросить назад передовые части немцев. В результате встречного сражения 29-я танковая дивизия с боями продвинулась на семь километров. Однако в этих боях она потеряла почти всю технику. Согласно донесениям штаба 9-й армии вермахта, только 8-я пехотная дивизия 22 июня в районе Гродно подбила 80 советских танков. Вводом подвижного резерва В. И. Кузнецову удалось приостановить продвижение немецкой пехоты.

Под Гродно танки 11-го механизированного корпуса генерала Д. К. Мостовенко 22 июня были использованы в контрударе против наступавшей на город немецкой пехоты. Танкистам удалось предотвратить немедленный развал обороны стрелковых частей, но ценой тяжелых потерь. Всего, по немецким данным, в боях на подступах к Гродно в первый день войны было уничтожено 180 советских танков.

В первый же день войны решилась судьба всех трех танков КВ 11-го мехкорпуса. Один опрокинулся и затонул в болоте. Второй был обездвижен попаданием в ходовую часть. Это был первый танк КВ, с которым немцы столкнулись в боях. Как ни странно, донесений об этом столкновении не последовало. Видимо, танк был выведен из строя, прежде чем показал свою неуязвимость. Третий КВ из-за неисправности остался в мастерских, позднее его взорвали при отходе. В этом эпизоде содержится ответ на вопрос, куда делись КВ и Т-34 летом 1941 г.

По итогам боев немцы отметили, что советские танкисты действовали «энергично и упорно группами по 20–40 боевых машин». С другой стороны, указывалось, что «эффективность 3,7-см противотанкового орудия достаточна против всех встреченных типов танков». По итогам этих боев под Гродно от пленных советских танкистов немцы получили первые достоверные сведения о новейших советских средних танках Т-34—76. Данные о вооружении, сообщенные пленными, были точными, о броне – приблизительными. Точное число потерянных 22 июня «тридцатьчетверок» неизвестно.

Брестская крепость

На границе между Советским Союзом и Германией была точка, развитие событий в которой происходило по наихудшему из всех возможных сценариев, – Брестская крепость. Ее исхлестанные пулями стены до сих пор остаются в людской памяти одним из символов Великой Отечественной войны. К моменту немецкого вторжения крепость уже утратила свое оборонительное значение и на 22 июня 1941 г. представляла собой комплекс казарм личного состава 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии. По предвоенным планам, в случае начала боевых действий в крепости должен был остаться один батальон. Однако приказание вывести войска и занять позиции на границе поступило только за полчаса до начала немецкой артиллерийской подготовки. Части двух дивизий не успели даже поднять по тревоге. В крепости оказались запертыми более восьми тысяч человек, многие из которых погибли в первые же часы Великой Отечественной войны. Оставшиеся в живых бойцы сделали выбор, который стал типичным для окруженцев 1941 г., – сопротивление до последней возможности.

В кратком боевом отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии первый страшный удар противника был описан следующим образом: *«В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь».*

Снаряды сыпались не только на казармы. Все выходы из Брестской крепости находились под сильным артиллерийским и минометным обстрелом противника. В итоге бойцы и командиры 6-й и 42-й стрелковых дивизий остались в крепости не потому, что они имели задачу оборонять ее (по плану на это выделялся всего один батальон), а потому, что не могли выйти за ее пределы. Все, что находилось вне прочных казематов крепости, было сметено огнем. Артиллерия, находившаяся в открытых парках крепости, в большей своей части была уничтожена. Рядом с орудиями у коновязей стояли лошади артиллерийских и минометных частей и подразделений дивизий. Несчастные животные уже в первые часы войны были перебиты осколками. Автомшины частей обеих дивизий, стоявшие в объединенных открытых автопарках, сразу же запылали.

Поднимающиеся вверх султаны взрывов, дым и пламя над крепостью наблюдали стоявшие на берегу солдаты и офицеры 45-й пехотной дивизии вермахта. Казалось, что в этом аду никто не может уцелеть. Однако вскоре им пришлось убедиться в обратном. Когда огонь был перенесен в глубину обороны, в воду были спущены резиновые лодки и штурмовые группы начали высадку на острова Тереспольского, Кобринского и Волынского укреплений. Они спешили – на захват крепости по плану было отведено всего восемь часов. К 4 часам утра наступающими были заняты Пограничный остров (Тереспольское укрепление) и Госпитальный остров (Волынское укрепление). Небольшой группе немцев удалось прорваться через мост у Тереспольских ворот в цитадель и захватить церковь (ставшую клубом) и здание столовой командирского состава. В 6 часов 23 минуты командование дивизии сообщало в штаб корпуса, что

северный остров (Кобринское укрепление) вскоре будет захвачен. При этом отмечалось, что сопротивление противника усилилось. Однако надежды на быстрый захват крепости рассыпались как карточный домик. В официальной истории 45-й дивизии этот форс-мажор описан следующим образом: *«В крепости бои приняли такой характер, которого никто не ожидал. Уже через несколько часов после начала наступления командование корпуса должно было отдать из своего резерва наш 133-й пехотный полк, чтобы целиком бросить его на взятие крепости. Вскоре пришлось бросить против крепости и все дивизионные резервы. Наши потери в людях, особенно в офицерах, вскоре приняли прискорбные размеры»*. Даже уже достигнутые успехи оказались поставлены под сомнение.

О боях на занятом в первый час боев Тереспольском укреплении официальный историограф дивизии Рудольф Гшепф писал: *«Многочисленные кукушки (снайперы. – Прим. авт.) и бойцы, замаскировавшиеся на Западном острове, не пропускали теперь наших пополнений. Уже в первый день войны на острове были окружены и разгромлены штабы 3-го батальона 135-го пехотного полка и 1-го дивизиона 99-го артиллерийского полка, убиты командиры частей»*. Основными участниками боев на «Западном острове» были пограничники – бойцы 9-й пограничной заставы 17-го Брестского пограничного отряда войск НКВД.

В 10 часов 50 минут штаб 45-й пехотной дивизии доложил командованию корпуса: *«Русские ожесточенно сопротивляются, особенно позади наших атакующих рот. В цитадели противник организовал оборону пехотными частями при поддержке 35–40 танков и бронетомобилей. Огонь вражеских снайперов привел к большим потерям среди офицеров и унтер-офицеров»*. В 14 часов 30 минут командир 45-й дивизии генерал-лейтенант Фриц Шлипер фактически отказался от дальнейшего штурма центральной части крепости. Было решено уже проникшие на территорию цитадели подразделения отвести назад с наступлением темноты. Тем самым артиллеристам были бы развязаны руки в бомбардировке цитадели. Однако в центре крепости оставалось блокированными около 70 немцев, захвативших церковь. Штурм, который должен был занять восемь часов, растянулся на несколько дней. Командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан впоследствии писал: *«Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец»*.

В целом события в Брестской крепости развивались по общему сценарию 22 июня: успех вермахта в первые часы наступления и резкое возрастание сопротивления советских войск во второй половине дня. Гарнизон, разбитый на несколько изолированных групп сопротивления, сражался до последнего патрона. Только 29 июня пал последний организованный очаг сопротивления под командованием майора П. М. Гаврилова в Восточном форте. Суммарные потери немцев в Брестской крепости составили до 5 % от общих потерь вермахта на Восточном фронте за первую неделю войны. Есть свидетельства, что последние участки сопротивления были уничтожены лишь в конце августа, перед посещением крепости Гитлером и Муссолини. Камень, который фюрер тогда взял из развалин Брестской крепости, был обнаружен в его кабинете в Рейхсканцелярии после падения Берлина.

«Нам объявили, что началась война...»

«22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» Слова этой легендарной песни знакомы многим. Самолеты Люфтваффе шли на восток, навстречу поднимавшемуся солнцу. Наступало воскресенье. В советских школах накануне прошли выпускные вечера, отзвучали вальсы выпускных оркестров, и вчерашние десятиклассники шли встречать рассвет. В то утро солнце взошло над Москвой в 3 часа 45 минут. К этому времени немецкие самолеты уже выходили на боевой курс, через 15 минут открылись створки бомболюков, и на города посыпались бомбы. Противовоздушную оборону столицы Советской Украины обеспечивала 36-я авиационная дивизия. В 4 часа утра 22 июня 1941 г. она была приведена в боевую готовность. В 7 часов 15 минут около двух десятков немецких самолетов с двух тысяч метров нанесли удар по Киевскому аэродрому. Поднятая по тревоге эскадрилья попыталась догнать быстро уходившие на запад бомбардировщики Люфтваффе, но не смогла это сделать – на И-16 догнать He-111 образца 1941 г. было непростой задачей. Один из летчиков так увлекся преследованием противника, что был вынужден совершить вынужденную посадку из-за выработки горючего. Боевых потерь в воздухе и на аэродроме в первый день войны 36-я авиадивизия не понесла.

Взрывы немецких бомб не испугали киевлян – они подумали, что на окраинах военные проводят учения. Актер Н. Л. Дупак вспоминал: *«В субботу я что-то читал и перечитывал – лег спать поздно и проснулся от стрельбы. Я выхожу на балкон, из соседнего номера тоже выходит мужчина: «Шо це таке?» – «Да це мабуть маневры Киевского военного округа». Только он это сказал, и вдруг метрах, может быть, в 100 самолет со свастикой разворачивается и идет бомбить мост через Днепр <...> Сосед побледнел: «Что-то не похоже на маневры».* Однако никакой паники в первый день войны в Киеве не было. Житель города Р. Долинский вспоминал: *«На 17 часов того воскресного дня намечались торжества по поводу открытия крупнейшего в СССР Центрального республиканского стадиона. Его построили по проекту молодого архитектора Михаила Гречины. А после этого должен был состояться футбольный матч между командами «Динамо» (Киев) и Центрального дома Красной армии (Москва). Но вдруг по радио объявили, что проданные на него билеты будут действительны сразу после скорого окончания молниеносной войны».* 22 июня в Киеве начали осуществлять плановые мероприятия по отключению горячей воды и очистке водопроводных сетей. В цирке свою новую программу представлял популярный джазовый оркестр под управлением «белого Армстронга» – Эдди Рознера. Продолжал свои гастроли Московский театр Сатиры, спектакли которого – «Мелкие козыри» и «Неравный брак» – прошли с полным аншлагом. В кинотеатрах крутили музыкальные фильмы «Фронтвые подруги», «Песня о любви» и «Музыкальная история». В кинотеатре «Коммунар» шел фильм режиссера И. М. Анненского «Пятый океан» – о советских летчиках, мечтавших о мирном небе, но попавших на войну.

Несомненно, что начало войны стало шоком для высшего руководства СССР. Маршал Г. К. Жуков впоследствии вспоминал: *«Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков Северо-Западного и Западного направлений перешли в наступление. Мы тут же просили И. В. Сталина дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику. «Подождем возвращения Молотова», – ответил он. Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов: «Германское правительство объявило нам войну». И. В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза». Однако уже через несколько минут люди, сидевшие в сталинском кабинете, начинают принимать решения и отдавать распоряжения, необходимые для перестройки всей жизни страны на «военные рельсы». Впереди еще*

будет осознание случившегося, кризис государственного управления, связанный со сложным и непредсказуемым характером войны, и последовавшие решения по созданию новых чрезвычайных органов власти. Потребовалось какое-то время, чтобы создать Ставку Верховного Главнокомандования и Государственный Комитет Обороны, способные эффективно контролировать управление страной в условиях войны. Но уже в первый день Сталин издал указы: «О мобилизации военнообязанных», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «О военном положении», «Об утверждении положения о военных трибуналах».

К исходу 22 июня стало окончательно ясно, что начавшиеся боевые действия – это не провокация и не пограничный конфликт, а та самая Большая война, которую так боялись. Однако масштабов происходящего еще не осознавали ни в военных округах, ни в Москве. Никто, включая самого Сталина, не имел полной картины событий. Для советских людей неожиданностью стал не сам факт войны с Германией, а то, как и когда она началась. Хотя войну ждали, но предшествующего войнам явного, заметного каждому политического кризиса, такого, как летом 1914 г. перед Первой мировой, не было. Более того, сообщение ТАСС от 14 июня об отсутствии у Гитлера агрессивных планов действовало на большую часть населения СССР расслабляюще. Именно поэтому выступление по радио в полдень 22 июня второго человека в стране – заместителя председателя Совета народных комиссаров В. М. Молотова, в котором тот объявил о нападении Германии, стало для всех тяжелейшим ударом. Свою речь Молотов закончил ставшими легендарными словами: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».*

При всей неожиданности, которой стала для советского народа речь Молотова, СССР – во всяком случае, значительная часть его гражданского населения – продолжал жить в довоенной эпохе, еще не успев осознать, что эта эпоха безвозвратно закончилась. Находившийся на гастролях в Минске Московский Художественный академический театр имени Горького в полдень 22 июня давал очередной спектакль – комедию «Школа злословия» по пьесе Ричарда Шеридана. Зрители этого спектакля были одними из немногих, кто в Советском Союзе не слышал обращения Молотова. После антракта на сцену вышел человек в военной форме и, сообщив о начале войны, предложил военнообязанным направиться в свои военкоматы. Прочие остались в зале, спектакль продолжился и закончился как обычно. Вечером мхатовцы играли еще один спектакль. Никто из актеров и публики еще не знал, что через несколько дней на улицы белорусской столицы войдут немецкие танки.

Впоследствии дата 22 июня 1941 г. для многих советских людей стала символом крушения надежд на ускоряющееся улучшение жизни, спокойный мирный труд, продолжение учебы, хороший урожай. Однако пока в стране царили шапкозакидательские настроения, поскольку население было убеждено пропагандой, что СССР превосходит Третий рейх в военно-техническом плане. Первая реакция была гневной: «Теперь-то мы немцам покажем!» В Ленинграде в очереди за газетами кто-то говорил: «Теперь все будем бомбить не как в Финляндии, и жилые кварталы, пусть пролетариат заговорит, поймет, на что идет». Поэтесса Юлия Друнина вспоминала: *«Когда началась война, я ни на минуту не сомневалась, что враг будет молниеносно разгромлен, больше всего боялась, что это произойдет без моего участия, что я не успею попасть на фронт».* Подобные настроения были характерны для большинства молодых патриотов, воспитанных на «победоносных» фильмах, таких, к примеру, как «Глубокий рейд» и «Если завтра война», вышедших на экраны в 1938 г., литературных произведениях, вроде изданной в 39-м невиданным для того времени полумиллионным тиражом первой отечественной книги в жанре военной фантастики – повести Николая Шпанова «Первый удар», и масшированной пропаганде, утверждавшей, что «врага будем бить на его территории» и одержим победу «малой кровью, могучим ударом». Организационно-инструкторский отдел управления кадров ЦК ВКП (б) сообщал, что *«мобилизация проходит организованно, в соответствии с намеченными планами. Настроение у мобилизованных бодрое и уверенное <...> поступает*

большое количество заявлений о зачислении в ряды Красной армии <...> Имеется много фактов, когда девушки просят на фронт <...> митинги на фабриках и заводах, в колхозах и учреждениях проходят с большим патриотическим подъемом».

Аналогичные настроения царили и по другую сторону советско-германского фронта. Солдат 3-й горно-егерской дивизии (**3. Gebirgs-Division**) Зигфрид Эрт вспоминал: *«Мы думали, что война быстро закончится. После наших успехов во Франции, в Польше, Дании, на Крите мы были уверены, что она долго не продлится».* Старшее поколение русских и немцев, в отличие от молодежи помнившее Первую мировую войну, особой эйфории от начала новой Большой войны не испытывало. Стрелок-радист бомбардировщика He-111 Клаус Фришше вспоминал: *«Отец мне сказал <...>: «Считай, что мы войну проиграли...» Его увлечением был сбор данных по численному составу и вооружению Красной армии, и он знал, что говорил».*

22 июня советские люди привычно принялись готовиться к длительным лишениям. После обращения Молотова в магазинах и на рынках выросли огромные очереди. Люди скупали соль, спички, мыло, сахар, другие продукты питания и товары первой необходимости. Многие забирали свои сбережения из сберегательных касс и пытались обналичить облигации государственных займов. Москвич Н. И. Обрыньба вспоминал: *«Кинулись в магазин, по улицам бежали люди, покупая все, что есть в магазинах, но на нашу долю ничего не осталось, были лишь наборы ассорти, мы купили пять коробок и вернулись домой».* Другой житель столицы, В. А. Орлов, писал в своих мемуарах: *«Прослушав Молотова и не дождавшись хотя бы какой-либо сводки о положении на границе, мы задумались: что надо делать? Мать сказала: «Немедленно за продуктами, я знаю, сейчас начнется паника, и надо запастись, так, на всякий случай!» Впрочем, весь предшествовавший опыт говорил: запасайся! Мама сразу подсчитала деньги, а их было, как всегда, немного, и я пошел купить муки, какой-то крупы и соли. Вот большой гастроном № 2 на углу Арбата и Смоленской площади, где мы в основном делали покупки. Вхожу в бакалейный отдел. Обычно в нем мало покупателей, а сейчас уже огромная очередь. Значит, все кинулись в магазины запастись на неопределенное будущее. А ведь и часа не прошло! Встал в хвост. Народ все прибывает и прибывает. Довольно просторное помещение набивается до отказа. Я оказываюсь уже посередине очереди. Берут все и помногу, некоторые покупатели набирают столько, сколько могут унести. Сдержанный шум, говорят вполголоса, в основном молчат. Вышел заведующий и с укоризной произнес: «Ну что вы паникуете? Товара много, стыдно все хватать, идите домой, всем все достанется, продуктов много, запасы большие» и т. д. Очередь не откликается, никто не уходит. Словам не верят. Простояв минут 40, покупаю 2 или 3 пачки соли и 3–4 кг муки, немного крупы, больше нет денег. Возвращаюсь домой и – к «тарелке». Передают указы о мобилизации и различные приказы, в промежутке музыка, все те же бодрые марши. По-прежнему ни слова, что на границе».*

Итогом первого дня Великой Отечественной войны стал документ Генерального штаба Красной армии, вошедший в историю как Директива № 3. Отсутствие сплошного фронта и слабость разведки не позволили командованию ставших фронтами особых военных округов правильно оценить немецкие силы вторжения. Ответом Москвы на бодрые доклады штабов фронтов вечером 22 июня как раз и стала Директива № 3, в которой Западному и Северо-Западному фронтам предписывалось срезать Сувалкский выступ, окружая нацеленный на Минск танковый клин, а Юго-Западный фронт должен был «концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин». В реальности фронт на направлениях главных ударов вермахта был прорван, в глубь советской территории двигались ничем не сдерживаемые танковые клинья, а очаговую оборону укрепленных районов и приграничных дивизий добивали пехотные соединения немцев. Ни приказы на приведение в боевую готов-

ность, ни отказ от запретов «поддаваться на провокации» не меняли соотношения сил – 40 дивизий против 100. Еще Наполеон Бонапарт говорил, что «большие батальоны всегда правы». 22 июня 1941 г. «большие батальоны» были на стороне стратегов вермахта.

Однако, добившись внезапности нападения, немцы не смогли сразу же уничтожить крупные силы Красной армии. Первый день войны стал «разминкой» перед вводом в бой основных сил обеих противоборствующих сторон в Приграничном сражении. Масштабные танковые битвы, самоубийственные прорывы отчаявшихся людей через немецкие заслоны, интенсивная воздушная война – все это было еще впереди.

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

В первый день Великой Отечественной войны клинья немецких танковых групп вонзились в территорию Советского Союза на глубину несколько десятков километров каждый, устремляясь по самым кратчайшим расстояниям из выступов в районе Сувалок, Бреста и Сокаль на крупнейшие советские города – Ленинград, Киев, Минск. Война с Третьим рейхом начала развиваться совсем не так, как планировали в штабах Красной армии.

Сдача Гродно

Перед лицом сразу нескольких ударов противника оказался командующий Западным фронтом генерал Д. Г. Павлов. Вермахт атаковал от Бреста вдоль шоссе на Минск, от Гродно к Белостоку и даже Белостокский выступ с фронта. Оборона советских войск прикрытия границы стремительно рассыпалась. В докладе командующему фронтом генерал-лейтенанту В. И. Кузнецову пришлось сказать поистине страшные слова: «От 56-й стрелковой дивизии остался номер». Немного позднее Павлов вспоминал, что, когда Кузнецов произнес эту фразу, его голос дрогнул. От целой дивизии действительно осталось лишь несколько сотен человек, но они продолжали сражаться. Только 26 июня остатки 213-го стрелкового полка под командованием майора Т. Я. Яковлева форсировали Неман у селения Гожа и, двигаясь лесами в северо-восточном направлении, начали пробиваться к линии фронта.

23 июня под угрозой немецкого окружения войскам Западного фронта пришлось оставить Гродно. Решение сдать город существенно ухудшило условия, в которых 3-й армии Кузнецова пришлось сражаться в последующие дни. Кроме того, в Гродно были сосредоточены запасы боеприпасов, которые частью раздали войскам, частью взорвали. В итоге уже на следующий день, 24 июня, Кузнецов докладывал в штаб фронта, что «в частях создано чрезвычайно тяжелое положение с боеприпасами». В свою очередь, в донесении разведывательного отдела немецкой 9-й армии прозвучали такие слова: «В Гродно захвачены большие трофеи оружия, боеприпасов и продовольствия».

Танковые бои

Одним из немногих преимуществ советских приграничных армий были танки механизированных корпусов. В западных военных округах их насчитывалось почти 10 тысяч единиц. В песне из популярного довоенного фильма «Трактористы» (1939) звучали ставшие знаменитыми строчки: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход...» На парадах грозные ряды урчащих танков свидетельствовали о технической мощи Советского Союза. Танкисты верили, что они могут разбить врага в решительной атаке. Командование также верило в танки и с первых дней и часов Великой Отечественной войны бросало их в контрудары и контратаки. Немецкие полчища должны были быть растоптаны и раздавлены как можно скорее. Подвижность танковых войск позволяла быстро выдвигать их на направления ударов вермахта. Однако для массовых советских легких танков БТ и Т-26 различных модификаций контрудары были практически самоубийственными. 45-миллиметровое орудие этих бронемашин не могло поражать большинство танков противника в лоб, кроме как выстрелом в упор. Изготовленные по неправильной технологии снаряды просто раскалывались от удара по немецкой броне высокой твердости. Тонкая, по меркам 1941 г., броня легких танков Красной армии оставляла мало шансов выдержать ответный выстрел гитлеровских «панцеров».

Танковые бои вспыхивали на разных направлениях, и результаты их были обескураживающими. На второй день войны под Пружанами в Белоруссии сошлись в бою советская и немецкая танковые дивизии. Сражение быстро превратилось в избиение, за несколько часов было подбито и сгорело более 100 танков Т-26. На третий день войны на Украине у села Войницы Красная армия в одном бою потеряла почти 150 танков, тоже в основном легких Т-26. Столь же смертоносными для советских легких танков были немецкие противотанковые пушки. В Прибалтике на четвертый день войны состоялся контрудар легких танков БТ у местечка Пошиле. В атаку пошли 130 танков 28-й танковой дивизии. За несколько часов более 80 из них были выбиты огнем противника. Через три дня на Украине, у городка Станиславчик, в атаку двинулось более двух сотен танков БТ. Командир дивизии «бэтэшек» Ф. Г. Аникушин позднее писал об этом бое: *«Противнику было сравнительно легко и малыми силами организовывать противотанковую оборону, особенно против танков БТ-7 <...> огневая мощь танков БТ-7 в этих условиях была малоэффективной»*. Это повторялось раз за разом на разных участках фронта.

Немецкие танкисты шли в бой в полной уверенности в своем превосходстве над танковыми войсками Красной армии. Однако на второй день войны эта уверенность пошатнулась. Танкист 11-й танковой дивизии Густав Шродек вспоминал о бое на второй день Восточного похода: *«Мы посылаем им первый снаряд. Рumm-мм! Первое попадание в башню. Второй выстрел – и новое попадание. Головной танк, в который я попал, невозмутимо продолжает свое движение. То же самое и у моих товарищей по взводу. Но где же превосходство наших танков над танками русских, так долго провозглашавшееся?! Нам всегда говорили, что достаточно лишь «плюнуть» из наших пушек!»* Напротив, неизвестные танки стреляли весьма точно и результативно. Их снаряды пробивали броню, сбивали командирские башенки с немецких «панцеров». Это было сражение у местечка Радзехов на Украине. 24 июня стало днем массового вступления в бой новых танков – разница во времени составляла считанные часы. Последовали советские контрудары под Гродно (6-й мехкорпус), Немировом (4-й мехкорпус). Именно 24 июня в дневнике генерала Гальдера появилась запись: *«На фронте групп армий «Юг» и «Север» появился русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий «Север» – даже 150 мм, что, впрочем, маловероятно)»*. На самом деле это было чистой правдой: под Расейняем действовали танки КВ-2 со 152-миллиметровыми орудиями в установке МТ-1.

Поначалу советские новинки немцы называли по их примерному весу: «45-тонный русский танк», «52-тонный русский танк». Вскоре тайна была раскрыта – новые танки Красной армии назывались КВ и Т-34. Они поступили в войска незадолго до немецкого вторжения и были гораздо лучше вооружены и защищены по сравнению со сходящими со сцены легкими танками БТ и Т-26.

В Прибалтике передовой отряд 6-й танковой дивизии 4-й танковой группы утром 24 июня захватил плацдарм на реке Дубиссе рядом с городком Расейняй. Вскоре плацдарм оказался под ударом танков советской 2-й танковой дивизии, в том числе тяжелых КВ-1 и КВ-2. Быстро выяснилось, что они «полностью неуязвимы для противотанковых средств калибром до 3,7 см». Советское контрнаступление перекачилось через Дубиссу, и танковый удар обрушился на главные силы боевой группы Зекендорфа 6-й танковой дивизии. Для борьбы с новыми танками использовались обычная артиллерия и реактивные минометы. В 13:00 первый КВ в Прибалтике был подбит 150-миллиметровым снарядом полевой гаубицы. Тем не менее КВ давили позиции артиллерии, расстреливали и таранили легкие танки 35 (t) чехословацкого производства.

В 17 часов 30 минут в район действий боевой группы Зекендорфа прибыли спасительные «ахт-ахты» – 88-миллиметровые зенитки. Немцам удалось остановить и даже повернуть вспять советскую танковую атаку и уничтожить несколько стальных гигантов. Изучение оставшихся на поле боя подбитых советских танков и допрос взятых в плен танкистов дали им достаточно полное представление о технических характеристиках КВ-1 и КВ-2.

25—26 июня масштабы использования новых танков увеличились. Они контратаковали немецкую пехоту, танки и самоходки на Нареве, на подступах к Львову, у Расейняй, под Бродами – Дубно и Радзеховом. «Неуязвимость» новых танков оказывалась достаточно условной. Так, потери боевых машин 12-й танковой дивизии в контрударе под Бродами 26 июня составили 33 танка, в том числе пять КВ и восемнадцать Т-34. 26 июня был поставлен своеобразный рекорд: под Радзеховом в одном бою было подбито сразу девять танков КВ. Сказывался и маневренный характер приграничного сражения, что приводило к постепенному выходу Т-34 и КВ из строя по техническим причинам. Их надежность и моторесурс в то время оставляли желать лучшего.

Не следует думать, что советские танковые контратаки, не достигавшие разгрома противостоящих им немецких частей, были совсем бесполезными. Контрудары заставляли немецкие части останавливаться. Без них развал обороны растянутых по фронту стрелковых дивизий приграничных армий был бы гораздо стремительнее. Постоянная угроза танковых контратак вынуждала немцев беспокоиться о защите флангов и осторожно двигаться вперед. В журнале боевых действий группы армий «Юг» 29 июня прямо указывалось, что продвижение немецких войск на Львов «сдерживалось контратаками, проводимыми при поддержке тяжелых танков».

Потери танков, сопровождавшие такие контрудары, заставляют задать закономерный вопрос: была ли такая тактика целесообразной? Немцы летом 1941 г. владели стратегической инициативой и могли выбирать время и место нанесения удара. Поэтому сидеть и поджидать противника в засаде было практически бесполезно – не было известно, где и в каком направлении немцы нанесут следующий удар. Напрашивалось единственное решение – контратаковать, заставляя противника парировать удар, перебрасывать части на угрожаемый участок фронта. Частичная успешность или полная безуспешность таких контратак объясняется многими факторами. В их числе и неудачная структура советских механизированных корпусов с малоподвижной артиллерией и практически полным отсутствием пехоты, и промахи командиров из-за отсутствия боевого опыта, и плохое взаимодействие родов войск. Одну из решающих ролей играло снабжение. Для войны с Советским Союзом немецкое командование выделило 4078 танков и самоходных артиллерийских установок. Танковая дивизия вермахта в своем составе имела 200 танков и 2147 автомобилей, советская – 375 танков и всего лишь 1360 автомоби-

лей. Из-за нехватки транспорта и уничтожения немецкими танками тылов советские тыловые службы не справлялись с подвозом горючего, боеприпасов и запасных частей. Это приводило к огромному количеству небоевых потерь. Даже легко поврежденные, вышедшие из строя из-за поломки или оставшиеся без топлива бронемашины оставались на территории, захваченной врагом. Еще одной чертой, особенно новых танков Т-34 и КВ, являлась их слабая механическая надежность. Характерным примером здесь является 12-я танковая дивизия 8-го механизированного корпуса. 26 июня на поле боя вышло всего 75 танков из 300. Спустя три дня в строю в дивизии было 9 тяжелых КВ и 7 средних Т-34. Только 12 и 27 соответственно было потеряно в бою, а 37 и 66 числились отставшими!

Командование Юго-Западного фронта приняло решение 25 июня организовать контрудар всеми имеющимися подвижными силами на окружение немецкой танковой группы Эвальда фон Клейста. Это стало началом одного из крупнейших танковых сражений в мировой истории войн. Участвовавшие в нем пять механизированных корпусов Киевского особого военного округа насчитывали 2 тысячи 800 танков всех типов, от легких БТ и Т-26 до гигантов Т-35 и КВ-2. Противостояло им около 800 «панцеров» и самоходно-артиллерийских установок 1-й танковой группы, из которых 450 машин составляли средние танки PzKpfw III и IV.

С северо-запада удар по дивизиям противника, прорвавшимся в район Дубно, должны были наносить 9-й механизированный корпус К. К. Рокоссовского и 19-й механизированный корпус Н. В. Фекленко, с юга – 4-й механизированный корпус А. А. Власова (позднее печально известного создателя Русской освободительной армии), 15-й механизированный корпус И. И. Карпезо и 8-й механизированный корпус Д. М. Рябышева. Казалось бы, это очень мощный ударный кулак, но 4-й и 15-й мехкорпуса уже были втянуты в бои, а 8-й мехкорпус был истощен бессмысленными маршами, намотав за прошедшие дни 400 километров. Слабо укомплектованные 9-й и 19-й мехкорпуса спешно выдвигались с востока.

В итоге спешка в организации контрудара, отсутствие координации усилий привели к тому, что вместо «клещей», рассекающих прорвавшуюся группировку противника, было нанесено несколько сильных, но несогласованных по времени ударов. 19-й механизированный корпус нанес удар первым и к вечеру 25 июня вышел в район Дубно, где в течение суток продолжал бои с переменным успехом, а затем под угрозой окружения отошел. Опоздавший 9-й мехкорпус смог нанести удар только 26 июня, не достигнув своей цели, он также отступил, прикрывая 19-й мехкорпус. Удары с юга, которые могли бы выправить положение, также были нанесены несвоевременно. 4-й и 15-й механизированные корпуса так и не продвинулись к Дубно. Результаты действий 8-го мехкорпуса оказались немного удачнее. Выполняя противоречащие друг другу приказы, то продвигаясь, то возвращаясь назад, корпус приблизился к Дубно только 28 июня. Его действия против немецкой 16-й танковой дивизии (**16. Panzer-Division**) были довольно удачны, но в Дубно корпусу прорваться не удалось. Последние мастодонты советских танковых войск, блиставшие на парадах пятибашенные красавцы Т-35 горели в боях под деревней Верба под ударами крупнокалиберных зениток противника.

Стальные челюсти механизированных корпусов не сомкнулись мертвой хваткой, а лишь несогласованными движениями скользнули по «панцерам» немецких танковых дивизий, крепко застревая в вязкой смоле противотанковой обороны и выкрашивая свои зубы – отлично бронированные КВ и Т-34. Сотни танков оставались недвижимыми на полях боев – полях, которые оставались за противником. Основным итогом этих контрударов стала задержка на несколько дней танковой группы Эвальда фон Клейста – передовые дивизии оказались отрезаны от путей снабжения вплоть до вечера 1 июля. Немецкий мемуарист уважительно писал: *«Русским тем не менее удалось сдержать наступление немецких войск. Они не только нанесли наступающим войскам потери и заставили себя уважать, но и выиграли время. Их не удалось ввести в замешательство клинообразными прорывами танковых групп. Русские также несли тяжелые потери, однако им удалось отвести свои плотные боевые порядки».*

Потеря Минска

Наиболее сильным резервом для противодействия немецкому вторжению в руках командования Западного фронта был 6-й механизированный корпус, который насчитывал почти тысячу танков, в том числе 350 новейших КВ и Т-34. Направление его использования нужно было выбрать уже в первый день боев, до того как германские танковые клинья глубоко продвинутся на советскую территорию. Гродно – район действий 3-й армии В. И. Кузнецова – естественным образом стал узловой точкой боевых действий. Фронтная разведка также определила здесь сосредоточение немецких «панцеров». Разведчики пришли к выводу, что именно здесь германские танковые клинья наносят основной удар. Без колебаний командующий фронтом Д. Г. Павлов решил бросить в бой свой самый сильный резерв 6-й механизированный корпус, который насчитывал почти тысячу танков, в том числе 350 новейших тяжелых КВ и средних Т-34 именно под Гродно.

Вступила в бой и авиация. Первый удар немцев по ВВС РККА оказался сильным, но не смертельным. Потрепанные ВВС Западного фронта пытались оказывать сопротивление противнику. 24 июня три девятки бомбардировщиков СБ наносили удар по скопившимся у переправы через реку Щара танкам Гейнца Гудериана. Нанеся немецким «панцерам» чувствительные потери и разрушив переправу, на обратном пути бомбардировщики подверглись атаке истребителей противника. Из 27 советских «бомберов» на базу не вернулось только десять. Вскоре целью номер один для советской авиации стали прорвавшиеся к Бобруйску немецкие танки. Приказ штаба фронта был полон отчаяния: «Всем соединениям ВВС Западного фронта. Немедленно, всеми силами, эшелонированно, группами уничтожать танки и переправы в районе Бобруйска». Прикрытие истребителями организовано не было, и удары по переправам на Березине 30 июня стоили почти полусотни сбитых дальних бомбардировщиков ДБ-3. Столь же богатыми на потери стали атаки танковых колонн противника, которые были плотно прикрыты истребителями Люфтваффе.

Данное решение в целом соответствовало воле Сталина и Генерального штаба. Только позднее стало ясно, что этот выбор был неверным. Под Гродно находилась лишь пехота немецкой 9-й армии, в донесениях которой появились слова «скопление танков», «сильный контрудар», «тяжелые бои». Таким образом, энергичное наступление на этом участке фронта не могло замедлить продвижение 2-й танковой группы Гудериана. Его танки безостановочно шли на Минск, в то время как советский 6-й механизированный корпус безуспешно таранил позиции пехоты. Здесь тяжелые танки Красной армии встретил огонь немецких зенитных орудий и сильные удары с воздуха пикирующих бомбардировщиков.

У командиров и командующих Красной армии 1941 г. не было тех знаний о составе и направлении движения группировки противника, какими мы располагаем сегодня. Удар Люфтваффе по аэродромам лишил советское командование авиации как эффективного средства разведки. Поначалу командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов недооценивал немецкую группировку в районе Бреста. Разведкой ее ударная мощь оценивалась всего в одну-две танковых дивизии. Огромная масса танков и мотопехоты 2-й танковой группы двигалась вперед, густо окутанная «туманом войны», когда военачальники вынуждены принимать решения в условиях недостатка информации.

«Туман» рассеялся неожиданно. Ранним утром третьего дня боев в ходе удачного контрудара Красной армии под Слонимом был разбит моторизованный отряд противника. В машине у убитого немецкого офицера была захвачена штабная карта с нанесенной обстановкой. В неразберихе первых дней войны прошли сутки, прежде чем ценнейший документ попал по назначению – в штаб фронта. Командующему Д. Г. Павлову как бывшему танкисту было достаточно одного взгляда на трофейную карту для того, чтобы осознать свою страшную ошибку.

Вместо одной танковой дивизии из Бреста на Минск и Бобруйск двигались сразу три моторизованных корпуса вермахта. В каждом из них было по несколько танковых и моторизованных дивизий. Это означало смертельную угрозу окружения для большей части войск Западного фронта.

Надо отдать должное генералу Павлову – в тяжелейшей ситуации он принял радикальное решение незамедлительно. Командующий фронтом отдал приказ на общий отход войск на восток. Свой главный козырь, 6-й механизированный корпус, Павлов сразу же перенацелил на Слоним. Тот должен был выйти из боя под Гродно и попытаться устранить неожиданно открывшуюся угрозу. Однако было уже поздно. Танки Гудериана, ворвавшись в Слоним, перехватили шоссе Белосток – Минск. В лесисто-болотистой местности Белоруссии контроль над шоссевыми дорогами имел ключевое значение для ведения боевых действий. Даже перехват одной крупной магистрали радикально менял обстановку на театре военных действий.

Герман Гот и Гейнц Гудериан мечтали прежде всего о прорыве к советской столице – Москве. Верховное главнокомандование вермахта, напротив, предпочитало синицу в руках вместо журавля в небе. «Синицей» было окружение войск Красной армии восточнее Минска. Оба командующих немецкими танковыми группами получили однозначные приказы: «Главная цель – Минск!» Здесь сразу же проявился различный подход двух немецких танковых генералов к приказам сверху. Гот поворчал, поспорил, но повернул в направлении столицы Белоруссии, а Гудериан в первую очередь стремился вперед – на восток.

Советское Верховное командование требовало от руководства Западного фронта «за Минск драться с полным упорством, и драться вплоть до окружения». Столицу Белоруссии бомбили с первых дней войны, город горел, и небо застилал дым пожарниц. Генерал Д. Г. Павлов приложил немало усилий, чтобы превратить его в «крепкий орешек». Командующий Западным фронтом загодя выдвинул к Минску свои резервы – несколько стрелковых дивизий, которым пришлось занять оборону на широком фронте. Некоторую надежду на успех обороны давали укрепления на старой советско-польской границе к западу от Минска – часть так называемой линии Сталина, построенной еще в начале 1930-х гг. В период между Первой и Второй мировыми войнами многие страны увлекались строительством оборонительных «линий». Так, во Франции возводилась линия Мажино, в Финляндии – линия Маннергейма, Германия строила линию Зигфрида. Советский Союз здесь также не стал исключением.

Повинуясь приказу командования, Гот бросил на Минск свои главные силы: два моторизованных корпуса. Тем не менее взять город уже на пятый день войны немцам не удалось. Прорвавшаяся через незанятый участок линии Сталина одна из дивизий группы Гота сразу же была контратакована войсками Красной армии и связана боем. Ее передовые части даже на какое-то время оказались в окружении. Остальным дивизиям пришлось, как писал позднее сам Гот, «с тяжелыми боями прорываться через линию укреплений на шоссе на дороге». Под Минском в бою с частями советской 100-й стрелковой дивизии (будущей 1-й гвардейской) был убит командир 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии из группы Германа Гота, полковник Карл Роттенбург, у тела которого был найден портфель с документами. Положение германских танковых групп стало известно с почти идеальной точностью. Но эта информация уже безнадежно запоздала. Командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов мог только обреченно смотреть на неизбежное окружение. Минск был взят ударом с севера, с юга к нему также подходили немецкие танки. Фронтовые резервы уже были исчерпаны, 6-й механизированный корпус оставался в полуокружении под Белостоком, и шансов на его вызволение почти не было. Цена за ошибку в оценке планов и сил противника была непомерно высока. Через два дня боев сопротивление советских частей в ДОТах под Минском было сломлено, и 28 июня немецкие танки вошли в столицу Белоруссии.

Потеря Минска произвела большое впечатление на советское руководство. В сущности, это был первый занятый противником крупный город, к тому же столица союзной республики.

Мало кто ожидал, что такое может произойти уже на седьмой день войны. В послевоенные годы появилась легенда о том, что в первые дни после немецкого нападения Сталин впал в прострацию и на неделю самоустранился от руководства. В конце 1990-х гг. был опубликован журнал посещений сталинского кабинета в Кремле. По нему видно, что в первые дни Великой Отечественной вождь достаточно интенсивно принимал высших руководителей страны и Красной армии. Однако в журнале имеется пропуск в приеме посетителей длительностью около суток с 29 по 30 июня. Скорее всего, именно этот кратковременный уход от дел и отъезд на дачу после донесения о сдаче Минска дал почву для рассуждений о недельном затворничестве Сталина.

Прорыв частей Западного фронта из окружения

Спустя более семидесяти лет после боев кровавого июня 1941 г. генерала армии Д. Г. Павлова можно упрекнуть во многом, что он не сделал. Однако командующий Западным фронтом отдал войскам приказ отходить, когда угроза немецкого окружения только обозначилась на карте. Тем самым Павлов дал шанс на спасение множеству бойцов и командиров Красной армии. Советские войска снялись с позиций и начали отступать на восток, в направлении Волковыска, Слонима и Минска. О сдаче никто не помышлял, войска сохраняли порядок и управляемость. Вместе с другими отступала 3-я армия генерала В. И. Кузнецова. По пятам, не отставая ни на шаг, ее преследовала немецкая пехота. Отступающих непрерывно атаковала авиация.

До войны в Красной армии не изучался опыт окружений, войска не учили, как действовать, если оно все же происходит. Ситуация на Западном фронте ухудшалась наличием «бутылочного горла» в районе Волковыска. Количество дорог и переправ в этом лесисто-болотистом районе уменьшается при движении с запада на восток. Преодолевшие «бутылочное горло» части попадали в район к западу от Минска, стиснутый двумя немецкими танковыми группами. Кузнецов вел свои войска быстро и энергично. Попытка врага перехватить его части еще на пути к «бутылочному горлу» была пресечена. Немецкие передовые отряды были решительно выбиты с переправ у местечка Мосты на Немане, затем у местечка Пески на Зельвянке. Едва ли не в первый раз за все время войны на территории Советского Союза немецкие части оставляли захваченное. Благодаря этому потрепанным частям 3-й армии удалось прорваться через «бутылочное горло» в район Новогрудка, к западу от Минска. Под Минском остатки армии Кузнецова соединились с попавшими в окружение защитниками столицы Белоруссии. В штабной землянке состоялось совещание. Предложение других командиров перейти к партизанским действиям Кузнецов отклонил. Более трудным был выбор между прорывом на северо-восток (где находились войска Германа Гота) и на юго-восток (там действовали части Гейнца Гудериана). Выбор окруженцев пал на второе направление, поскольку по нему можно было быстрее выйти к своим.

Если бы Гейнец Гудериан проявил в выполнении приказов командования такую же настойчивость, как Герман Гот, шансы окруженных частей Красной армии на прорыв были бы ничтожными. Однако этого не произошло – командующий 2-й танковой группой грезил о Москве и главные силы бросил на восток, к Березине и Днепру. Гот позднее с досадой написал в мемуарах о своем прорыве в Минск: *«Но соединиться со 2-й танковой группой <...> все же не удалось»*. В официальных документах он был более резок: *«2-я ТГр (танковая группа. – Прим. авт.) не выполнила свою задачу завершить кольцо окружения, соединившись с 3-й ТГр восточнее и южнее Минска»*. Построение немецких частей на юге и юго-востоке «котла» под Новогрудком было неплотным. Гот мог лишь смотреть на ускользающие советские войска. В. И. Кузнецов в штабной землянке под Минском всего этого знать не мог, однако он знал одно: надо прорываться из окружения, и будь что будет. Прорыв оказался удачным, но фронт уже ушел далеко на восток. Впереди вырвавшихся из «котла» красноармейцев ждали дни и недели скитаний по лесам.

Прорыв из окружения летом 1941 г. был если не редкой, но все же удачей. Выход войск В. И. Кузнецова стал возможен благодаря его выдержке и профессионализму, помноженным на простое везение. Однако так везло далеко не всем. В окружение под Белостоком и Минском попало почти 270 тысяч солдат и командиров Красной армии. Окружавшие их две немецкие армии превосходили их в численности почти вдвое. Советские части пытались пробиться через «бутылочное горло», яростно атаковали германские заслоны на реках Зельвянка и Щара. Последней задачей окруженных стало удержание возможно больших сил врага на периметре «котла». Эту задачу благодаря новым танкам КВ и Т-34 6-го механизированного корпуса они

выполнили и даже перевыполнили. Для сдерживания попыток прорыва на Слоним немцам пришлось направить туда не только пехоту, но и часть 2-й танковой группы Гудериана. Численное превосходство немецких войск сделало свое дело – как организованная вооруженная сила окруженные войска перестали существовать в первых числах июля.

На Юго-Западном фронте первые бои с немцами обошлись без крупного окружения. На этом направлении было около 800 новейших танков КВ и Т-34. Также фронт сохранил после ударов по аэродромам большую часть своей авиации. На немецкие танковые колонны обрушились удары бомбардировщиков, с фронта и с флангов их атаковали механизированные корпуса. Поэтому на Украине за первую неделю войны вермахт с тяжелыми боями смог пробиться лишь на 150–170 километров. Катастрофа Западного фронта заставила Юго-Западный откатиться на восток сразу на 450–600 километров.

Итоги Приграничного сражения

Приграничное сражение завершилось крупным поражением Советского Союза. Были потеряны почти все территории, приобретенные накануне войны начиная с 1939 г., за исключением Бессарабии, Эстонии и Карелии. За восемнадцать дней вермахт прошел половину пути от границы СССР до столицы страны – Москвы. Тем не менее относительный уровень потерь Красной армии хотя и был чрезвычайно велик, но не являлся смертельным. За неполных три недели советские войска потеряли примерно пятую часть орудий и боевых самолетов, потери личного состава были еще меньше – восьмая часть от всей армии (убитыми, пленными и ранеными), но при этом была потеряна половина танковых войск и почти все танки новых типов – средние Т-34 и тяжелые КВ.

Битва за небо «сталинскими соколами» также была проиграна. Однако, несмотря на нанесенное ВВС Красной армии поражение и потери в размере 7500 самолетов, потери Люфтваффе составили тысячу боевых самолетов уничтоженными и 800 поврежденными. Немецкое командование не было готово к такому уровню собственных потерь. Поскольку успешность продвижения наземных войск находилась в прямой зависимости от поддержки с воздуха, потери авиации привели к тому, что уже через несколько дней после начала войны двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс» и «Хейнкель», которые должны были бомбить коммуникации Красной армии, мосты, железнодорожные станции и другие цели в тылу, вынужденно стали использоваться для непосредственной поддержки войск на поле боя. Люфтваффе превратились в «летающую артиллерию». Это не позволило вермахту помешать отходу советских частей на новые рубежи обороны, а также сорвать эвакуацию промышленности и переброску резервов из внутренних военных округов Советского Союза.

В «котлах» вокруг Белостока и Минска немецкие войска пленили более трехсот тысяч человек – не только бойцов и командиров Красной армии, но и просто подозрительных гражданских лиц призывного возраста. Пленных могло быть больше, если бы не упорное сопротивление окруженцев. Франц Гальдер с удивлением записал в своем дневнике: «На отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами». Людские потери Третьего рейха были впятеро меньше советских и к этому моменту не превосходили потери в ходе победоносной Французской кампании 1940 г. Гитлер был доволен результатами первых дней «Восточного похода»: *«Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически войну он уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить».*

Те полки и дивизии Красной армии, их бойцы и командиры, кто сражался в Приграничном сражении в июне 1941 г., стали истинными героями. Известный американский военный историк полковник Дэвид Гланц справедливо сказал о них: *«Непрерывные и иррациональные, зачастую бесполезные советские наступления неошутимо разрушали боевую силу немецких войск, вызвали потери, которые побудили Гитлера изменить его стратегию и в конечном счете создали условия для поражения вермахта под Москвой. Те советские офицеры и солдаты, кто пережил их серьезное и дорогое крещение огнем, в конечном счете использовали свое ускоренное обучение для нанесения ужасных потерь своим мучителям».* От искореженных, обугленных остовов своих боевых машин на восток уходили будущие прославленные полководцы Великой Отечественной войны – К. К. Рокоссовский, В. И. Кузнецов, П. А. Ротмистров, И. Д. Черняховский, Д. Д. Лелюшенко и другие. Мало кому еще известным тогда командирам предстояло опробовать в боях с вермахтом уроки «ускоренного обучения», полученные ими в схватке с немецкой военной машиной у границ Советского Союза.

ПЕРВОЕ ВОЕННОЕ ЛЕТО

На юге танковые дивизии Эвальда фон Клейста, несмотря на непрерывные активные бомбежки советской авиации, продолжали рваться к Киеву, заняв Житомир и Бердичев. Моторизованные дивизии группы Лукина, 4-й и 16-й мехкорпуса, переброшенные с Южного фронта, сдерживали их напор из последних сил. Почти не отставали от Клейста пехотные и горнострелковые дивизии, с которыми советские стрелковые дивизии вели постоянные арьергардные бои. 11-я армия Шоберта совместно с румынами начала активное наступление в Бессарабии и уже приближалась к Кишиневу.

После успеха в Приграничном сражении германское командование считало себя победителем, а войну против Советского Союза – выигранной. Пленные красноармейцы, захваченные танки и орудия, тысячи сожженных грузовиков, казалось, не говорили, а кричали о победе вермахта. Начальник немецкого Генерального штаба генерал-полковник Франц Гальдер торжествовал, записав в своем дневнике: *«Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»*. Позднее он же заметил: *«Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы»*.

Сражение за Могилев

Новой целью немецкой армии стал Смоленск. Однако в июле 1941 г. проявили себя два фактора, поначалу недооцененные немецкими стратегами. Во-первых, Восточный фронт воронкообразно расширялся от границы дальше на восток. Перешедшие советскую границу компактной массой три группы армий вермахта оказались разбросаны на огромном пространстве от Прибалтики до Украины. Во-вторых, в бой вступили части Красной армии из внутренних военных округов. Они не успели подойти к границе в июне перед немецким вторжением, но теперь были готовы дать сражение на Днестре и Двине.

Одной из позиций, занимаемых прибывающими из внутренних округов Советского Союза войсками, в начале июля 1941 г. стал располагавшийся на Днестре город Могилев. Уже 3 июля на дальние подступы к Могилеву, обороняемому 172-й дивизией генерала Романова, вышли передовые и разведывательные отряды немцев. Вскоре город попал в поле зрения командования группы армий «Центр», и на него была развернута 3-я танковая дивизия 24-го корпуса. Утром 12 июля она была на западной окраине города. Традиционно атаку танков предварял мощный удар авиации. Далее, по воспоминаниям полковника в отставке Хорста Зобеля, в июле 1941 г. служившего в 3-й танковой дивизии, произошло следующее: *«3-я танковая дивизия начала атаку против Могилева двумя боевыми группами. Правая боевая группа несколько продвинулась вперед, но затем атака была остановлена из-за сильного сопротивления противника. Левая группа немедленно пришла к катастрофе. Пехота на мотоциклах, которая должна была сопровождать танки, завязла в глубоком песке и не вышла на линию атаки. Командир танковой роты начал атаку без поддержки пехоты. Направление атаки, однако, было полигоном гарнизона Могилева, где были установлены мины и вырыты окопы. Танки напоролась на минное поле, и в этот момент по ним открыли огонь артиллерия и противотанковые пушки. В результате атака провалилась. Командир роты был убит, и 11 из 13 наших танков было потеряно»*. Наступление немецкой 3-й танковой дивизии на Могилев было остановлено. Зобель также заметил, что «противник оказался намного сильнее, чем ожидалось».

Это был один из первых успехов Красной армии в Великой Отечественной войне. В Могилев по этому случаю прибыли корреспонденты центральных газет, в том числе и Константин Симонов, которые собственными глазами увидели подбитые вражеские «панцеры». Снимок кладбища немецкой техники был позднее опубликован в «Известиях», а генерал Романов стал прообразом генерала Серпилина – главного героя романа К. Симонова «Живые и мертвые».

После трех недель боев возможности сопротивления к тому времени окруженной дивизии были исчерпаны. На совещании в опустевшей школе было принято решение прорываться. Части, оборонявшиеся на левом берегу Днестра, должны были пробиваться в северном направлении. Частям, оборонявшимся на правом берегу Днестра, было приказано прорываться на юго-запад, а затем идти вдоль Днестра, форсировать его и далее двигаться на восток, на соединение со своими войсками. Прорыв начался в полночь, под проливным дождем. В условиях плотного кольца немецкой пехоты вокруг города прорыв был делом почти безнадежным. Однако несколькими отрядами все же удалось прорваться. Генерал-майор М. Т. Романов попал в плен в конце сентября и умер от последствий пулевого ранения 3 декабря 1941 г.

По итогам боев за Могилев в отчете VII корпуса были сделаны следующие выводы: *«Штурм укрепленного плацдарма Могилев представлял собой семидневную самостоятельную операцию против прекрасной долговременной оборонительной позиции, защищаемой фанатичным противником. Русские держались до последнего. Они были совершенно нечувствительны*

к происходившему у них на флангах и в тылу. За каждую стрелковую ячейку, пулеметное или орудийное гнездо, каждый дом приходилось вести бои».

Однако главным итогом сражения за Могилев было исключение 7-го армейского корпуса из боев за Смоленск. Вместо того чтобы форсированным маршем двигаться вперед и сменять подвижные соединения 46-го или 47-го корпусов на захваченных ими позициях, немецкая пехота билась за город довольно далеко в тылу группы армий «Центр». Если бы состоялась смена подвижных частей под Смоленском или Ельней, они могли прорваться в район Дорогобужа или Ярцево и соединиться с 3-й танковой группой Германа Гота. В этом случае точка в боях за Смоленск была бы поставлена намного раньше, чем это произошло в реальности.

Стабилизация линии фронта под Смоленском

После захвата Минска танковые группы Германа Гота и Гейнца Гудериана вновь должны были прорваться далеко в глубь территории Советского Союза и встретиться к востоку от Смоленска. Однако попытка повторить под Смоленском успех Минского «котла» столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Гот еще раз был вынужден, не скрывая раздражения, написать: *«Связь (войск группы Гудериана. – Прим. авт.) с 3-й танковой группой так и не была восстановлена, в кольце окружения между Смоленском и Ярцевом осталась брешь»*. На этот раз дело было не в своеволии Гудериана – его моторизованные корпуса попали под град ударов со стороны прибывших из внутренних округов Советского Союза армий. Танковая группа Гота вскоре сама была вынуждена вести тяжелые оборонительные бои. Ей пришлось даже оставить Великие Луки, которые стали первым крупным советским городом, отбитым у немцев. Оторвавшиеся от пехоты полевых армий германские танковые группы оказались под угрозой разгрома, поэтому переломить ситуацию противнику удалось лишь с их подходом. Из-за этого кольцо окружения вокруг смоленской группировки советских войск вермахт смог замкнуть лишь в начале августа 1941 г.

Стабилизация линии фронта под Смоленском стала спасением для многих мелких групп окруженцев, пробивавшихся к основным частям Красной армии. Почти через месяц после прорыва под Минском и скитаний по лесам группа бойцов и командиров во главе с генералом В. И. Кузнецовым вышла к линии фронта, которая тогда проходила вдоль железной дороги Рогачев – Могилев. На следующую ночь с помощью партизан красноармейцы вышли к своим. Летом 1941 г. подобных групп окруженцев численностью от нескольких человек до 1,5 тысячи было множество. Для них с переходом линии фронта начиналась новая страница организованного сопротивления немецким захватчикам. Командармы с боевым опытом в 1941-м были в цене, поэтому Кузнецов после выхода из окружения не остался без дела и возглавил 21-ю армию, с начала войны став уже ее пятым командующим.

Действия высшего руководства СССР

3 июля 1941 г. Сталин выступил по радио со своим знаменитым обращением к народу, начинавшимся словами: *«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»* Именно после этого обращения в оборот вошло словосочетание «Великая Отечественная война», хотя в самом тексте сталинской речи слова «великая» и «отечественная» были употреблены раздельно. Вождь призвал к объединению и мобилизации всех усилий страны ради интересов фронта, разгрома врага и освобождения Европы от фашизма. Он заявил: *«Враг жесток и неумолим. Дело идет о жизни и смерти, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знаящий пощады врагу. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине»*. В своем выступлении Сталин не ограничился констатацией факта поражения Красной армии. Вождь попытался проанализировать причины, по которым нападение Третьего рейха на Советский Союз стало внезапным, а затем очертил круг первостепенных мер, которые необходимо было принять для отражения германской агрессии. Сталин призвал не оставлять врагу *«ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего <...> Все ценное имущество <...> которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться... В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать их мероприятия»*. В своем выступлении Сталин сообщил, что в Москве и Ленинграде создается народное ополчение. Закончил он словами: *«Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»*

Выступление Сталина, шокировавшее население СССР, сыграло очень важную роль в перестройке массового сознания на военный лад. Узнав о проигрыше Приграничного сражения, люди утратили последние шапкозакидательские иллюзии и осознали, что война будет долгой и тяжелой. Выступление Сталина не только отрезвило население, но и консолидировало его. Сразу после 3 июля НКВД отмечал улучшение настроений в обществе. Осознав всю опасность положения на фронте, люди были рады тому, что им сказали правду. К началу августа страна превратилась в военный лагерь. Все работало на нужды армии и обороны. Витрины городских магазинов заложили мешками с песком, во дворах и подвалах оборудовали бомбо- и газоубежища. В кинотеатрах шли первые «Боевые киносборники» и выпуски кинохроники «С фронтов Отечественной войны». Шок первых дней войны прошел. Теперь она стала частью обыденной жизни.

10 июля Сталин лично принял командование Красной армией в качестве Верховного главнокомандующего, а также создал главные командования стратегических направлений – Северо-Западного во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым, Западного во главе с маршалом С. К. Тимошенко и Юго-Западного во главе с маршалом С. М. Буденным. 12 июля было положено начало созданию антигитлеровской коалиции. В Москве было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». Стороны обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку, а также не вести переговоры и не заключать перемирие или мирный договор, кроме как с обоюдного согласия. 16 июля для восстановления пошатнувшегося боевого духа красноармейцев в войсках вновь были введены должности комиссаров, упраздненные в 1940 г. 30 июля между СССР и польским правительством в изгнании было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений, взаимопомощи в войне против Германии и о формировании на территории Советского Союза польской армии.

Мобилизация

На лето 1941 г. пришлась и первая волна всеобщей воинской мобилизации. В Красную армию призывались молодые люди 1918–1923 гг. рождения, кроме работающих на военных заводах, трактористов и комбайнеров. Матери и жены плакали, провожая мужчин на войну. В деревнях вся тяжесть сельских забот теперь легла на женские плечи. Дмитрий Булгаков, житель Курской области, вспоминает: *«На второй день после объявления войны призывникам были вручены повестки с приказом явиться в сельсовет. Деревня плакала, провожая мужиков на войну. В сентябре объявили о том, что все мужчины рождения с 1890 по 1923 г. были призваны и эвакуированы на юго-восток»*. Одновременно с призывом шла запись добровольцев, как мужчин, так и женщин, в истребительные отряды и народное ополчение. Вспоминает Наталья Пешкова: *«Я только закончила десять классов, у нас был выпускной вечер на Красной площади, а на следующий день началась война. Ну, а поскольку я считала себя не хуже, чем Жанна Д'Арк, то сразу побежала в райком комсомола, откуда меня и отправили в дружину санинструкторов, которая была организована в нашей же школе»*.

Люди рвались воевать по разным причинам. Кто-то из любви к Родине, кто-то чтобы не отрываться от друзей, позднее появился мотив личной мести за погибших родных и товарищей, кто-то рассуждал как Николай Смольский, окончивший летное училище и очутившийся в Запасном авиаполку, где, по его мнению, можно было спокойно просидеть всю войну: *«Я начал искать возможность вырваться на фронт: «Вот спросят меня дети: «А что ты делал, папа, когда все воевали?» Что я им отвечу?»* Зимой 41-го появилась и еще одна причина – голод. Снабжение тыла шло по остаточному принципу, люди недоедали. Страна напрягала все усилия, претворяя в жизнь лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» В этой ситуации, зная, что на фронте кормят лучше, мужчины стремились в армию.

Суд над руководителями Западного фронта

Пока в «котлах» под Волковыском и Новогрудком гремели последние выстрелы, печальную судьбу своих подчиненных разделил командующий Западным фронтом генерал Д. Г. Павлов. Первое крупное поражение в ходе войны с немцами было сильным ударом по репутации Красной армии и Советского Союза в целом. Руководству СССР понадобились «стрелочники» – виновники прорыва танков Гудериана через Брест к Минску, которых можно предать суду трибунала и примерно наказать. Помимо Павлова были арестованы начальник штаба Западного фронта генерал-майор В. Е. Климовских, командующий воевавшей под Брестом 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков и еще несколько человек. На допросах в НКВД Павлов своей вины не признал, ссылаясь на объективные причины неудачи в сражении с немцами в Белоруссии. С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что правда была на стороне генерала, а злого умысла в его действиях не просматривается. Ошибки Павлова являлись достаточно типичными для советских командующих того периода. Интересно, что обвинение в заговоре в конечном итоге с него было снято. В окончательной версии обвинения сказано, что арестованные генералы «проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками». Бывшие руководители Западного фронта во главе с Павловым были поспешно признаны виновными и расстреляны.

Цепочка наказаний за события лета 1941-го не закончилась судом над руководством Западного фронта. Попавший в плен командир 4-й танковой дивизии А. Г. Потатурчев был освобожден в 1945 г., но в ходе спецпроверки арестован органами НКВД. Подробности следствия по его делу на данный момент неизвестны. Возможно, что эти материалы были уничтожены. Однако сохранились стенограммы допросов генерала в немецком плену, где он давал довольно подробные показания относительно организационной структуры своей дивизии и даже рисовал схемы. Разглашение совершенно секретных сведений, разумеется, неблагоприятно сказалось на результатах спецпроверки органами госбезопасности после войны. Даже немцы, допрашивавшие Потатурчева, довольно жестко высказались о его пространственных показаниях: *«Он охотно дает данные о своей дивизии, ее структуре и боевом применении, даже о тактических основах действий русских танковых сил. Ему, по-видимому, совершенно не приходит в голову, что тем самым он, с нашей точки зрения, нарушает священнейший долг офицера. У него отсутствует сознание национальной чести и долга, которое является у нас само собой разумеющимся».*

К сожалению, Потатурчев в таком поведении в плену был не одинок. В отчете разведывательного отдела штаба 57-го моторизованного корпуса имеются следующие слова: *«У всех взятых до сих пор пленных можно установить одно и то же: солдаты очень охотно рассказывают о своих войсках, если информация им известна. От рассказов отказываются только политкомиссары, в то время как даже офицеры, порой самостоятельно, выдают военные данные. У всех пленных велик страх перед жестоким обращением со стороны немцев, о котором им говорили».* Именно в этом, скорее всего, следует искать причины не всегда успешного прохождения проверок в НКВД бывшими военнопленными. Так или иначе, сам по себе арест Потатурчева и его многомесячное содержание под стражей имели под собой весьма веские основания. Резкие высказывания в адрес НКВД и существовавших в Советском Союзе порядков лишь усугубили ситуацию. В июле 1947 г. Потатурчев умер в тюрьме, поставив тем самым точку в истории наказаний командного состава Западного фронта.

Обстановка на фронтах

С 10 июля после короткой передышки основные силы немецкой группы армий «Север» вели наступление на Ленинград. 4-я танковая группа Гепнера, вышедшая на рубеж Порхов – Псков, действовала двумя моторизованными корпусами на расходящихся независимых направлениях – на Ленинград и Новгород. Советское командование Северо-Западного фронта приняло решение встретить противника на заранее укрепленном Лужском оборонительном рубеже, проходившем от Финского залива до озера Ильмень. Для того чтобы переломить ситуацию в свою пользу, немцам пришлось предпринять широкий обходной маневр. Один моторизованный корпус отправился под Кингисепп, а второй, под командованием Эриха фон Манштейна, – на Новгород. Однако они разошлись веером в разные стороны, и связь между ними оказалась потеряна.

Уязвимостью войск фон Манштейна немедленно воспользовалось советское командование – 14 июля силами 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова был нанесен охватывающий удар по немецкому 56-му корпусу. 8-я танковая дивизия и инженерный полк противника были окружены, а весь корпус отрезан от снабжения и поставлен под угрозу полного окружения. Кольцо окружения создали 1-й и 21-й механизированный корпуса, 22-й (эстонский) стрелковый корпус, 183-я (латвийская) стрелковая дивизия. Солдаты и офицеры армий бывших прибалтийских государств, в эстонской и латвийской форме с нашитыми петлицами Красной армии, плечом к плечу с остальными красноармейцами настойчиво стремились затянуть петлю Сольцынского «мешка». В течение четырех дней шли ожесточенные бои, однако фон Манштейну удалось прорваться и восстановить устойчивую линию фронта. Позже он писал: *«Главные силы 8-й тд (танковой дивизии. – Прим. авт.), находившиеся между Сольцами и Миагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения. Несмотря на это, 8-й танковой дивизии удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. 18 июля кризис можно было считать преодоленным»*. Трофеями Красной армии стали сверхсекретные немецкие документы: наставления по использованию химического оружия и боевому применению танковых дивизий. Первое сразу же пустила в ход советская пропаганда, а второе послужило основой для разработок тактики борьбы с танковыми клиньями Панцерваффе.

Началась длительная перегруппировка немецких войск, целью которой было создание мощной ударной группировки на новгородском направлении. Только спустя три недели, 9 августа, противник смог возобновить наступление на Ленинград, на этот раз уже не «в лоб», а обходя через Новгород к Ладожскому озеру. Действия Красной армии на Лужском рубеже и при контрударе под Сольцами практически спасли город на Неве от захвата немцами «с ходу» – в июле – августе 1941 г.

15 августа немецкие войска заняли Новгород и форсировали Волхов. Немного южнее войска 22-й армии генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова смогли отбить и в течение полутора месяцев удерживать Великие Луки, сорвав попытки 3-й танковой группы Германа Гота выйти на оперативный простор между Смоленском и Новгородом. Это был самый крупный город, освобожденный Красной армией до зимнего контрнаступления под Москвой.

Сражение за Смоленск

15 июля 29-я моторизованная дивизия группы Гейнца Гудериана вышла на южную окраину Смоленска. Защищать город к тому моменту было практически некому. Созданная позднее командованием Западного фронта комиссия оценила силы защитников города следующим образом: *«К 14 июля в системе обороны города находились следующие части: сводный стрелковый полк двухбатальонного состава из числа отмотобилизованного личного состава – около 2 тысяч человек; маршевский батальон из 39-го запасного стрелкового полка – около 1200 человек; 8-й отдельный батальон обслуживания станции снабжения – 754 человека; сводный отряд 159-го стрелкового полка – около 150 человек; отряды милиции и НКВД – численность не установлена; 10-й понтонно-мостовой батальон – 793 человека при 30 винтовках; батальон регулирования – 276 человек; 4-й автобатальон – 657 человек. Всего личного состава насчитывалось до 6500 человек, из них непосредственно в районе позиций около 2500 человек».*

Однако даже эти малочисленные и слабовооруженные части смогли дать первый бой за город. Смоленск отнюдь не пал в руки Гудериана, как спелый плод. В журнале боевых действий немецкого 47-го корпуса об этих боях было написано следующее: *«29-я пд (пехотная дивизия. – Прим. авт.) движется силами 71-го пп (пехотного полка. – Прим. авт.) на правом фланге с юга, силами 15-го пп по дороге Красный – Смоленск к окраинам Смоленска, на которые выходит вечером. 71-й пп начинает в 22.00 наступление к центру города, в то время как 15-й пп сражается в его юго-западной части. Уже после наступления темноты 71-й пп ведет в высшей степени ожесточенные бои, неся тяжелые потери, поскольку противник ведет огонь из окон, подвальных окон и т. п., в том числе и из противотанковых орудий. Вспыхивают рукопашные схватки с использованием холодного оружия».* Последняя фраза про рукопашные бои попала даже в очередное донесение группы армий «Центр». 29-я моторизованная пехотная дивизия немцев действительно понесла в боях за Смоленск тяжелые потери. В период с 14 по 19 июля она была безусловным лидером по потерям во 2-й танковой группе. За этот период потери составили 185 человек убитыми, 795 ранеными и 8 пропавшими без вести, а всего – 988 человек.

К исходу 21 июля в руках Красной армии оставалась только северо-западная окраина города.

Действиями Красной армии в районе Смоленска руководил командующий 16-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин. В его распоряжении в это время были не закончившие сосредоточения и постепенно прибывавшие части 16-й армии. Кроме того, Лукин пытался объединить и организовать отходящие части, подразделения и просто группы бойцов и командиров из состава левого фланга 19-й и правого фланга 20-й армий. Но наспех сформированные отряды не были достаточно устойчивы и страдали слабым организационным объединением. Это затрудняло управление ими и создавало вынужденную разрозненность и малую эффективность действий этих импровизированных отрядов.

Также сильно сказалась на ходе боевых действий советских частей в районе Смоленска нехватка боеприпасов у артиллерии. Позднее М. Ф. Лукин вспоминал: *«22 и 23 июля в Смоленске продолжались ожесточенные бои. Противник упорно оборонял каждый дом, на наши атакующие подразделения он обрушил массу огня из минометов и автоматов. Его танки помимо артогня извергали из огнеметов пламя длиной до 60 м, и все, что попадало под эту огневую струю, горело. Немецкая авиация днем непрерывно бомбила наши части. Сильный бой продолжался за кладбище, которое 152-я стрелковая дивизия занимала дважды (ранее 129-я стрелковая дивизия также три раза овладевала им). Бои за кладбище, за каждое каменное здание носили напряженный характер и часто переходили в рукопашные схватки, которые почти всегда кончались успехом для наших войск. Натиск был настолько сильным, что фаши-*

сты не успевали уносить убитых и тяжелораненых, принадлежавших 29-й мотодивизии 47-го механизированного корпуса Гудериана». Смоленск был оставлен 28 июля, буквально через день после замыкания кольца окружения за спиной 16-й и 20-й армий генерал-лейтенантов М. Ф. Лукина и П. А. Курочкина.

Проведенное неделю спустя расследование показало, что *«отход 73 сд (стрелковой дивизии. – Прим. авт.) с рубежа Верхн. Дубровка, Нов. Батени производился по указанию командира 69 ск и вопреки приказу командующего 20-й армией»*. 73-я стрелковая дивизия отходила на новые позиции по приказу командира корпуса. От противника удалось оторваться, и отход проходил достаточно организованно. Однако вследствие ошибки в управлении один из ее батальонов начал отход через боевые порядки соседней 152-й стрелковой дивизии. Правофланговые части 152-й дивизии дрогнули и, не зная обстановки, потянулись за отходившим батальоном. Вскоре командир дивизии Чернышев отправился скандальничать в расположение соседа, жалуясь на отход и открывшийся в результате этого фланг его соединения. Далее процесс принял неуправляемый характер, что и привело к потере Смоленска. Для командира 69-го корпуса генерал-майора Е. А. Могилевчика это расследование, впрочем, никаких последствий не имело, поскольку он был ранен в ходе последующего прорыва из окружения и вернулся в строй только в 1942 г.

После занятия Смоленска Гитлер поспешил заявить, что дальнейшую задачу взятия Москвы можно поручить пехотным соединениям, перенаправив танковые группы одну на юг, другую на север, чтобы оказать поддержку во взятии Киева и Ленинграда. Однако наступательный порыв вермахта уже иссякал – месяц непрерывного наступления привел к тому, что большинство немецких дивизий было укомплектовано менее чем наполовину. В то же время южнее советская 21-я армия генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко вела встречное наступление на запад от Гомеля, сковывая действия южного фланга танковой группы Гудериана и пехотных дивизий 2-й армии. В тылу советской обороны накапливались резервы – фронт резервных армий в составе 35 дивизий и фронт Можайской линии обороны из 16 дивизий. Эти силы были немедленно использованы для контрударов. Сталин решил навязать инициативу противнику и *«перейти от крохоборства к действиям большими группами»*. 1 августа решительными действиями войск К. К. Рокоссовского и окруженных под Смоленском армий кольцо окружения было прорвано, удручив Гальдера, записавшего в своем дневнике: *«Будет не удивительно, если 7-я танковая дивизия пострадает. Окруженному у Смоленска противнику удалось открыть себе выход на восток»*. На рубеже Ярцево немцев остановили надолго – почти на три месяца.

Упорным сопротивлением, удержанием до последнего почти что занятого противником Смоленска Красная армия выигрывала время на формирование новых соединений. Первоначальная задача вермахта на уничтожение советских войск в больших и малых «котлах» значительно усложнялась. Теперь немцам это надо было делать быстрее, чем на фронт поступали новые соединения. 11 августа начальник Генерального штаба германской армии Франц Гальдер записал в своем дневнике: *«Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину»*. В данном случае число «360» обозначает не общее число соединений на фронте, а количество номеров дивизий, о появлении которых немцы узнавали от советских военнопленных.

Уже к началу августа 1941 г. тыловые госпитали в Германии были почти полностью заполнены, шведский журналист писал: *«Толпы людей в полном молчании наблюдают у берлинских вокзалов бесконечный поток санитарных поездов, доставляющих раненых из переполненных госпиталей Польши и Восточной Пруссии»*. Германским стратегам стало окончательно ясно, что Советский Союз – это не Франция и захватить его одним сокрушительным ударом не удастся. Вместо запланированного немцами «блицкрига» шла тяжелая война на истощение – война, в которой Третий рейх был обречен на поражение.

ОБОРОНА КИЕВА

После поражения Красной армии в Приграничном сражении в июне 1941 г. потрепанные советские дивизии и полки отступали. Пересохшие губы красноармейцев произносили два заветных слова – «старая граница». Все верили, что там, опираясь на сеть ее ДОТов, можно будет дать отпор немецким захватчикам, а потом и погнать их обратно на Запад. Первыми под огонь пушек и пулеметов линии Сталина на Украине попали разведчики немецких танковых дивизий 1-й танковой группы, которой командовал один из самых талантливых немецких военачальников генерал-полковник Эвальд фон Клейст. Во время кампании по захвату Франции в 1940 г. он получил бесценный опыт прорыва укрепленных линий обороны.

Бои на линии Сталина

Германская армия еще в годы Первой мировой войны отработала тактику взлома укрепленных полос штурмовыми группами. В межвоенный период эта тактика была усовершенствована и стала основой действий пехотных соединений вермахта. Штурмовыми группами были небольшие отряды пехоты, усиленные саперами и легкой артиллерией. В бою такие группы просачивались в глубь обороны противника, подбираясь вплотную к ДОТам через мертвые пространства между секторами обстрела. Далее следовал выстрел пушки по входной двери или подрыв крупного заряда взрывчатки, затем струя пламени из огнемета врывается в замкнутое пространство ДОТа, не оставляя его защитникам ни одного шанса уцелеть. Поэтому для мотопехоты дивизий фон Клейста прорыв линии Сталина был трудной, но решаемой задачей. Командующий 1-й танковой группой, ни секунды не сомневаясь, отдал приказ прорываться через советские ДОТы.

Танки фон Клейста вышли к линии Сталина сразу в нескольких местах. На киевском направлении ожесточенные бои в Новоград-Волынском укрепленном районе шли трое суток. В истории немецкой 14-й танковой дивизии отмечается упорное сопротивление советских войск: *«Из-за мощного заградительного огня из ДОТов и бомбовых ударов авиации наступление не могло продвигаться вперед. После налета пикирующих бомбардировщиков в 15.30 наши штурмовые группы выходили на рубеж атаки ДОТов с огромными потерями и пытались уничтожить каждый ДОТ отдельно. К вечеру удалось, наконец, взять первый ДОТ. Потери были высоки: в каждой роте погибло примерно по 40 человек»*. С большим трудом немцы пробились через укрепленный район и к 8 июля вырвались на Житомирское шоссе. Артиллерист Л. И. Шпиллер вспоминал: *«Я принимал участие в оборонительных боях в качестве связиста-телефониста полкового взвода управления, был свидетелем, как наши 152-мм гаубицы били прямой наводкой по танкам, пришлось увидеть и многое другое, страшное и незабываемое <...> Горькое лето. Кровавое»*.

Находящийся южнее Остропольский укрепленный район, который также прикрывал путь к столице Украины, был взломан немецкими танками у местечка Любар. В истории 16-й танковой дивизии отмечалось: *«Блиндажи и бункеры русских были частично замаскированы под безобидные крестьянские лачуги и сараи и неожиданно открывали огонь, полевые орудия неприятеля стреляли в борт наступающим танкам»*. Укрепления пали только под огнем тяжелых орудий немцев: *«После использования 21-см мортир в 8.30 удалось сломить противника. Вклинение танков предотвратило повторное стягивание боевых порядков противника по оборонительной линии. Около полудня был подавлен последний очаг сопротивления»*. От Любара и Нового Мирополя немцы вышли к Бердичеву.

Надежды удержать немецкое наступление на линии старой границы Советского Союза рухнули. Уже через четыре дня после начала боев за укрепления на старой границе танки группы фон Клейста оказались восточнее линии Сталина. Кто-то проскочил линию укрепленных районов кавалерийским наскоком, кто-то – в результате упорных боев при поддержке пехотных дивизий. Когда о первом прорыве немцами укрепленных районов на старой границе доложили командующему Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносу, тот с горечью воскликнул: *«Дорого нам обойдется этот прорыв!»*

После прорыва через линию Сталина под Новоград-Волынским немецкие танки устремились на восток. «Панцеры» неслись по шоссе к Киеву, поднимая клубы пыли. Пройдя меньше чем за сутки 70 километров, части группы фон Клейста утром 9 июля вышли к Житомиру. В разговоре с Берлином начальник штаба группы армий «Юг» был предельно откровенен: *«Необходимо сделать попытку внезапного захвата Киева силами III моторизованного корпуса»*. Напротив, Гитлер требовал поворота на юг и окружения главных сил Красной армии на

Правобережной Украине. Фон Клейст шел на Киев на свой страх и риск. У него было всего несколько дней, чтобы или добиться громкого успеха, или покориться воле фюрера и повернуть на юг. Над столицей Советской Украины нависла смертельная опасность. Маршал И. Х. Баграмян, в 1941 г. занимавший должность начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, вспоминал: *«Дежурный привел ко мне незнакомого майора. Вытерев платком запотевшее потное лицо, на котором выделялись усталые и воспаленные от недосыпания глаза, майор, устремив взгляд на ведро, стоявшее в углу, разжал пересохшие губы и хрипло проговорил: «Разрешите воды?» Залпом осушил полную кружку и только после этого начал разговор <...> он привез донесение <...> о появлении у Житомира фашистских танков».*

Советское командование спешно стягивало к Киеву последние резервы: десантников, оставшихся без танков танкистов, подразделения НКВД. В городе выгружались не успевшие занять оборону на линии Сталина части. Первый бой на ближних подступах к Киеву состоялся уже через два дня. По Житомирскому шоссе немцы вышли к реке Ирпень. Боец 4-го сводного полка НКВД В. Козаченко вспоминал: *«Танки мчались к мосту, ведя огонь на ходу. Наше боевое охранение встретило их дружным ружейным и пулеметным огнем. Когда танки приблизились к реке, грянул взрыв». Мост на шоссе был взорван. Одновременно по немцам открыли огонь ДОТы. Попытка форсировать Ирпень с ходу и ворваться в Киев внезапной атакой провалилась. Моторизованные части вермахта еще несколько раз попытались прощупать советскую оборону. Однако нигде им не удалось застать защитников столицы Украины врасплох. Мосты оказывались взорваны или сожжены. Опорой советской обороны стал Киевский укрепленный район. С серых громад ДОТов сбрасывали маскировочные сети, и непрошенных гостей встречали пулеметные очереди.*

Атака Киева танковыми дивизиями не обещала немцам быстрого успеха. Пехота шагала в маршевых колоннах где-то далеко позади. На растянутый вдоль Житомирского шоссе фланг немцев с севера обрушились контратаки советской 5-й армии. Танки Эвальда фон Клейста могли навсегда остаться у стен Киева. Не скрывая досады, командование группы армий «Юг» подчинилось прагматичным приказам из Берлина. Очередной целью немецкого наступления стал Летичевский УР, прикрывавший подступы к Виннице.

Сражение советской и немецкой пехоты за Летичевский УР началось 15 июля. Один из командиров укрепленного района обратился к артиллеристам с просьбой поддержать огнем сражающиеся ДОТы. Ответ командира гаубичного артполка был лаконичным: *«Снарядов у меня нет, но сколько смогу, открою огонь».* Было сделано всего 10 выстрелов, которые не могли нанести серьезные потери штурмовым группам вермахта. ДОТы расстреливались немецкой артиллерией, штурмовыми орудиями, подрывались мощными зарядами взрывчатки. В истории немецкой 4-й горно-стрелковой дивизии (**4. Gebirgs-Division**) штурм Летичевского УРа описывается следующим образом: *«После трехчасовой артиллерийской подготовки, которая на завершающем этапе получила поддержку тяжелых орудий пехоты и зенитной артиллерии, ровно в 10.00 с исходных позиций вступили в бой ударные группы горной пехоты и инженерно-саперные отряды. Огневую поддержку обеспечивала батарея штурмовых орудий <...> Один за другим уничтожались бункеры и блиндажи, захватывались цели. Войска все дальше прорывались в глубь оборонительного рубежа. В 21.30 задача дня была выполнена на всех участках. По широкому фронту удалось прорвать линию Сталина».* Прорыв в обороне брешь делала практически бесполезной дальнейшую оборону укрепленного района. В любой момент мог последовать удар во фланг и тыл. Линия старой границы была оставлена, и под нажимом немецких войск советские части продолжили отход на восток.

Прорыв обороны Летичевского УРа вызвал серьезное беспокойство советского командования. В начале первого ночи 18 июля командующий Юго-Западным направлением маршал С. М. Буденный направил в Ставку Верховного главнокомандования доклад, в котором дал удивительно точную оценку обстановки и сформулировал вполне осмысленный план дальней-

ших действий: «1. Восстановить положение, бывшее до начала основного прорыва, с наличием силами фронта не представляется возможным; 2. Дальнейшее сопротивление 6-й и 12-й армий на занимаемых рубежах может повлечь в ближайшие 1–2 дня их окружение и уничтожение по частям». Буденный просил Ставку дать разрешение на отвод двух армий, и через несколько часов оно было получено. 6-я и 12-я армии должны были отойти ближе к Днепру, в район Белой Церкви. Несмотря на то что Ставка требовала от войск Красной армии максимальной стойкости, в очевидно угрожающей ситуации запрещение отхода было делом бессмысленным.

Поначалу отход на восток проходил успешно и организованно. Командир 1-й горнострелковой дивизии (*1. Gebirgsjäger-Division*) Хуберт Ланц позднее с досадой писал: «*Не в силах сделать что-либо, мы можем только наблюдать, как бурные колонны отрываются от нас и уходят на восток*». Организованный отход продолжался. Франц Гальдер отдавал должное своим советским оппонентам: «*Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, яростные контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой – большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов*». Однако роковую роль в судьбе советских 6-й и 12-й армий сыграл глубокий прорыв 1-й танковой группы фон Клейста к Киеву и Бердичеву. Повинуясь приказу фюрера о повороте на юг, немецкие танковые дивизии ударили во фланг и тыл двум отходящим на восток армиям. 3 августа 1941 г., когда в тыл советским войскам, отступающим под натиском немецкой 17-й армии (*17. Armee*), вышли танковые дивизии вермахта, заняв восточный берег реки Синюха и город Первомайск, кольцо окружения вокруг них замкнулось. В окружение попало около ста тысяч человек.

Бои с окруженцами в районе села Подвысокое продолжались до 15 августа. Немногим красноармейцам удалось вырваться. И. Л. Деген вспоминал: «*Остатки нашей роты упорно пробивались к своим. Девятнадцать дней, с упорством фанатиков, мы выходили вместе с Сашей из окружения. Шли ночами, в села не заходили. Знали, что в плен не сдадимся ни при каких обстоятельствах. Питались зелеными яблоками и зернами пшеницы, что-то брали на заброшенных огородах*». Были пленены командующий 6-й армией генерал-лейтенант И. Н. Музыченко и командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин, несколько командиров корпусов и дивизий. Судьба попавших в плен бойцов и офицеров сложилась трагично – большинство из них погибло от голода и болезней в так называемой Уманской яме, одном из первых концентрационных лагерей на территории Советского Союза.

После Умани дивизии 1-й танковой группы разошлись веером до самого Черного моря. В Николаеве трофеями немецких войск стали недостроенные корабли советского «Большого флота» – линейный корабль, крейсер и две подводные лодки. Немецкие танкисты с любопытством осматривали циклопические сооружения верфей, лес кранов, завалившихся набок, словно выброшенные на берег гигантские рыбыны, субмарины. Только командующий Эвальд фон Клейст задавался риторическим вопросом: «А что мы здесь делаем?» Намотанные на гусеницы танков километры, оставленные по дороге могилы боевых товарищей – «камрадов» и остовы сгоревших «панцеров» все дальше отодвигали немцев от главной цели кампании против Советского Союза – захвата Москвы.

Бои на ближних подступах к Киеву

Затишье под Киевом длилось недолго. К концу июля 1941 г. после долгого пешего марша к городу подошла пехота немецкой 6-й армии (**6. Armee**). Вместо кавалерийского наскока танков группы Эвальда фон Клейста Киев теперь ждал методичный штурм. В распоряжении 6-й армии была тяжелая артиллерия, огнеметы и штурмовые орудия. Мощный удар по обороне города последовал уже 30 июля. 6-я армия атаковала Киевский укрепленный район с юга, в обход рубежа на реке Ирпень. Под натиском вражеской пехоты стрелковые части были сбиты с позиций и отступили. Многие ДОТы КиУРа оказались в окружении. Их гарнизоны остались на своем посту, прикрывая отход и надеясь на восстановление линии фронта. Так, у села Кременище ДОТ № 131 лейтенанта В. П. Якунина отбивал атаку за атакой. Командир отважного гарнизона получил офицерское звание всего за несколько дней до начала войны – 13 июня 1941 г. В конце концов немецкая штурмовая группа подорвала дверь и заднюю амбразуру ДОТа. Затем был взорван люк, ведущий на нижний этаж. Весь гарнизон погиб. Соседний ДОТ № 127 оборонялся три дня, мешая противнику форсировать реку по дамбе. Его пулеметы замолчали, только когда у красноармейцев закончились патроны. Взорвав дверь, немцы извлекли из ДОТа пятерых его защитников, трое из которых еще были живы.

В боях на ближних подступах к Киеву участвовали также батальоны народного ополчения. Они были неплохо вооружены, у киевского ополчения был даже свой бронепоезд. Но на обучение военному делу у ополченцев было всего две-три недели. Среди бойцов ополченческих батальонов почти ни у кого не было воинских документов. Часто после тяжелого боя в штаб приносили паспорта, партийные билеты и зачетные книжки погибших ополченцев.

Бои за вторую полосу обороны КиУРа развернулись 6 августа. Один из очевидцев той атаки немцев, майор П. М. Шафаренко, вспоминал: *«Густой туман покрывал поле боя. А когда он рассеялся, мы увидели, как в районе села Красный Трактир и хутора Теремки появились ротные колонны гитлеровцев. Не останавливаясь, они разбились на взводы и отделения, а затем развернулись в цепи. Их обогнали самоходные орудия. Стреляя на ходу, все они двинулись вперед»*. По наступающим цепям немцам ударили минометы и артиллерия, разгорелся бой. Опорные пункты в течение дня по несколько раз переходили из рук в руки. Вечером Гальдер, предвкушая скорую победу, записал в своем дневнике: *«Укрепленная полоса у Киева прорвана»*. На следующий день пехота вермахта вышла к пригородам Киева – Пирогово, Мышеловке, Голосеевскому лесу, к лесотехническому и сельскохозяйственному институтам. Казалось, что немцам достаточно сделать всего лишь один шаг, и будут захвачены мосты через Днепр.

Однако 8 августа в 9 часов вечера, когда солнце уже садилось, неожиданно загрохотала советская артиллерия. Через десять минут последовала атака. Поначалу немецкие пехотинцы не поверили своим глазам – в контратаку на них шли летчики. Одетые в комбинезоны и летные шлемы бойцы Красной армии атаковали, стреляя на ходу из автоматов и пулеметов. Немцы посчитали, что победа близка: у защитников Киева больше нет резервов и поэтому в бой бросили экипажи самолетов. На самом деле наступающие немецкие части были контратакованы 5-й воздушно-десантной бригадой полковника А. И. Родимцева, будущего героя Сталинградской битвы. Советские десантники тех лет носили близкую к авиационной по покрою и знакам различия униформу, что делало их очень похожими на авиаторов. В 1941 г. десантники чаще всего использовались как элитная пехота. Десантные бригады были вооружены слабее обычной пехоты, но обладали хорошей выучкой и высоким боевым духом. В ночном бою это играло существенную роль. Родимцев позднее написал о последних часах перед этой отчаянной атакой: *«Я верил, что бой мы выиграем»*. К утру десантники А. И. Родимцева оттеснили немцев на

два-три километра от столицы Советской Украины. Задачей «крылатой пехоты» было задержать наступление противника до прибытия резервов.

Вечером 8 августа в оперативной сводке Юго-Западного фронта отмечалось: *«284 стрелковая дивизия следует по железной дороге в Киев на усиление обороны КиУРа. К исходу дня выгрузилось два эшелона»*. Все те, кто сражался у границы, на линии Сталина и под Уманью, добились главного – выигрыша времени. Долгие недели были использованы командованием Красной армии для формирования новых дивизий. Они обучались и вооружались в тылу, чтобы в решающий момент оказаться на поле боя. Две свежие дивизии прибыли в Киев как нельзя вовремя. Буквально с колес, едва выгрузившись из эшелонов, они вступили в бой. Вновь образованная 37-я армия перешла в контрнаступление силами четырех стрелковых дивизий и воздушно-десантного корпуса. К 11 августа были освобождены Теремки, Мышеловка, к 12–14 августа – Тарасовка, Чабаны, Новоселки и Пирогово. При освобождении Тарасовки на подходе к Юровке были деблокированы ДОТы № 205, 206 и 207, которые уже в течение нескольких дней вели бои в окружении. В результате советского контрнаступления фронт под Киевом был восстановлен по первой и второй полосам обороны КиУРа. Сводки второй половины августа были похожи одна на другую: *«Противник активности перед фронтом КиУР не проявляет»*. Воздушные налеты на Киев также практически прекратились. Очередной штурм города завершился полной победой его защитников. Следует отметить, что все время августовских боев на ближних подступах к украинской столице город продолжал жить нормальной жизнью. В нем не было перебоев в подаче электроэнергии и воды, работе общественного транспорта. По-прежнему продолжали работать театры, библиотеки, кинотеатры, цирк. Это была не беззаботность горожан: киевляне верили, что их родной город удастся удержать. Войска Юго-Западного направления оставили Правобережную Украину и заняли позиции на восточном берегу Днепра. Широкая река давала хорошую опору для обороны даже слабыми в количественном отношении дивизиями. Войска закапывались в землю, готовились к обороне и продолжению контрударов противника.

В августе 1941 г. Красная армия, несмотря на ряд тяжелых поражений, обрела некоторую устойчивость своего положения. Северо-Западный фронт опирался на реку Лугу. На Западном направлении после Смоленского сражения образовался фронт, идущий почти точно с севера на юг к востоку от Смоленска.

Киевский «котел»

В конце июля 1941 г., за несколько дней до окончания боев в районе Смоленска, Гитлером была подписана Директива № 34: *«Группа армий «Центр» переходит к обороне, используя наиболее удобные для этого участки местности. 2-я и 3-я танковые группы должны быть <...> выведены из боя и ускоренно пополнены и восстановлены»*. Фюрер решил наступать в первую очередь не на Москву, а на Украину, Крым и Ленинград. К операциям групп «Север» и «Юг» привлекли наиболее мощные средства борьбы: танковые группы Гота и Гудериана. Гитлера заставило сменить стратегию «Барбароссы» упорное сопротивление советских войск на Украине, из-за которого образовался гигантский «балкон» на фланге группы армий «Центр». Также фюрера беспокоила активность советской авиации, летавшей из Крыма бомбить румынские нефтепромыслы. 2-я танковая группа Гейнца Гудериана по новому плану должна была наступать на юг, в тыл советскому Юго-Западному фронту.

Когда 23 августа, ровно урча двигателями, транспортный «Юнкерс» заходил на посадку на строго засекреченный аэродром под Летценом в Восточной Пруссии, Гудериан в последний раз перебирал взятые с собой бумаги. Командующий 2-й танковой группой прибыл в Ставку фюрера «Волчье логово» с целью убедить Гитлера изменить принятое решение о повороте на Киев и продолжить наступление на Москву. Во время доклада у него появился такой шанс: *«Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их настоящей боеспособности?»* – спросил фюрер. *«Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!»* – ответил Гудериан. *«Вы, конечно, подразумеваете Москву?»* – *«Да. Поскольку вы затронули эту тему, разрешите мне изложить свои взгляды по этому вопросу»*. Гудериан подробно описал все возражения армейского командования: надвигающуюся зиму, важность Москвы как узла железных и шоссейных дорог, необходимость сбережения ресурса танков перед решающей битвой Восточного похода. Гитлер внимательно его выслушал, но затем в резкой форме отверг все аргументы в пользу наступления на столицу Советского Союза. Словно приговор прозвучала фраза фюрера: *«Мои генералы ничего не понимают в военной экономике!»* Впоследствии Гудериан вспоминал: *«Гитлер закончил свою речь строгим приказом немедленно перейти в наступление на Киев, который является его ближайшей стратегической целью»*. Дискуссия о направлении удара завершилась, не успев начаться. Теперь на Киев была нацелена мощнейшая группировка немецких войск.

В ночь на 30 августа 1941 г. безмятежная гладь ночного Днепра была неожиданно оза- рена десятками прожекторов. Как только они включились, загрохотали пулеметы и загремели артиллерийские залпы. Немецкие саперы, доселе прятавшиеся в камышах, быстро столкнули в реку свои лодки. Надсадно гудя двигателями, набитые солдатами лодки двинулись через реку. Сопротивление оборонявшейся на левом берегу Днепра роты красноармейцев было вскоре подавлено. Здесь образовался быстро расширяющийся плацдарм, впоследствии получивший наименование Кременчугского. Однако поначалу он не вызывал большого беспокойства, – ведь его занимала только пехота противника. Главным же врагом советских военачальников на тот момент были немецкие танковые войска – Панцерваффе (*Panzerwaffe*). Поворот танков 2-й танковой группы Гудериана на юг, в тыл обороняющим Киев войскам, был встречен градом фланговых ударов войск Брянского фронта генерал-лейтенанта А. И. Еременко. Однако ни задержать, ни тем более остановить немецкую танковую группу они не смогли. Одной из причин неудачи было недостаточное количество танков, поскольку к сентябрю 1941 г. в распоряжении советского командования почти не осталось крупных механизированных соединений. Под началом А. И. Еременко действовала всего одна танковая дивизия, а добиться решительного результата только пехотой было почти невозможно. В 21-й армии генерала В. И. Кузнецова, занимавшей позиции на пути 2-й танковой группы, оставалось всего 16 танков. Оборона

армии была дезорганизована фактически одним ударом. В начале сентября части немецкой 2-й моторизованной дивизии СС «Дас Райх» из танковой группы Гудериана прорвали фронт и захватили мост через Десну в тылу войск В. И. Кузнецова. Отходящие к реке советские части остались без переправы. Артиллерию и тяжелое оружие пришлось оставить. В очередном донесении говорилось, что *«армия фактически перешла к подвижной обороне»*. Такая же судьба постигла и 5-ю армию генерала М. И. Потапова.

В начале сентября 1941 г. обстановка под Киевом ухудшалась с каждым днем и даже с каждым часом. Разрешенный Ставкой Верховного главнокомандования отход 5-й армии за Десну был лишь частично успешным и привел к окружению и большим потерям. Бойцы переправлялись через реку вплавь, оставляя на правом берегу тяжелое вооружение и имущество.

10 сентября танки Гудериана вошли в Ромны, находившиеся глубоко в тылу защитников столицы Советской Украины. Командование Юго-Западного фронта запросило разрешение на отход. Ставка тянула с принятием решения, поскольку продвижение танковой группы Гудериана в тыл Юго-Западного фронта она считала еще возможным сдержать. До Кременчугского плацдарма Гудериану оставалось пройти немалое расстояние – примерно 180 километров по прямой. Под градом контрударов и с открытыми флангами сделать это было затруднительно. Пехота на плацдарме существенной опасности не представляла. Танковая группа Клейста в тот момент отмечалась советской разведкой в низовьях Днепра, и это соответствовало действительности. С другой стороны, при отходе от рубежа Днепра войска Юго-Западного фронта могли быть разгромлены противником на марше. Могла повториться Уманьская драма, только в куда больших масштабах. Казалось, что угроза окружения куда менее существенна по сравнению с угрозой потерять управление отступающими войсками. Поэтому приказа на отвод войск от Киева не последовало. С точки зрения тех сведений о вермахте, которые имелись у советского командования в первой декаде сентября, такой выбор казался вполне разумным.

Усложнялась ситуация необходимостью удержания Киева, имевшего для Советского Союза большое политическое значение. На 10 сентября в составе оборонявшей Киев 37-й армии было около 100 тысяч человек. На переговорах с начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым в ночь на 11 сентября командующий Юго-Западным фронтом М. П. Кирпонос запросил разрешения использовать этот последний резерв: *«У нас имеется единственная возможность, откуда мы могли бы еще взять силы и средства для уничтожения группы противника, стремящейся выйти на глубокий тыл фронта, – КиУР»*. Шапошников отклонил предложение Кирпоноса, рекомендовав снимать дивизии с других участков фронта. Также он напомнил о тех силах, которые прорвались из окружения через Десну: *«В пятой армии у Потапова три дивизии из окружения пробиваются с переправами через реки, если они действуют организованно, то им это вполне удастся»*.

Через несколько часов с той же просьбой обратился в Москву командующий Юго-Западным направлением С. М. Буденный. Утром 11 сентября он писал: *«К данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Северский и Кременчуг»*. Далее маршалом предлагались две альтернативы – отвод войск на восток или оставление Киева с высвобождением сил из КиУРа. Однако Ставке все еще казалось, что обстановку удастся удержать от сползания к катастрофе без оставления столицы Украины. 11 сентября также состоялся разговор между командованием Юго-Западного фронта и Сталиным. Темой для обсуждения вновь стал возможный отход на восток. Сталин напомнил Кирпоносу о недавней катастрофе под Уманью: *«Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной Вам реки мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то <...> у Вас был более серьезный рубеж – река Днепр, и, несмотря на это, при отводе войск потеряли две армии, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь?»*

Позднее появилась легенда о том, что Сталин проявил неуместное упрямство и стремился удержать Киев любой ценой. Однако, как видно из содержания переговоров Сталина и Кирпоноса, это не соответствует действительности. Верховный главнокомандующий лишь ставил условием отхода частей Юго-Западного фронта, организацию обороны на рубеже Псела и контрудары по наступающим войскам Гудериана. Кроме того, союзником Верховного в этом вопросе был такой опытный штабист, как Б. М. Шапошников. В итоге совместными усилиями им удалось убедить Кирпоноса сражаться с врагом, держась за Днепр и не оставляя Киев. Немалую роль здесь явно сыграл непререкаемый авторитет маршала Шапошникова. В итоге М. П. Кирпоносу было приказано *«Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки»*. Маршал Буденный, твердо придерживавшийся идеи отхода, был отстранен от должности командующего Юго-Западным направлением. Вместо него 12 сентября 1941 г. на этот пост был назначен маршал С. К. Тимошенко. Также Юго-Западному фронту выделялись резервы Ставки Верховного главнокомандования, но их численность была куда меньше тех 100 тысяч человек, которые могли бы освободиться в результате сдачи Киева. Резервы спешно выдвигались к Ромнам.

К гигантскому двухкилометровому наплавному мосту через Днепр под Кременчугом маршевыми колоннами вышли основные силы 1-й танковой группы Эвальда фон Клейста. Советская разведка просто не успела отследить эту быструю перегруппировку подвижных соединений противника. Переправа танков под проливным дождем продолжалась всю ночь. С первыми лучами солнца танковые дивизии фон Клейста перешли в наступление. С их помощью 150–180 километров между Кременчугским плацдармом и передовыми частями Гудериана могли быть преодолены за считанные дни, даже часы. Немцами был сделан ход, полностью нарушивший все расчеты советского командования. Все принятые меры были нацелены на парирование угроз с севера. Однако смертельный удар последовал с юга. Быстрый прорыв 1-й танковой группы навстречу 2-й танковой группе стал шоком для советского командования всех уровней. Вечером 13 сентября начальник штаба Юго-Западного фронта, бывший военный атташе в Германии генерал-майор В. И. Тупиков отправил в Генеральный штаб и главнокомандующему Юго-Западного направления оперсводку с тягостной картиной происходившего: *«Прорвавшиеся на Ромны, Лохвица <...> противнику пока, кроме местных гарнизонных и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено, и продвижение идет без сопротивления»*. Завершил Тупиков оперсводку страшной фразой: *«Начало понятной вам катастрофы – дело пары дней»*.

Несколько позднее практически идентичный текст был отправлен уже за подписями всего Военного совета Юго-Западного фронта. В нем отсутствовала только фраза о катастрофе. Вместо этого следовало конструктивное предложение: *«По-прежнему считают наиболее целесообразным выходом из сложившейся обстановки немедленный вывод войск из КиУР и за этот счет укрепление фронта Кузнецова, Потапова»*. Автором этого предложения явно был сам командующий Кирпонос. Как ни странно, несмотря на недостаток опыта, он не потерял голову и сразу же предложил готовое решение. Прямо противоположная ситуация была в Москве. Поначалу никакого твердого решения по выходу из кризиса у Шапошникова не было. Поэтому в ответ на слова о «начале понятной катастрофы» он ответил только общими рекомендациями: *«Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания тов. Сталина, данные Вам 11 сентября»*. Позднее из уст Шапошникова прозвучали странные слова: *«Считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией»*. Не лучшим образом на принятии решений также сказалась смена руководства Юго-Западным направлением. Результатом шока и смены командования стала непростительная задержка с приказом на отход.

Окружение советских войск тем временем перестало быть «миражом». В воскресенье 14 сентября после проливных дождей предыдущих дней установилась удивительно ясная и солнечная погода. В 18 часов 20 минут у Лохвицы встретились передовые отряды 3-й танковой дивизии 2-й танковой группы Гудериана и 9-й танковой дивизии 1-й танковой группы фон Клейста. Согласно подсчетам штаба Юго-Западного фронта, в окружение попало 532 тысячи человек.

Только 16 сентября полковник И. Х. Баграмян на самолете из Ахтырки вылетел в Прилуки, с приказом нового главкома направления маршала С. К. Тимошенко: *«В создавшейся обстановке единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считается организованный отход»*. Кирпоносу так долго запрещали отходить, что, получив долгожданный и спасительный приказ, он первым делом усомнился в нем. Впоследствии Баграмян вспоминал: *«Вы привезли письменное распоряжение на отход?» – не отвечая ему, спросил меня командующий. «Нет, маршал приказал передать устно». Кирпонос, насупив густые брови, зашагал по комнате. Потом сказал: «Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный». И хлопнул ладонью по столу: «Все! На этом закончим»*.

Однако это касалось Киева и Киевского укрепленного района, оставлять который без разрешения Ставки Верховного главнокомандования запрещалось. В остальные армии приказ был отправлен незамедлительно. Его доставка задержалась только начавшимся хаосом в «котле». Так, связной с приказом был отправлен в 21-ю армию в 5 часов вечера 17 сентября. Ему понадобилось несколько часов мотаний по забитым дорогам, чтобы в 23.00 вручить приказ адресату. Кирпонос принял решение пробиваться из окружения на восток. 21-я армия должна была прорываться на Ромны, 5-я армия – на Лохвицу. 37-я армия после выхода из КиУРа должна была действовать во втором эшелоне 5-й армии. 26-я армия получала самостоятельное направление прорыва – Лубны. Разослав в подчиненные ему армии приказы на отход, штаб фронта также в 3 часа утра 18 сентября двинулся на восток по северному берегу реки Удай.

Разрешение на отход войск из Киева было дано Ставкой Верховного главнокомандования 17 сентября в 23 часа 40 минут. В ночь на 19 сентября части 37-й армии отступили из Киева и отошли на восточный берег Днепра. Командир 4-й дивизии войск НКВД полковник Ф. М. Мажилин вспоминал: *«День 19 сентября выдался на удивление солнечным и теплым. Над Днепром чистое голубое небо. Часов в 11 утра фашисты открыли ураганный огонь по юго-западным окраинам города, а затем осторожно двинулись вперед, к мостам. Сигнал, и мы со своего командного пункта увидели столбы огня и дыма над ж/д мостом. Взлетел на воздух Дарницкий мост. Облитый смолой и бензином, вспыхнул деревянный Наводницкий мост. И вот прямо перед нашим КП на мосту сверкнула вспышка, и черный султан взрыва подбросил вверх искореженные пролеты, затем воды Днепра сомкнулись вокруг груды обломков»*. После взрыва мостов через Днепр 37-я армия начала отступление на восток, к Яготину. Однако организованного прорыва уже не получилось. С 16 по 20 сентября произошло расчленение войск Юго-Западного фронта на несколько очагов сопротивления. Командир взвода зенитной артиллерии 55-й стрелковой дивизии 21-й армии А. С. Хоняк вспоминал: *«Когда положение стало безвыходным, командир дивизиона взял на себя ответственность, приказал пушки взорвать и выходить из окружения группами. Я шел с пятью солдатами. Это Украина, степь, леса нет, укрыться негде. Ночь идем, днем прячемся в скирдах. Спали по очереди, чтобы кто-то наблюдал, не высываясь. Так шли суток 5–7. Устали. Сон морил. Пистолет я держал в ишнели. Продумал, что в случае безвыходного положения застрелюсь. Я отдыхал, а солдат, который дежурил, уснул. Немцы взяли нас сонных»*.

Основных очагов, где стихийно скопились части Красной армии, к 20 сентября образовалось шесть. Очаг № 1 – из остатков 26-й армии в районе 20–30 километров к северо-востоку от Золотоноша; этот очаг, постепенно сокращаясь, держался до 24 сентября, пытаясь пробиться на восток в районе Оржица. Очаг № 2 – из остатков 37-й и 26-й армий в районе 40–50 кило-

метров к юго-востоку от Киева; этот очаг также держался до 23 сентября. Два очага, № 3 и № 4, – из остатков 5-й, 21-й армий, это была так называемая «Пирятинская группа», которая вела борьбу до 23 сентября в районе 20–30 километров к юго-востоку и востоку от Пирятина, в непосредственной близости от кольца окружения. Очаг № 5 – из остатков 37-й армии в районе 10–15 километров к северо-востоку от Киева, продержавшийся до 21 сентября. Очаг № 6 – остатки 37-й армии в районе Яготина, сумевшие организованно продержаться в кольце немецкого окружения до 24–26 сентября.

Однако ни о какой массовой сдаче советских войск в плен речи не было. Окруженные держались до истощения возможностей к сопротивлению. От силового прорыва вскоре пришлось перейти к просачиванию. Маршал И. Х. Баграмян позднее отмечал, что *«немцы весьма выгодно для себя использовали болотистую долину реки Сула. Они прочно заняли все мосты через реку небольшими отрядами при поддержке танков, а остальные силы расположили в глубине за рекой, как подвижный резерв. Из окружения ушли лишь те, кто незаметно для противника нашел глухое место переправы и через тропы пробился на восточный берег реки»*. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос разделил участь большинства окруженцев. Один из командиров штаба вспоминал: *«Кирпонос был ранен пулей в левую ногу. С трудом добравшись до родника, он сел, накинув на плечи шинель, и усмехнулся: «Эх, не везет же мне на левую ногу!» К нему подошли Бурмистенко с врачом. Во время перевязки Кирпонос жадно курил. В это мгновение сбоку, метрах в четырех, взметнулось пламя. Разрыва никто из нас не слышал – всех оглушила и сбила с ног взрывная волна»*. Кирпонос был убит осколком немецкой мины. Вскоре вслед за командующим погибли начальник штаба фронта В. И. Тупиков, член Военного совета М. А. Бурмистенко и большая часть штабистов.

Киевскому «котлу» было суждено поставить мрачный рекорд – он стал крупнейшим окружением за всю тысячелетнюю историю войн. Согласно подсчетам штаба Юго-Западного фронта, в окружение попало 532 тысячи человек. Из этого числа вырваться удалось всего лишь 15–20 тысячам красноармейцев. Бои немецких войск с окруженцами продолжались до конца сентября 1941 г. Своеобразным символом «Киевской катастрофы» стало малое число взятых вермахтом в качестве трофеев советских танков – примерно 50 машин. Позднее в своих мемуарах Гудериан написал: *«Бои за Киев, несомненно, означали собой крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех также и крупное стратегическое значение, остается под сомнением»*.

Сражение за Днепропетровск

В отличие от сражения за Киев, боям за другой крупный город на Днестре – Днепропетровск – не слишком повезло с историческими описаниями. Как это ни парадоксально звучит, но их больше оценили противники, нежели те, кто в этом городе сражался. Для немцев Днепропетровск стал единственным из захваченных плацдармов на Днестре, с которого не было развито наступление. Совершив переход по невзорванному мосту, подвижные соединения вермахта почти на месяц застряли здесь, не имея возможности ни развить наступление, ни эвакуироваться. Последнее немецкое командование не могло сделать, чтобы не понизить боевой дух войск.

Бои в Днепропетровске достаточно ярко продемонстрировали, что смогла противопоставить немецкой военной машине не имевшая эффективных самостоятельных танковых соединений Красная армия. Это был «бог войны» – артиллерия. Как техническое средство ведения вооруженных конфликтов, она была хорошо отработана и в ходе Второй мировой достигла своего расцвета. Блестящее построение советскими войсками артиллерийской дуэли в Днепропетровске сделало невозможным эффективное снабжение соединений вермахта на плацдарме и тем самым препятствовало развитию немецкого наступления. Подвижные соединения немцев оказались зажаты на клочке земли, осыпаемом снарядами разных калибров.

Военные преступления немецких войск в Киеве

19 сентября немецкие войска вошли в Киев. 24 сентября на главной улице города – Крещатике – силами НКВД были подорваны заминированные ранее дома, в которых расположились представители оккупационной администрации. Взрывы и пожары продолжились и в последующие дни. Первым на воздух взлетело здание магазина «Детский мир», затем цирк на улице Карла Маркса, гостиница «Континенталь», где находился штаб немецкого гарнизона, и близлежащие кварталы. На чердаках многих домов со времен обороны города хранились бутылки с зажигательной смесью. Из-за их возгорания начался страшный пожар, который бушевал четыре дня. От Крещатика практически ничего не осталось. Жители окрестных домов лишь поливали крыши, для того чтобы огонь не перекинулся на их здания. Всего было уничтожено около 940 крупных жилых и административных зданий, без крова осталось около 50 тысяч человек. Нацисты воспользовались этими событиями как поводом для уничтожения еврейского населения Киева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.